

Д Ъ Т С К О Е

Ч Т Е Н І Е

Д Л Я

С Е Р Д Ц А и Р А З У М А.

Ч А С Т Ь І І І.

М О С К В А ,

Въ Университетской Типографіи ,

у Н. Новикова ,

1 7 8 5 .

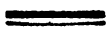
ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Просящему у тебе дай: и хотящаго отъ тебе зяати не отврати. Матт. гл. 5. ст. 42.

I.

Д р у ж б а .

Одинъ богатой купецъ имѣлъ у себя сына, котораго любилъ онъ весьма нѣжно. Онъ воспитывалъ его рачительно, и не упускалъ ничего, что могло служить къ образованію его сердца и разума. Когда сынъ уже выросъ, то отецъ вознамѣрился отправить его путешествовать. „Любезный сынъ! сказалъ онъ ему; знай, что доброй другъ есть самое величайшее сокровище, какое только человѣкъ въ жизни имѣть можетъ. Всѣ прочія временныя сокровища и выгоды наши подвержены переменамъ щастія; но одна только смерть можетъ насъ лишить вѣрнаго друга. Тебѣ не останется уже ничего желать, еслии ты сыщешь одного только такого друга. И такъ я желаю, чтобъ ты, любезной сынъ, отправился путешествовать. Въ путешествіяхъ на-

учаемся мы опытомъ узнавать людей. Чѣмъ больше видимъ мы ихъ, шѣмъ лучше узнаемъ, какъ намъ съ ними жить должно. Свѣшъ есть большая книга, кошорая доставляетъ полезныя познанія тому, кто научится ее читать. Поѣзжай, сынъ мой, и спарайся больше всего найди истиннаго друга. Пожертвуй такой находкѣ шѣмъ, что для тебя всего дороже, есцъли нужда эшова потребуетъ.»,

Молодой человекъ простился со своимъ опцомъ, и поѣхалъ въ сосѣдственную землю. Пробывши тамъ нѣсколькo времени, возвратился онъ домой. Отецъ, не ожидая, чтобъ онъ такъ скоро возвратился, удивлялся его поспѣшному пріѣзду. „Вы приказали мнѣ, говорилъ сынъ, найди друга. Теперь я могу показать между моими знакомцами больше пятидесяти такихъ, кошорыхъ всѣхъ можно считать образцами истинной дружбы.»,

„Сынъ мой! отвѣчалъ купецъ; не безчести священное имя дружбы. Не хвались другомъ своимъ, не испытавши его. Дружба рѣдка, весьма рѣдка. Многіе люди прищворно называютъ себя друзьями. Они поступающъ съ тѣми людьми, кошорыхъ они увѣряющъ въ своей любви, щочно такъ, какъ пьяницы съ бутылкою :

кою: пока естъ въ ней вино, они не выпускаютъ ее изъ рукъ; какъ же скоро она опорожнилась, то отшпалкиваютъ ее отъ себя съ досадою. Я опасаюсь, не принадлежатъ ли и швио друзья къ числу такихъ же людей. „ — „ Бапюшка! сказалъ сынъ: недовѣрчивость ваша несправедлива. Тѣ, которыхъ я друзьями своими почитаю, не перестанутъ меня любить, хотя я и въ несчастіи буду. „

„ Я жилъ на свѣтѣ семьдесятъ лѣтъ, говорилъ купецъ: испыталъ много и добра и зла, былъ знакомъ со многими людьми; но во столько времени и въ такомъ множествѣ знакомцовъ едва могъ я найти одного только друга. Какъ же ты, въ швоемъ возрастѣ и въ столь короткое время, нашелъ ихъ пятьдесятъ? Учись у меня разпознавать людей. „

По томъ купецъ приказалъ заколоть овцу, положишь ее въ мѣшокъ и кровью вымарать плащъ своего сына. Какъ скоро наступила ночь, онъ положилъ мѣшокъ съ убитою овцою на плеча своему сыну, далъ ему наставленіе, какъ ему поступить должно, и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ изъ дому.

Молодой человекъ поступался у воротъ одного изъ своихъ знакомцовъ, ко-

жорой самъ опперѣ ворожа, встрѣтилъ его по видимому съ удовольствіемъ и спрашивалъ о причинѣ его прихода. Купцовъ сынъ отвѣчалъ ему: „Друзья наши тогда только совершенно могутъ увѣрить насъ въ любви своей, когда мы въ несчастіи бываемъ. Я часто рассказывалъ тебѣ о старой ссорѣ, которая велась у нашей фамиліи съ однимъ изъ нашихъ сосѣдовъ. По несчастію встрѣтился я съ нимъ въ пустомъ переулкѣ; онъ напалъ на меня со шпагою; я спалъ обороняясь и прошивъ воли моей лишилъ его жизни. Я опасаюсь, чтобъ убійство мое не открылось и меня не захватили, и для того взялъ я тѣло его съ собою; оно лежитъ въ эшомѣ мѣщкѣ, которой у меня на плечахъ. Прошу тебя спрятать его въ своемъ домѣ до щѣхъ поръ, пока все будетъ забыто.

Мнимой другъ отвѣчалъ на сію прозьбу: „Домъ мой такъ малъ, что въ немъ и для живыхъ мѣста недостаеетъ; кудажь мнѣ помѣстить мершвое тѣло? Ссора ваша съ тѣмъ господиномъ, котораго вы убили, всѣмъ въ здѣшнемъ городѣ извѣстна, по чему потчасъ догадываются, что вы его убили; спануть искашь мершваго тѣла, и какъ всякой

знаесть

знаещъ о нашей дружбѣ, по безъ сомнѣнія и ко мнѣ съ обыскомъ придущъ. Вы увидите, что исполнивъ вашу прозьбу, я ни мало бы вамъ не помогъ, а только самъ попался бы въ несчастіе. И такъ я не могу вамъ сдѣлать иной услуги, кромѣ той, что никому не открою вашу шайну. „

Молодой человекъ продолжалъ упрашивать его весьма усиленно; но тщешно. Наконецъ, опчаявшись уговорить сего неблагодарнаго, ходилъ онъ ко всѣмъ своимъ друзьямъ, на которыхъ надѣялся, и всѣ принимали его такимъ же образомъ, какъ и первой.

„Теперь, сынъ мой, говорилъ купецъ, увѣрься, что на всякова человека полагаться не можно. Куда дѣвалась ревность твоихъ знакомцовъ, коихъ ты называлъ друзьями? Всѣ они оставили тебя въ твоемъ несчастіи, — Но я долженъ тебѣ показать разность между моимъ другомъ и между ими. „ — Разговаривая такимъ образомъ, повелъ онъ сына своего къ тому другу, котораго представлялъ ему въ образецъ дружбы. Пришедши, рассказали они ему выдуманное свое несчастіе. Онъ весьма обрадовался тому, что нашелъ случай показать

имѣ свою любовь. „ Положишься вѣ
эпомѣ на меня, говорилъ онѣ. Вы уви-
дите, что я вашъ истинной другѣ. Я
спрячу мертвое тѣло у себя вѣ домѣ,
хотя и самѣ подвергнусь чрезѣ то опа-
сности; а вы поѣжайте вѣ мою деревню;
гдѣ можете жить вѣ тишинѣ, не опасаясь
ничего. „

Купецѣ благодарилъ друга своего за
его великодушіе, и открылѣ ему, что
онѣ выдумалѣ всю эту повѣсть для того
только, чтобѣ научить сына своего
оплачивать истинныхѣ друзей отѣ лож-
ныхѣ.

II.

О подражаніи родителямѣ.

Любезные наши читатели! мы хо-
тимѣ теперь поговорить съ вами о та-
кой матеріи, которая требуетѣ всего
вашего вниманія, для того, что отѣ
нее зависитѣ благополучіе ваше какѣ вѣ
сей, такѣ и вѣ будущей жизни. Мы на-
дѣемся, что вы подумаете о томѣ, что
мы вамѣ скажемѣ; разумокѣ вашѣ ко-
нечно одобритѣ наши мысли, а совѣщанія
наши, которые даемѣ мы вамѣ съ доб-
рымѣ

рымъ намѣреніемъ, не останутся безъ полезныхъ слѣдствій.

Милосердый Творецъ нашъ, учредившій все премудро къ нашему благополучію, вложилъ въ человека сильную склонность подражать другимъ. Всякой день имѣемъ мы случай увѣряться въ то, что это правда. Обходясь часто съ такими людьми, копорые намъ нравятся, копорыхъ мы любимъ, непримѣнно перенимаемъ ихъ мысли, нравы и даже пѣлодвиженія, выговоръ и прочее. Самое, что сначала кажется намъ очень прошивно, на примѣрѣ неспойности, злые нравы и мысли, не можемъ мы долго видѣть предъ собою безъ того, чтообъ онѣ мало по малу намъ не понравились, и чтообъ наконецъ мы сами ими не заразились. Для того-то всѣ добрые и разумные люди рачительно берегутся обхождения со злыми людьми, зная, что они всегда подвержены опасности, отъ нихъ развращаются.

Сія склонность къ подражанію никогда не оказывается такъ сильно, какъ въ дѣтствѣ. Сколь премудро сіе учрежденіе Божіе! Какъ бы могли вы, любезныя дѣти, научиться говорить и въ присшойномъ положеніи сноять, ходишь и си-

дѣцѣ , естѣлибѣ непримѣнно не переняли всего эпова у другихъ людей? Всякой день видѣли вы , что ваши родители и другіе , окружающіе васъ , люди такъ дѣлающѣ , старались имѣ подражать , и наконецъ сами къ тому привыкли . Сколь медлительно , сколь трудно было бы , естѣлибѣ захопѣли васъ учить всему только на словахъ ! Вы неспособны еще были къ такому ученью въ томъ возрастѣ , въ которомъ не могли вы употреблять своего разсудка . Вамъ надлежало бы симъ образомъ начинать еще учиться въ такое время , въ которое нынѣ вы все по давно уже знаете ; да вѣроятно , что тогда и совсѣмъ не возможно бы вамъ было учиться .

И такъ вы видите , любезныя дѣцѣ , сколь полезна и нужна челоуѣку склонность къ подражанію , а особливо въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ . Однакожь подражаніе простирается не только на телесныя способности , но и на душевныя свойства . Нѣжныя дѣцѣ перенимающѣ склонности , мысли и привычки съ тѣхъ примѣровъ , которыми онѣ всякой день окружены бывающѣ , особливожь у своихъ родителей . Какъ родители обходящяся съ другими людьми , какъ они говорящѣ и раз-

разсуждающъ, такъ же и дѣтя ихъ об-
ходится, говоришъ и разсуждаешъ; что
родители любящъ, или ненавидящъ, то же
и дѣтя любящъ, или ненавидящъ. Мо-
жетъ ли чтонибудь быть естественнѣе
этого? Кромѣ врожденной склонности къ
подражанію самая любовь къ родителямъ
заставляетъ дѣтей все у нихъ перени-
мать. Онѣ видящъ, сколь нѣжно роди-
тели пекутся о ихъ благополучіи и удо-
вольствіи, получающъ отъ нихъ всякой
день новыя благодѣянія; какъ же не же-
лать имъ угодишь своимъ благодѣтелямъ
согласіемъ съ ихъ мыслями и нравами?
Разсудите сами, и спросите у себя, не прав-
да ли это? Не дѣлаете ли вы всего этого,
что часто видите у своихъ родителей,
или у шѣхъ, копорые занимающъ ихъ
мѣсто? Не примѣчаете ли вы, что имѣ-
ете такія же свойства, такіяжъ склонно-
сти, какія родители ваши имѣющъ?

Божіе милосердіе и премудрость Его
являются въ семъ еще болѣе, нежели въ
томъ, о чемъ мы прежде говорили. Есць-
либъ всѣ люди были таковы, какъ Богу
угодно, чтобъ они были; есцьлибъ дѣши
съ самыхъ молодыхъ лѣтъ не видѣли ни-
чего, кромѣ добродѣтельныхъ и человѣко-
любивыхъ дѣлъ, и не слышали ничего,
кромѣ

кромѣ разумныхъ разговоровъ: то бы онѣ сами безъ пруда были добродѣтельны, человеколюбивы и разумны; всякое добро впечатлѣлось бы тогда въ сердцахъ ихъ такъ твердо, что онѣ никогда бы не подвергались опасности полюбить зло. Таково было намѣреніе Божіе! Но къ сожалѣнію люди часто нарушаютъ сіе милосердное и премудрое намѣреніе. Весьма часто находятся родители, которые показываютъ дѣтямъ самыя грубыя пороки; дѣти видятъ въ нихъ только ненависть, зависть, мщеніе, радость чужому вреду, неумѣренность, безбожіе и тому подобное. Несчастное, сожалѣнія достойное дитя, которое имѣетъ такихъ родителей! Какъ можно ему избавиться отъ разврата? Оно не знаетъ еще спрашнхъ слѣдствій, которыя ведутъ за собою сіи пороки въ нынѣшней и будущей жизни; но оно перенимаетъ уже сіи пороки, для того, что инова не чего ему перенимать; для того, что оно не умѣетъ отличать добра отъ зла; нѣтъ у него друга, коимъ показалъ бы ему мерзость порока и красоту добродѣтели такъ ясно, чтобы оно оставило склонность подражать своимъ родителямъ. Такое дитя безъ сомнѣнія погибло бы, еспьлибъ милосердное

Про-

Провидѣніе не пеклось объ его спасеніи: но Оно заблаговременно посылаетъ ему способы узнать нещасіе порока и щасіе добродѣтели; примѣры другихъ добродѣтельныхъ людей, добрыя наставленія и увѣщанія какого нибудь друга, хорошія книги и другія подобныя симъ средства увѣряютъ бѣдное дитя, что оно должно не подражать болѣе своимъ родителямъ и опвыкаться отъ перенятаго у нихъ зла. Въ такомъ случаѣ надлежитъ дитяти пользоваться сими способами къ исправленію, которые Провидѣніе ему посылаетъ. Часто сего не случается, и тогда дитя само бываетъ виновато въ своей гибели.

Мы надѣемся, что изъ нашихъ читательей весьма только немногіе имѣютъ нещасіе видѣть въ родителяхъ своихъ дурныя примѣры, а можетъ быть такихъ и совсѣмъ между ими нѣтъ. Рѣдко можно найти такихъ родителей, которые были бы столько злы, чтобъ не старались по крайней мѣрѣ скрывать отъ дѣтей свои пороки. Но, любезныя дѣти! знайте, что и самыя лучшія родители суть люди, а потому имѣютъ свои погрѣшности, которыхъ не могутъ они скрывать отъ васъ
либо

либо по небреженію, либо по тому, что сами они ихъ не усматриваютъ. Сіи погрѣшности тѣмъ для васъ опаснѣе, чѣмъ нѣжнѣе любите вы своихъ родителей, чѣмъ болѣе жсласте бытъ имъ подобными. И такъ естли дорого вамъ благополучіе ваше, то осперегайтесь и самымъ лучшимъ родителямъ подражать во всемъ безъ различія, и не думайте, что вы не можете уже обмануться, когда будете дѣлать все такъ, какъ родители ваши дѣлаютъ. Вы весьма склонны почищать добрымъ и справедливымъ все то, что примѣчаете въ своихъ родителяхъ; но мы еще поспоримъ, что они чловѣки и по тому имѣютъ свои погрѣшности.

Можетъ бытъ ктонибудь изъ васъ имѣетъ гнѣвливаго отца, которой за всякую малость сердится, кричитъ и бранится. Спросите у самихъ себя, хорошо ли это и достойно ли подражанія? Не былъ ли бы такой отецъ достойнѣе любви, естлибъ не имѣлъ этого порока? — Или чейнибудь отецъ выпиваетъ иногда лишнее, и въ семъ случаѣ говоритъ непристойныя слова, шапается и шумитъ: должно ли дѣлать его такъ же поступать? Должно ли имъ дѣлаться такъ же смѣшными? — Онъ были бы безразсудны, естли-

есълибъ стали въ шомъ ему подражать. — Или чья нибудь маць думаетъ слишкомъ много о себѣ самой и о своихъ уборахъ, проводитъ большую часть своего времени за уборнымъ столикомъ, безпрестанно осматривается, не найдетъ ли что нибудь поправитъ въ своемъ нарядѣ, не проходитъ мимо зеркала, не посмотрѣвшись въ него, Спросите у самихъ себя, не могла ли бы она лучше употреблять свое время? Не дѣлаетъ ли это ея смѣшною? Захотите ли вы ей подражать?

Можно привести великое множество такихъ примѣровъ, но и сихъ уже довольно. Собственное ваше чувствованіе и добрыя наставленія, которыми вы всякой день получаете, скоро покажутъ вамъ, что въ вашихъ родителяхъ достойно подражанія и что не достойно. И такъ старайтесь рачительно испытывать шѣ поступки, которыми вы всякой день видите, прежде, нежели ихъ переймете.

Мы не учимъ васъ вывѣдывать и замѣчать погрѣшности вашихъ родителей, и за то меньше ихъ любите; нѣтъ! это было бы очень дурно и прошивно шѣмъ должностямъ, которыми вы родителямъ своимъ обязаны. Не забывайте никогда, что вы всемъ одолжены имъ, и хощя они,

по человѣческой слабости, имѣютъ нѣкоторыя погрѣшности, однакожь могутъ быть добрыми родителями, спарашься о вашемъ благополучіи, любите васъ отъ всего сердца и даже предостерегають васъ отъ собственныхъ своихъ погрѣшностей. И такъ слѣдуйте лучше добрымъ ихъ увѣщаніямъ и наставленіямъ, нежели примѣру, когда онъ съ наставленіями не согласенъ. Самыя сіи увѣщанія и наставленія служатъ вамъ доказательствомъ, что они не одобряютъ своихъ погрѣшностей, но дѣлаютъ ихъ только по небреженію, по неосмотрительности, или по слабости. — Короче сказать, предпочитайте всему заповѣди Божіи и собственную вашу совѣсть, хотя бы не только родители ваши, но и всѣ, окружающіе васъ, люди прошивно имъ поступали. Временное и вѣчное благополучіе ваше зависитъ отъ того, когда вы будете угодны Богу и сами собою довольны.

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Любите враги ваща, благословите кленущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитесь за творящихъ вамъ напасть, и изгонящія вы: яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесѣхъ, яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя. Матѣ, гл. 5. ст. 44 и 45.

III.

О побужденіяхъ дикихъ животныхъ къ сохраненію жизни.

Всѣ животныя швари имѣющъ сильную склонность къ сохраненію своея жизни. Она есть самое сильнѣйшее въ нихъ побужденіе и источникъ большей части шѣхъ дѣисвій, которыя обыкновенно животныя предпринимающъ. Всѣ онѣ, отъ самаго малаго червячка до слона, чувствующъ непреодолимое ошращеніе отъ смерти, и всеобщій законъ въ царствѣ животныхъ есть, сохранять жизнь свою. Но шѣло всякаго животного, сія машина, составленная съ удивительнымъ искусствомъ, совсѣмъ инаго свойства,

нежели другія машины, составляемыя изъ спали, мѣди и другихъ швердыхъ машерій. Сии послѣднія, содержимы будучи съ надлежащею бережливостью, могутъ пребыть довольно долго безъ примѣтнаго поврежденія. Напрошивъ того шѣла живошныхъ, чрезъ безпрестанное испареніе и другіе способы, всякой день перяютъ сполько часпицъ, что въ короткое время ни мало бы ихъ не оставалось, естли бы сей ущербъ не былъ безпрестанно замѣняемъ новыми часпицами. Голодъ, сіе нестерпимое чувствованіе, научаетъ сему всѣхъ живошныхъ. Онъ никогда не престаупаетъ сего закона; всякой день въ надлежащее время ищутъ онъ себѣ пищи, какая прилична свойству каждаго изъ нихъ; ибо естлибъ всѣ живошныя бѣли все то, что первое имъ попадется, то еще въ первые весенніе дни необходимо надлежало бы произойти недостатку въ нѣкоторыхъ родахъ корму, и тогда слабѣйшія живошныя должны бѣ были помирать съ голоду. Звѣри не живутъ въ обществахъ, а по тому и не спрашивается у нихъ, всѣли они довольны; всякое животное сѣдаетъ то, что само для себя сыщеть. Любовь къ другимъ шварямъ принадлежитъ душамъ гораздо благо-

благороднѣйшимъ звѣрскихъ. И такъ какое опустошеніе, какой недостатокъ произошелъ бы, естлибъ Творецъ не расположилъ какъ внутреннія, такъ и внѣшнія части всякаго класса животныхъ такимъ образомъ, что онѣ пребушъ нѣкопорохъ только родовъ корму, а другихъ совсѣмъ сносить не могушъ; естлибъ, такъ сказать, не опвелъ Онъ каждому роду животныхъ особливаго удѣла, копорымъ ему пишашъся надлежитъ. Въ разсужденіи несѣкомыхъ сіе замѣчаніе столь вѣрно, что люди могли распредѣлишь на разные классы и шѣ распѣнія, на копорохъ живушъ разные классы несѣкомыхъ. Въ разсужденіи пшицъ сіе раздѣленіе еще шрудно; по крайней мѣрѣ о нѣкопорохъ классахъ изъ нихъ не знаемъ еще мы, чѣмъ они охопнѣе пишашъся. Чешвероногія животныя кормящя опчасши земными произраспѣніями, опчасши же мясомъ другихъ животныхъ. Послѣднее свойшвенно шѣмъ звѣрямъ, у копорохъ зубы нѣсколько подобны пилѣ. Одинъ только медвѣдь, а особливо въ Норвегіи, не сохраняешъ сего порядка; когда онъ не находитъ шравы или моху, то для ушоленія своего голоду нападаешъ на коровъ, овецъ и лошадей. Напрошивъ

того быкъ, сколь онъ ни спрашенъ и ни сердилъ, однако не убиваетъ никакого живошнаго съ голоду, а пипается одною правою, и въ случаѣ нужды древесными почками. Самой слонъ не употребляетъ великихъ своихъ преимуществъ въ силѣ и скорости нашо, чшобъ кормиться другими живошными, но совершенно довольствуется шѣмъ кормомъ, копорой растешъ для него въ лѣсахъ.

Сии живошныя, довольсшвующіяся поюлицею, копорую сама напура пригото- вляетъ для нихъ на лугахъ, въ лѣсахъ и на шучныхъ берегахъ рѣкъ и болошъ, не имѣють въ склонностяхъ своихъ дикости и свирѣпства. Жизнь ихъ проста, умѣренна, спокойна и по большой части столь одинакова, что напуральные исто- фики мало бы могли писать о происходящихъ въ лѣсахъ перемѣнахъ, естлибъ сии живошныя однѣ полько шамъ жили. Ихъ нравы столь сходны со нравами домашнихъ нашихъ живошныхъ, что попадаясь рано къ людямъ, почти совсѣмъ оставляютъ свою дикость. Оленей запрягаютъ въ повозки вмѣсто лошадей. Медвѣди учаща плясать. Сии звѣри, довольсшвующіеся богатсшвами царсшва растшній, бывають полько по врежанамъ

люпы

люшы и кровожадуши. Тогда бываютъ они столь отважны, что нападають на всѣхъ людей и прочихъ животныхъ, которые имъ попадаются, и умерщвляютъ ихъ, еслии онѣ не спасутся бѣгствомъ. Олени также дерутся между собою въ то время, когда они падаютъ, такъ жестоко, что издалека слышанъ бываетъ спукъ ихъ роговъ и часто находятъ на мѣстѣ драки убитыхъ. Въ сіе время, особливожь при пасмурной погодѣ, наполняютъ они лѣса пронзительнымъ крикомъ, какъ бы предостерегая чрезъ то охотниковъ, чтобы они не подвергались ихъ ярости. Дикія свиньи, или кабаны, также бѣсясь въ сіе время и съ великою яростию дерутся между собою. Они грызутся своими клыками и наносятъ другъ другу глубокія, а часто и смертельныя, раны. Побѣдитель оставяетъ своего соперника на мѣстѣ и поспѣшаетъ заперать собственныя свои раны древесною сѣрою, или грязью. Сей натуральной пластырь останавливаетъ теченіе крови и залечиваетъ рану столь хорошо, что кожа стараго кабана, которой часто бывалъ въ такихъ дракахъ, наконецъ дѣлается крѣпкимъ панциремъ, коего почти ничѣмъ пробить не можно.

Мы уже сказали, что такая люпость необыкновенна, и кромѣ помянушаго времени не свойственна шѣмъ живошнымъ, копорыя питаются правою, древеснымъ листьемъ и дубовыми желудями. Во всякое другое время живупъ онѣ мирно между собою, ходяшъ спадами, и не нападаютъ на людей, естли не бываюшъ раздражены, или принуждены къ шому для спасенія своей жизни опъ видимой опасности. Того ради мало достопамятнаго можно обѣ нихъ сказать, и мы упомянемъ шолько обѣ ихъ искусствѣ, съ какимъ защищаютъ онѣ жизнь свою опъ сильнѣйшихъ живошныхъ. Напротивъ шого надобно намъ будемъ больше о звѣряхъ, питающихся мясомъ шѣхъ живошныхъ, копорыя ихъ слабѣ.

Сперва будемъ мы говорить о шомъ, какъ звѣри стараются доставать себѣ пищу, а по шомъ уже, какъ они защищаются. Всѣ плошоядные, или мясомъ питающіяся живошныя отважны, особливо жъ шѣ изъ нихъ, копорыхъ натура снабдила особеннымъ оружіемъ. Нѣкоторыя нападаютъ съ большею хитростію, а другія съ большимъ свирѣпствомъ. Но по большей части хитрость предпочитаютъ онѣ явному насилію, выключая шѣхъ

пѣхъ звѣрей, копорыя надежно могутъ полагаться на чрезвычайную свою силу. Они почти всегда спараются о томъ, чшобъ бѣдное животное, которое они поимать хошашъ, ихъ не увидѣло. Можетъ быть сіе дѣлаютъ они, зная, что всякое животное умѣетъ защищать свою жизнь отъ явнаго насилія посредствомъ чрезвычайной быстроты, прыганья, ца-рапанья, или другихъ способовъ обороны; или можетъ быть научили ихъ сему не-искусные и по тому неудачные опыты; или можетъ спашься сильное желаніе ка-кой нибудь вещи научаетъ купно и спо-собамъ доставать оную. Но какъ бы то ни было, однако звѣри весьма искусны въ изобрѣненіи средствъ ловить скоро и съ безопасностію пѣхъ животнохъ, ко-порыхъ ѣсть они любяшъ, и голодъ, ко-порой доводитъ ихъ иногда до бѣшенства, служишъ имъ самымъ лучшимъ училемъ.

— Ласпочка, сей разбойникъ, копорой зимою весьма любяшъ жишницы богатыхъ крестьянъ, для препровожденія времени въ корошкіе зимніе дни ловяшъ мышей, и корошенькими своими лапками вышаскиваетъ ихъ изъ норъ весьма искусно; но при наступленіи весны выходитъ въ поле и оказываешъ надъ молодыми зай-цами

цами и кроликами такую отважность, какую зимою оказывала надъ презрительными мышами. При семъ случаѣ должно замѣтить, что малыя живошныя бывающъ для челоуѣка гораздо опаснѣйшими непріятелями, нежели самыя большіе и лютыя звѣри (подобно тому, какъ хитрые, коварные и шайные враги изъ людей гораздо вреднѣе явныхъ непріятелей). Крестьянинъ принужденъ бываетъ давать имъ какъ зимою, такъ и лѣтомъ кварширу и кормъ, и что всего хуже, онъ лишаютъ его самой лучшей пищи. Куницы крадутъ самыхъ лучшихъ курицъ, копорыхъ богатой крестьянинъ бережетъ на какойнибудь большой праздникъ; и при всемъ томъ самыя умныя спарики въ деревняхъ не знаютъ еще довольно способовъ протонять сихъ скучныхъ гостей, или предостерегаться отъ ихъ воровства.

Лисица, которая также въ курицахъ находить вкусъ, въ разсужденіи хитрости предпочитается всѣмъ прочимъ звѣрямъ. Въ опытъ ея искусства: когда молодыя зайцы играютъ между собою, то она смотритъ нѣсколько минутъ издалека на ребяческія ихъ забавы; по томъ мало по малу приближается къ нимъ; а эти простосердечныя швари, продолжаятъ свою

свою игру, ничего не опасаясь, и какъ бы гордясь еще тѣмъ, что онѣ играютъ при шаконѣ свидѣтелъ, которому хвостъ его придаетъ не малую важность. Можетъ быть ободряетъ ихъ къ тому веселой и пріятной видъ лукавой лисицы. Однимъ словомъ, они такъ бываютъ неоспорожны, что она сама вмѣшиваясь въ веселую ихъ полпу; но вдругъ схватываетъ она одного изъ сихъ неопытныхъ проспяковъ, уноситъ его и дѣлаетъ невинной его забавѣ печальной конецъ.

Самая большая выгода, которую плошадныя пользуются при своемъ промыслѣ, состоитъ въ удивительной скорости, съ какою производятъ онѣ въ дѣйство свои намѣренія. Онѣ принимаютъ намѣреніе и исполняютъ почти въ одинъ мигъ. Сія скорость причиняетъ прошивной споронѣ трудность, а часто и невозможность узнавать опасность и избавляться отъ нее. Такая скорость по большей части одерживаетъ верхъ надъ превосходною силою. Доказательствомъ сему служитъ Египетское животное Ихневмонъ, которое хотя весьма мало, однако столь отважно и проворно, что умерщвляетъ лошадей, верблюдовъ и даже крокодиловъ. Кто бы не подумалъ, что бѣлки, копо-

рыя иногда служатъ намъ забавою, свободны отъ всякой опасности на высокихъ соснахъ и на другихъ деревьяхъ? Но совершенно прошивное: лѣсныя куницы гоняющъ ихъ съ одной вѣтви на другую и прыгающъ съ невѣроятною быстротою, такъ, что весьма скоро ловящъ ихъ невинныхъ и прятливыхъ звѣрковъ. Кошки наши ни мало не могутъ сравняться съ этими искусниками, когда онѣ отваживаются прыгать по деревьямъ, дабы поймать недавно оперившагося воробья; онѣ обыкновенно въ такихъ случаяхъ обрываются и падающъ на землю. Напротивъ того Американскія лѣсныя кошки гораздо искуснѣе въ семъ промыслѣ. Онѣ ложатся на вѣтви пропавшия и ни мало не двигаются; какъ же скоро безопасная птица начнетъ пѣть не заботясь, что онѣ прыгающъ вдругъ, чтобъ схватить ее, и сіе рѣдко бываетъ безъ удачи. Однако намъ не нужно ѣхать въ Америку для того, чтобъ увидѣть такихъ искусныхъ и проворныхъ ловцовъ. Европейскія дикія кошки не только равняются съ Американскими въ искусствѣ ловить птиць, но еще и превосходятъ ихъ въ семъ свирѣпомъ промыслѣ. Скрывшись подъ древесное лисье, дожидаясь онѣ,

онѣ, пока заяцѣ, или другое такое жѣ живошное побѣжитѣ мимо опасной ихѣ за-сады; дождавшись же, бросающа сѣ дере-ва такѣ быспро, какѣ стрѣла, и вцѣп-ляюща своими когтями вѣ неосторожное живошное. Однако ни кошорые изѣ всѣхѣ сихѣ лѣсныхѣ разбойниковѣ не могуѣ сравняѣся вѣ лукавомѣ свирѣдствѣ сѣ рысью. Она также взлѣзаетѣ на высокія дерева, и при помощи чрезвычайно остраго своего зрѣнія усмотрѣвши какое нибудѣ живошное, кидаетѣся на него сѣ невѣроят-ною скоростію и вцѣпляетѣся вѣ него такѣ крѣпко, что можетѣ безѣ всякаго пре-пятствія высасывать изѣ него кровь до-полѣ, пока оно умретѣ. Изѣ большихѣ звѣрей принадлежитѣ кѣ сему классу шигрѣ. Красота его кожи доставляетѣ ему по смерти чести служитѣ укращені-емѣ Азіяпскимѣ знашнымѣ людямѣ. Не-насыщимаая кровожадность дѣлаетѣ его самымѣ ненавистнѣйшимѣ и опаснѣйшимѣ изѣ всѣхѣ звѣрей вѣ свѣстѣ, шѣмѣ паче, что онѣ соединяетѣ вѣ себѣ коварное лу-кавство сѣ лющостью и почти невѣроят-ною скоростію. Онѣ бросаетѣся сѣ деревѣ на свою добычу, такѣ же, какѣ рысь. Левѣ по шягости его шѣла не можетѣ лазитѣ на дерева, и по шому ложитѣся онѣ,

онъ за кусты и подстерегаетъ лошадей, верблюдовъ и быковъ. Увидѣвши копорое нибудь изъ сихъ живописныхъ, выскакиваетъ вдругъ изъ своей засады, нападаетъ на него, шерзаетъ съ люпоспiю, бьешъ передними лапами и провождаетъ сiи жестокіе удары спрашнымъ своимъ ревомъ. По томъ схватываетъ онъ зубами умирающее въ когпяхъ его живописное, поднимаетъ гордо свою гриву и пожираетъ свою добычу. Онъ не нападаетъ на человѣка, еспли не бываетъ принужденъ къ пому голодомъ. Также не умерщвляетъ онъ и другихъ живописныхъ изъ одной кровожадноспи, еспли онъ не голоденъ. По сему свойспву приписываютъ льву великодушiе. Напрошивъ щото волкъ производитъ великое кровопролищiе между овцами какъ на опкрытомъ полѣ, такъ и въ хлѣвахъ. Также нападаетъ онъ на лошадей, быковъ и даже на людей, а особливо зимою въ большую спужу. Свойспва его споль ненавистны, что одно его имя служитъ досташпочнымъ описанiемъ самаго свирѣпаго и вреднаго человѣка. Деревенскіе жипели споль рачисельно спараются испреблять волковъ, что они скоро могутъ такъ же перевеспись во всей Европѣ, какъ они испреблены

блены въ Англіи. Въ сихъ звѣряхъ еще по особливо примѣчанія достойно, что они даже зимою стадами выходятъ на свою ловаю; напрошивъ чего всѣ другіе хищные звѣри живутъ порознь и безъ всякаго между собою сообщенія.

До сихъ поръ описывали мы, какимъ образомъ звѣри ловятъ свою добычу; а теперь опишемъ нѣкоторыя способы и хитрости, употребляемыя ими къ защищенію себя. Всѣ звѣри, даже и самыя любушійшіе, боятся людей, и только несперимой голодъ, или необходимость для спасенія собственннй жизни могутъ побудить ихъ напасть на человѣка, еспьли онъ ихъ не раздражаетъ. Однако всѣ животноныя, даже и самыя слабѣйшія, и пѣ, копорыя никогда не проливаютъ крови, отваживаются на все и схватываются какъ съ человѣкомъ, такъ и съ самымъ большими и сильными звѣрями, когда видятъ дѣшей своихъ въ опасности. Особенно самки оказываютъ въ такихъ случаяхъ удивительную неустрашимость и приходящъ въ жестокую ярость на того, кто осмѣлился подойти къ ней, или къ дѣшямъ ся ближе, нежели надобно для ихъ безопасности. Волчица уноситъ волчатъ своихъ въ зубахъ, когда видитъ непріятелей,

шелей, не заботясь о томъ, что сія тяжелая ноша препятствуетъ ей скоро бѣжать и чрезъ то ее самое подвергаетъ опасности. Суринамской Еней (родъ мышей), примѣшивъ опасность, сзываетъ дѣтей своихъ жалкимъ свистомъ. Сей свистъ производитъ въ нихъ боязливость, хотя сами онѣ и не видятъ опасности; онѣ взбираются одинъ послѣ другаго на спину къ своей матери и хвостами своими держатся за ея хвостъ, копорой она вверхъ поднимаетъ. Мать убѣгаетъ съ сею ношею весьма скоро, и скрывается съ нею въ какую нибудь безопасную нору. Въ Америкѣ есть крысы, копорыя подъ брюхомъ имѣютъ кошель. Въ семъ кошелѣ самки носятъ своихъ мышатъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не оброснутъ шерстью, копорая могла бы защищать ихъ отъ стужи. Но и послѣ того, когда уже сами онѣ могутъ жить на вольномъ воздухѣ, сей кошелекъ часто служитъ имъ убѣжищемъ; ибо какъ скоро покажется какой нибудь непріятель, то оспорожная мать подаетъ знакъ своимъ дѣтямъ: тогда старшія изъ нихъ потчасъ влѣзаютъ въ кошель, а младшія также за ними послѣдуютъ. Испуганная мать бѣжитъ съ ними въ ближнюю нору,

какая

какая въ то время ей попадется. Бѣлыя медвѣдицы и морскіе ужи сполько любяшѣ своихъ дѣшей, что скорѣе попускашѣ убить себя до смерти, нежели ихъ оспавяшѣ и выдадутѣ. — Вотѣ какѣ пеклось Провидѣніе о всѣхъ шваряхъ! Оно вселило въ самокъ, кошорыя впрочемѣ гораздо боязливѣе самцовѣ, для такихъ случаевѣ неустрашимость, преодоляющую всякія другія побужденія и самой сильной спрахѣ. Сія неустрашимость матерей, равно какѣ и шерпѣливость ихъ, необходимо нужна для сохраненія безпомощныхъ и споль многимѣ опасностямѣ подверженныхъ дѣшей, и безѣ нея весьма бы сполько не многія швари могли прожить послѣ своего рожденія. Матери также занимающія по большей части ученіемѣ своихъ дѣшей. Путешественники рассказываютѣ, что имѣ весьма пріятно было смотрѣть, какѣ морскія львицы учатѣ дѣшей своихъ плавать, и лѣвивыхъ, кошорыя всегда хосятѣ лежатѣ у нихъ на спинѣ, нарочно сбрасываютѣ въ воду, дабы онѣ по неволѣ привыкали къ такому искусству, кошорому сами не хосятѣ учиться и кошорое для нихъ необходимо нужно.

Но мы обращаемся къ нашему намѣренію , дабы показать , какъ Премудрой и милосердой Творецъ самымъ малѣйшимъ шварямъ Своимъ даровалъ врожденныя способности защищаться безъ всякой чужой помощи. Провидѣніе снабдило нѣкошорые роды живопныхъ особливыми оружіями и искусствомъ опважно употреблять оныя во всѣхъ случаяхъ ; другія жь живопныя , не имѣющія шакихъ натуральныхъ оружій , получили отъ Него либо удивительную хипросость , либо проросство. Мы начнемъ описывать сихъ послѣднихъ и нѣкошорыми примѣрами покажемъ , что хипросость часто съ великою выгодною замѣняетъ недоспашокъ силы.

(Продолженіе будетъ впредь.)

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Аще бо любите любящихъ васъ, кую мзду имате? не и мытари ли тожде творятъ? — Будите убо вы совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть. Матѣ. гл. 5. стп. 46 и 48.

Продолженіе о побужденіяхъ дикихъ животныхыхъ къ сохраненію жизни.

Зайцы, сіи забавныя живошныя, играющія между прочими звѣрями ешоль смѣшную ролю, на бѣгу прилегающъ къ землѣ, какъ скоро примѣшяшъ, что опасныя ихъ непріятели, легкія гончія собаки, ихъ догоняющъ. Сей весьма простой и удобной способъ важенъ въ разсужденіи своей пользы. Заяцъ ушомась ошъ бѣганья и спраху, получаетъ время опяшь отдохнушъ и собрашъ нѣсколько новыхъ силъ; охотникъ между шѣмъ перяешъ его изъ виду, а раззадорившаяся собака пробѣгаетъ

Часть III. No. 29. Ъ гаетъ

гаешъ мимо его. По помѣ онѣ перемѣняешъ свою дорогу и уходишъ въ другую сторону. Какъ же скоро подбѣжишъ онѣ шаговъ на дваццать, или на триццать къ своей норѣ, то умѣешъ спряташься въ нее съ разными оборопами, такъ что не покажешъ непріятелямъ своимъ прямой къ себѣ дороги.

Бѣлка дѣлаешъ по же на деревьяхъ, что заяцъ на равной землѣ. Скокками своими съ одного дерева на другое умѣешъ она чрезъ цѣлой день обманывать самыхъ хитрыхъ и искусныхъ въ лазаньи деревенскихъ рабашъ, и заспавляешъ ихъ уходить домой съ пусшими руками. Охотники выхваляюшъ въ семъ звѣркѣ необыкновенное другимъ, подобнымъ ей, искусникамъ свойство; а имѣнно, она хорошая экономка и запасаетъ себѣ на зиму въ дуплахъ немалое количество дубовыхъ желудей и орѣховъ.

Дикіе козлы прыгаюшъ съ камня на камень съ такимъ же искусствомъ и проворствомъ, съ какимъ бѣлки прыгаюшъ съ одного дерева на другое. Опважные охотники часто должны бываюшъ, долго за ними гонявшись, наконецъ возвращающся, ничего не поймавши. Пропаспи на 6 и на 7 шаговъ въ ширину не могушъ ихъ

ихъ удерживать. Дикія козы хотя также весьма искусны въ прыганьѣ по горамъ, однако никогда не сравниваются съ козлами въ отважности.

Нѣкоторыя живошныя прячущя подѣ землю и какъ бы живыхъ себя погребаютѣ. Симъ натуральнымъ способомъ защищенія пользуются мыши, кропы, лисицы и нѣкоторыя другіе звѣри. Они употребляютѣ при томъ нужную оспорожность, и оспавляютѣ не одинъ входъ къ главному своему укрѣпленію, опчаспи для того, чшобѣ непріятелямъ ихъ прудно было узнать наспоящее ихъ жилище, опчаспи жѣ для того, чшобѣ имѣть болѣе удобности уйши, когда ихъ найдутѣ. Кропы, кромѣ широкихъ и на лопашу похожихъ лаяѣ, имѣютѣ оспрое рыло, кошорымъ они глубоко прокопываютѣ землю и въ мягкой землѣ дѣлаютѣ себѣ пещеру или сводѣ. Надѣ симъ сводомъ насыпаютѣ они бугорокъ, кошорой служитѣ имъ защитою, и за кошорымъ могутѣ они безопасно подсперегать дождевыхъ червей и другихъ малыхъ несѣкомыхъ. Естѣлибѣ сіи живошныя щадили при своей работѣ разное коренье и нѣжныя растѣнія, то ихъ можно бы было шерпѣть въ садахъ и на лугахъ; ибо сверьхѣ

ь 2

шого,

того, что питаются они дождевыми червями, они прокопывают еще каналы, чрезъ которые дождевая вода глубже въ землю проходитъ. Однако они сполько размножаются и такъ далеко распространяютъ свои опустошенія, что люди принуждены испреблять ихъ разными способами.

Другихъ животноныхъ научило побужденіе къ сохраненію жизни разнымъ инымъ искусствамъ, которыя шѣмъ больше заслуживаютъ удивленія, чѣмъ онѣ простѣе и удобнѣе. Ежи въ шу самую минушу, когда хочешь до нихъ допронуться, сжимаются такъ крѣпко, что спановаяся шолько колючими шарами, къ которымъ не лзя прикоснуться не уколовшись.

Нѣкоторыя животноныя, видя жизнь свою въ опасности, спасаются въ шакія мѣста, куда непріятели ихъ не могутъ за ними послѣдовать. Птицы поднимаются на воздухъ; лягушки и другія амфибіи (*) уходятъ съ земли въ воду; земныя животноныя прячутся въ свои пещеры, либо въ густыя кустарники.

Те-

(*) Такія животноныя, которыя могутъ жить и въ водѣ и на сухой землѣ.

Теперь оспается еще намъ показать нѣкоторыми примѣрами, съ какимъ искусствомъ умѣютъ употреблять дарованія свои шѣ живошныя, копорыхъ Творецъ надѣлилъ особливыми оружіями, или опмѣнною силою.

Медвѣдь весьма искусно умѣетъ употреблять свои лапы на защищеніе своей жизни. Во многихъ городахъ проспой народъ любитъ забавляться свирѣлымъ зрѣлищемъ, которое называется правлею. Оно состоитъ въ томъ, чтобы выпускашь на медвѣдя нѣсколько собакъ. Медвѣдь, видя себя со всѣхъ споронъ окруженнаго своими непріятелями, не думаетъ о побѣгѣ, но спарается храбро защищаться. Онъ спановится на заднія лапы, а передними даетъ собакамъ столь сильныя удары, что многихъ убиваетъ до смерти. Между шѣмъ выпускаютъ на него новыхъ собакъ. Онъ не перестаетъ защищаться, и часшо удаешся ему обнять одну изъ своихъ непріятельницъ такъ крѣпко, что она издыхаетъ. Однако наконецъ долженъ онъ бываетъ уступить множеству собакъ, хопя и не упускаетъ пользоваться самымъ малымъ оспаккомъ силъ. — При семъ случаѣ надобно замѣтитъ, съ какою оспорожностію медвѣди и львы берегутъ свои

когти; коихъ употребленіе для нихъ очень важно. Идучи, поднимающъ они когти свои вверхъ и не прикасающся ими къ землѣ, для того, чшобъ они не шупились.

Другія живошныя умѣющъ употребляшъ зубы свои къ защищенію себя шакъ же, какъ и когти. Кабанъ знаетъ, что онъ не напрасно имѣетъ свои крѣпкіе и кривые клыки. Онъ въ ярости кидаетъ на охотниковъ и даетъ имъ смершельныя раны. Сіи звѣри не рѣдко собираются толпами, и шакимъ образомъ подъ предводительствомъ одного стараго кабана выходятъ прошивъ цѣлой шайки охотниковъ. Въ шакихъ случаяхъ смерть одного кабана рѣдко не бываетъ заплачена смершю, или шяжекою раною охотника.

Рога служатъ какъ украшеніемъ, шакъ и оружіемъ, шѣмъ живошнымъ, которыя ихъ имѣющъ. Извѣшно, что быки и коровы не рѣдко убивающъ ими людей до смерши. Въ шѣхъ земляхъ, гдѣ медвѣди и другіе хищные звѣри часто нападаютъ на быковъ, сіи послѣдніе умѣющъ обороняшъ своими рогами. Ешшли нападешъ на ихъ шпадо много непріятелей, то они дѣлающъ кругъ, становяшъ рогами впередъ, шакъ что непріятелямъ ни сѣ-

кошпо-

копорою стороны подойти къ нимъ не можно. Лошади въ такихъ случаяхъ такъ же дѣлають кругъ и бьются задними копытами.

Слонъ убиваетъ до смерти хоботомъ своимъ коровъ и другихъ большихъ животныхъ. Единорогъ употребляетъ больше острой свой языкъ, нежели рогъ, хопя и симъ въ ярости подхватываетъ людей и большихъ звѣрей и взбрасываетъ ихъ на воздухъ.

Колючая свинья, будучи раздражена, попрыскаетъ свое шло, отъ чего вылетаетъ изъ него великое множество швердыхъ и острыхъ щепилъ на собакъ, которыя за нею гонятся. Такъ называемой *вонючій звѣрь* ходитъ весьма шико, но въ недоспаккѣ скорости умѣетъ онъ удалять отъ себя своихъ непріятелей другимъ способомъ; а имянно, онъ брызжетъ вокругъ себя нѣкопорою жидкостью, отъ копорой бываетъ такая скверная вонь, что ни люди; ни другія животные не могутъ ее вышерпѣть. Если сія жидкость попадетъ на платье, то шрудно ее отмыть и вонь почши навсегда остается.

IV.

Примѣръ честности и благодарности.

Во Франціи жила одна Госпожа, которая мало имѣла подобныхъ себѣ въ похвальныхъ свойствахъ; особливо жъ была она весьма добросердечна, такъ, что смотря на благородныя поступки Госпожи Ферваль (такъ она называлась), не можно было не почувствовать къ ней глубокаго почтенія и склонности подражать ей. Слѣдующая небольшая повѣсть послужитъ пому доказательствомъ. Также можемъ мы изъ сея повѣсти научиться правилу, что самой лучшей и надежной способъ дѣлать людей добрыми, честными и справедливыми, есть пошъ, чтобъ въ приспойное время и съ благоразуміемъ дѣлать имъ добро.

Нѣкогда по ушру пришелъ въ домъ Гж. Ферваль молодой человекъ лѣтъ тринадцати, которой торговалъ по малымъ городамъ и по деревнямъ разными малкими товарами. Онъ просилъ позволенія увидѣться съ нею. Гж. Ферваль приказала привести его въ свою комнату, гдѣ она работала съ двумя своими дочерями. Молодой купецъ, вошедши въ комнату, поклонился весьма почтительно

и подошелъ къ ней съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

„ Милосливая государыня ! сказалъ онъ , положивши къ ней на столъ кошелекъ : вотъ 7000 шалеровъ , которыя ми я давно уже вамъ долженъ , и кошерые мнѣ давно бы надобно было вамъ вручить. „

„ Какъ ! „ ошвѣчала Гж. Ферваль въ удивленіи : „ я не помню , чшобы я когда нибудь пошеряла столько денегъ. „

Купецъ. Вы ссужали меня ими. Извольше вспомнить о помѣ договорѣ — „

Гж. Ферваль. О какомъ договорѣ ? — Я себя совсѣмъ не разумю. Конечно вы ошибся , и деньги эшѣ не мнѣ принадлежатъ.

Купецъ. Развѣ вы меня не знаете ? — Помните ли вы маленькова Якова , того бѣднаго сироту , у которова вы всегда покупали иглы и булавки ?

Гж. Ферваль. Возможно ли эшо ? Не уже ли вы шотъ маленькой Яковъ ?

Купецъ : Точно такъ , милосливая государыня. Луидоръ (*), которой вы мнѣ пожаловали осьмнадцать лѣтъ тому назадъ , составилъ мое щастіе. Я купилъ на него

Ъ 5

шова-

(*) Французская волошая монета.

поваровъ лучше иголъ и булавокъ, жилъ бережливо, шрудился и нажилъ опъ эшова луидора 7000 шалеровъ для васъ и сполько же для себя. Я велъ щетъ всегда исправно, и вашу прибыль всегда опкладывалъ особливо.

Гж. Ферваль. Мою прибыль? — Но какое право имѣю я на швои деньги?

Купецъ. Не вспомните ли вы, милостивая государыня, что однажды пересмащривая мои шовары, спросили вы у меня съ улыбкою, какъ могу я пропишась моимъ промысломъ?

Гж. Ферваль. Помню. Ты еще заплакалъ при эшомъ вопросѣ.

Купецъ. Я опвѣчалъ вамъ, что по недоспашку въ деньгахъ можеть быть весь вѣкъ свой проживу въ худыхъ обшпояшельспвахъ.

Гж. Ферваль. Также разсказывалъ ты мнѣ шогда, какъ ты намѣренъ былъ расположиться въ своемъ промыслѣ, и намѣренія швои были очень хороши.

Купецъ. Вы изволили спросить у меня, сколько надобно мнѣ денегъ, чтобы поправитъ мой обшпояшельспва?

Гж. Ферваль. И эшо помню. Ты опвѣчалъ, что шебѣ надобно шолько чешыре шалера. Мнѣ эшо удивительнo показалося.

Купецъ.

Купецъ. О! чешыре шалера тогда были для меня великое дѣло. — Вы пожаловали мнѣ Луидоръ съ шѣмъ уговоромъ, чтобы прибыль раздѣлилъ я съ вами пополамъ.

Гж. Ферваль. Какъ? другъ мой! развѣ ты принялъ это не за шутку?

Купецъ. Конечно такъ, милоспивая государыня. Я поступилъ бы не честно, еспли бы не принесъ вамъ исправно вашей половины. Вошъ мои щепы. Съ намѣреніемъ не упрасилъ я ни одной полушки.

Между шѣмъ купецъ развязалъ свой кошелекъ, высыпалъ деньги на столъ и началъ ихъ щипать. — „Для бога!“ вскричала *Гж. Ферваль* въ удивленіи: „другъ мой! оставь свои деньги у себя. Ты нажилъ ихъ честнымъ образомъ, и онѣ никому кромѣ тебя не принадлежатъ.“ —

Купецъ. Нѣшъ, милоспивая государыня! онѣ мнѣ не принадлежатъ, по договору онѣ ваши.

Гж. Ферваль. Договоръ эшотъ былъ одна шолько шутка. И такъ возьми свои деньги, по крайней мѣрѣ въ угожденіе мнѣ.

Купецъ. Ахъ! какъ вы милоспивы! я беру эшѣ деньги по вашему приказанію

вѣ

въ подарокъ отъ васъ. Но мнѣ гораздо бы пріятнѣе было, естлибъ вы ихъ приняли.

Купецъ взялъ свои деньги и вышелъ. Онъ всегда искалъ случаевъ оказывать Госпожѣ Ферваль свою благодарность.

Вотъ какъ мало споишъ иногда для насъ дѣлать человѣка на всю жизнь его щасливымъ!

V.

Меналкъ. Пастушеская повѣсть.

Чрезъ долгое время послѣ шѣхъ благополучныхъ дней, которые стихотворцы называютъ золошымъ вѣкомъ, для того, что сей соблазнительной мешалъ тогда не былъ еще найденъ, или по крайней мѣрѣ не такъ былъ соблазнительнъ, какъ нынѣ, — чрезъ долгое время послѣ сихъ благополучныхъ дней жилъ одинъ паспухъ, котораго сердце не было еще развращено, подобно сердцамъ его современниковъ.

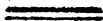
Небольшое спадо, котораго не помышлялъ онъ никогда умноживъ обманомъ, доставляло ему и его семейству скудное пропитаніе; однако въ низкой его хижинѣ часто раздавались радостныя благодарственныя пѣсни Пану, покровителю паспуховъ, чего не слышно было въ спокой-

спокойныхъ жилищахъ паспуховъ богатыхъ.

Онъ назывался Меналкомъ, На лицѣ его всегда видно было удовольствіе, и по тому земляки его называли его *весслымъ*; однако не выговаривали никогда сего имени безъ презрѣнія. Арганшъ, самой богатой изъ его сосѣдовъ, называлъ его даже безпечнымъ, или легкомысленнымъ. Но Меналкъ не смотрѣлъ ни на какія насмѣшки; онъ всегда былъ доволенъ, добродѣшеленъ и бѣденъ.

Самой сей Арганшъ, богатой сосѣдъ Меналковъ, пошелъ нѣкогда въ городъ, дабы въ храмъ Добраго Щастія принести на жертву нѣсколько сыру. Онъ купилъ у одного бѣднаго паспуха большое спудо за весьма дешевую цѣну, и продалъ его чужому паспуху, такъ какъ здоровое, впрое дороже. Сей прибыльный поргъ побудилъ его принести жертву, дабы выманишь у божества еще такую жь удачу.

Выходя изъ храма, увидѣлъ онъ Меналка, кошорой несъ шуда жирнаго ягненка, дабы также принести его на жертву. Меналкъ не примѣшилъ Арганша, для того, что глаза его, изъ коихъ кашились радостныя слезы, обращены были къ небу.

АрганшѢ возвратился домой съ досадою, и съ насмѣшкою рассказывалъ всякому, кто ему на встрѣчу попадался, что МеналкѢ принесѢ на жерпву Доброму Щаспію жирнаго ягненка, кошораго продавши, могѢ бы онѢ прокормиться нѣсколь-ко дней со своимѢ семействомѢ.

„ОнѢ распочитель, сказалѢ одинѢ паспужѢ, и скоро пойдетѢ по міру.“
 — „НѣшѢ, ошвѣчалѢ другой: „бѣднякѢ
 „эшошѢ гордѢ и хочешѢ насѢ оспыдидишѢ.“
 — Третій хотѢлѢ бидишѢ обѢ закладѢ, что МеналкѢ нашелѢ сокровище. АрганшѢ съ подозрительнымѢ видомѢ спрашивалѢ: „Не убилѢ ли МеналкѢ какого нибудѢ мимоѢзжаго купца? Или не онѢ ли зажегѢ одинѢ богатой храмѢ, кошорой не задолго предѢ шѢмѢ сгорѢлѢ, и не пользовался ли онѢ симѢ случаемѢ вмѣстѢ съ другими ворами?“

ВсѢ Меналковы сосѣды старались догадываться, какая причина побудила Меналка принести такую богатую жерпву. Надсматривали внимательнѢ надѢ его семействомѢ и надѢ нимѢ самимѢ; однако не могли примѣтити никакой переменѢны въ ихѢ обшпоятельстввахѢ, и дѣло эшо осталось загадкою.

АглаонѢ, искренній другѢ МеналковѢ, узнавши такіе слухи, весьма огорчился.

Уви-

Увидѣвшись наединѣ съ Менаалкомъ, сказалъ онъ ему: „Братецъ! всѣ сосѣды, говоряшъ о швоей жершвѣ, копорая до-стойна швоей добродѣтели, однако по швоему имѣнiю, какъ люди думающъ, слишкомъ велика. Опкрой мнѣ, что побудило тебя принести такую жершву?“

Менаалкъ отвѣчалъ ему: „Объщай мнѣ сперва, что ты никому о томъ не скажешь.“ Аглаонъ, зная, что другъ его не способенъ ни къ какому злему, или подлому дѣлу, далъ ему сіе обѣщаніе.

„И такъ знай, сказалъ ему Менаалкъ на ухо, что мой бѣдной преспарѣлой отецъ наконецъ согласился по моимъ прозьбамъ перейти въ мою хижину и раздѣляшъ со мною мое пропитаніе. Ему прискорбно, что онъ не можетъ ничѣмъ меня наградить, кромѣ своего благословенія. А я принесъ ягненка на жершву богамъ за то, что они даровали мнѣ рѣдкое щастіе заплашъ опцу моему хошя самую малую часть шого добра, копорое онъ мнѣ сдѣлалъ.“

VI.

Безумной скупаецъ.

Нѣкошорой скупой человекъ имѣлъ много денегъ, но жалѣлъ употребляшъ ихъ даже

даже на самыя нужныя вещи. Между прочимъ печь въ его комнаѣ такъ была худа, что непременно надобно было ее передѣлать. Пріятели его часто напоминали ему о томъ и представляли опасность, какая могла произойти. Скупецъ хотѣлъ лучше не попить печь, нежели издержать нѣсколько денегъ на ея починку. Однако жестокая спужа принудила его оставить это намѣреніе и попить печь. Однажды по упру, когда его не было дома, печь развалилась и комната загорѣлась. Поднялась превога. Хозяинъ, узнавши, что пожаръ у него въ домѣ, прибѣжалъ съ великою поспѣшностію, чтобы спасти свои деньги. Между тѣмъ пожаръ такъ усилился, что должно было разломать потолокъ дома, дабы спасти сосѣдственное строеніе. Наконецъ огонь попушили; но не видно было хозяина сгорѣвшаго дому. Искавши долго, нашли тѣло его подъ развалинами подлѣ обгорѣвшаго сундука съ деньгами. Вѣроятно, что онъ задохся шамъ отъ дыму.

Вошѣ до чего скупость, или любовь къ денгамъ, доводишь!

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Внемлите, милостыни вашае не творити
! предъ челоуѣки, да видимы будете ими:
аще ли же ни, мзды не имате у От-
ца вашего, иже есть на небесѣхъ.
Матѣ. гл. б. ст. 1.

VII.

Разговоръ.

Сакхарисса была дѣвушка дѣшъ пятнаш-
цаши. Она съ природы была горда,
а воспитаніе умножало ея гордость, копо-
рую оказывала она особливо въ обхожде-
ніи со своими сверстницами. Она не
могла шерѣшь ни малаго прошиворѣчія
опѣ шѣхъ, которыхъ почитала ниже се-
бя; когда жь онѣ не хошѣли пошчасѣ ей
уступишь, то она принимала на себя
высокомѣрный видѣ и показывала имѣ
гордое презрѣніе. Слугамѣ своего опца
приказывала она все съ повелительнымѣ
видомѣ, и никогда не унижалась до того,
чшобѣ ихѣ просишь.

Евфроній, пріятель опца Сакхарис-
сина, ходилѣ нѣкогда съ нею по саду.
Часть III. Но. 30. Ъ Она

Она приказала садовнику нарвать для себя цвѣтовъ. Садовникъ принесъ ей оныхъ. „Дуракъ! вскричала она: какихъ гадкихъ цвѣтовъ ты нарвалъ, и какъ глупо связалъ! „ — „Не браните эпова человекъ, сказалъ Евфроній, за то, что его вкусъ съ вашимъ несогласенъ. Онъ хотѣлъ сдѣлать угожденіе, и доброе его намѣреніе заслуживаетъ благодарность, а не брань. „ — „Благодарность? сказала Сакхарисса съ презрѣніемъ: онъ получаетъ плату за свои услуги, и это его должность, чтобы мнѣ услуживать. „

Евфроній. „И пакъ онъ исполняетъ свою должность, сколько можетъ, и вы пакъ же не имѣете права бранить его за то, какъ онъ не имѣетъ права требовать отъ вашего батюшки больше договорной платы. „

Сакхарисса. „Однако жъ онъ намъ служитъ, и выработываетъ у насъ себѣ пропитаніе. „

Евфроній. „Это пропитаніе по справедливости принадлежитъ ему за его работу; и естъли онъ ничего больше отъ васъ не получаетъ, то обязателство съ обѣихъ сторонъ исполнены. Но великодушный человекъ сожалѣетъ объ участи шѣхъ людей, которые должны работать для его пользы, или удовольствія. Онъ об-

облегчаетъ ихъ сягости; поступаетъ съ ними ласково; спарается способствовать ихъ выгдѣ и щастію, и сколько возможно, скрываетъ онѣ ихъ то, что они слуги, а онѣ господинѣ. Разность въ состояніи и богатствѣ почищаетъ онѣ случайною, и копя по нынѣшнему нашему расположенію необходимо нужно бытъ дровосѣкамъ и водовозамъ, однако жъ не забываетъ онѣ, что человекѣ по природѣ всѣ равны, что всѣ онѣ дѣши одного Бога и наследники одной вѣчности. Поведеніе, основанное на такихъ правилахъ, доставляетъ господину такія права, которыхъ ни деньгами опкупишь, ни заработашь не можно. Слуга можетъ ему заплацишь за его благосклонность только любовью, за ласковость благодарностью, а за довѣренность усердными услугами. „

Сакхарисса слушала все сіе съ удивленіемъ. Ей прискорбно было видѣть себя униженну до равенства со своими слугами. Евфроній, примѣшивъ ея безпокойство, продолжалъ свой разговоръ.

„Вы видите, что въ сложеніи шѣла и въ видѣ нѣшъ ни малой разности между вами и между ими. Должно вамъ признашь, что онѣ и превосходятъ еще васъ въ здоровьѣ, силѣ и проворствѣ. Онѣ могутъ сносить лѣтній жаръ и зимнюю

нюю спужу, голодъ и тяжелую работу. Напротивъ того вы дрожите отъ легкаго лѣшняго вѣтру, и не можете перенести голоду, работы и безпокойства. Знаете ли ваше состояніе умножаетъ ваши нужды и уменьшаетъ собственныя ваши способности удовлетворять имъ. Въ разсужденіи пищи, одежды и жилища зависите вы отъ прилѣжности и искусства тысячи людей.

Сакхарисса удивилась слову *зависть*. Она просила Евфронія, чтобы онъ пересказалъ мысли свои ясные.

„Вспомните жь, продолжалъ Евфроній, что вы сами требовали, чтобы я оскорбилъ вашу гордость. — Вы конечно знаете, какъ хлѣбъ рождается; крестьянинъ со своимъ семействомъ съезъ рожь, пожинаетъ ее, когда она поспѣетъ, молотитъ, провѣваетъ и собираетъ въ житницы. Для этой работы надобны соха, борона, серпъ, цѣпъ, рѣшето и фура. Всѣ эти орудія дѣлаются разными ремесленниками. На примѣръ, соха состоитъ изъ желѣза и дерева. Желѣзо выкапываютъ изъ земли и переплавляютъ; для этого нужны печи, мѣхи, дрова и множество другихъ инструментовъ и принадлежностей. И такъ для одной только части сохи надобны плотники, пла-

виль-

вильщики, дровосѣки, каменьщики, или печники, кузнецы и многіе ремесленники. — Другая часть сохи дѣлается по большей части изъ дубоваго дерева, которое надобно рубить, пилить и обдѣлывать, а для всего этого потребны особливые люди, кромѣ еще шѣхъ ремесленниковъ, кои приготавливаютъ надобные для нихъ инструмены. — Перемолодивши хлѣбъ и перевѣявши, сыплютъ его въ мѣшки, и посылаютъ на мѣльницу. Мѣшки дѣлаются изъ пеньки, которая чрезъ многія руки доходитъ ко ткачу. Ткаческіе спаны съ ихъ принадлежностями дѣлаются также разными ремесленниками. То же самое разумѣется и о мѣльницѣ, которая составлена изъ шакова множества разныхъ частей, что въ цѣлой день не могъ бы я подробно о нихъ пересказать. „

Евфроній замолчалъ и примѣшилъ съ удовольствіемъ, что слова его сдѣлали впечатлѣніе въ Сакхариссѣ. — „Мнѣ кажется, продолжалъ онъ, вы чувствуете, что за всякой кусокъ хлѣба, которой вы кушаете, обязаны вы столь многимъ людямъ. Подумайте жь о прочей пищѣ, о вашемъ домѣ и нарядѣ: вы найдете, что не можно и переципать всѣхъ людей, которые для васъ шрудятся. Самая бездѣлица, простая булавка,

переходитъ чрезъ осмьнаццацъ рукъ ,
прежде , нежели она бываетъ гошова. „

„ Вы еще умножили мою гордость ,
сказала Сакхарисса шупя : какъ же мнѣ
не думать о себѣ высоко , когда такое
множество людей прудящся для меня ? „

Евфроній отвѣчалъ ей , что слова
его очень спраняе имѣли надъ нею дѣй-
ствіе. „ Есть ли бы , говорилъ онъ , гор-
диться намъ шѣмъ , что мы зависимъ
отъ прудовъ и услугъ другихъ людей ,
но никогда не имѣли бы мы къ тому
столько причины , какъ въ младенчествѣ , въ
болѣзни , или въ безчувственномъ состоя-
ніи. Въ такихъ обстоятельствѣхъ боль-
ше всего получаемъ мы благодарній отъ
другихъ , не оказывая имъ взаимныхъ
услугъ. Сверхъ того въ гражданскомъ
обществѣ самой низкой ремесленникъ ,
равно , какъ и самой знатной и богатой
дворянинъ , можешъ похвалиться шѣмъ ,
что тысяча его ближнихъ для него рабо-
таютъ , и что бѣдной его домикъ боль-
ше стоилъ прилѣжности и работы , неже-
ли дворцы иъкопорыхъ Государей на Аф-
риканскомъ берегу. „

„ Имѣніе вашего батюшки , Сакхарисса ,
нашпо съ честію покойнымъ вашимъ дѣду-
шкомъ. Его прудамъ обязаы вы всемъ , что
вы ни имѣете. Напрощивъ того вашъ са-
дов-

довникъ никому, кромѣ себя самаго, не обязанъ своимъ пропитаніемъ и всѣмъ, что онъ ни имѣетъ. Искусствомъ своимъ и прилѣжаніемъ обрабатываетъ онъ землю и выводитъ изъ нее плоды, которые вы покупаете на деньги своего дѣдушки и кушаете въ праздности и разсѣяніи. Сравните свое состояніе съ этой спорной съ его состояніемъ и скажете, кто изъ васъ больше заслуживаетъ почтенія.»,

Такія разсужденія были для Сакхариссы нѣчто совсѣмъ необычайное и новое. Она подумала нѣсколько, и по помѣ продолжала сей разговоръ, спросивши: не имѣетъ ли она справедливой причины гордиться превосходнымъ знаніемъ и властію?

„Знаніе, ошвѣчалъ Евфроній, имѣетъ внутреннее достоинство, когда оно возвышаетъ душу и дѣлаетъ ее способною къ высшимъ степенямъ благополучія какъ въ нынѣшней, такъ и въ будущей жизни. Но въ разсужденіи другихъ людей она не даетъ намъ никакова преимущества, если мы не употребляемъ его къ ихъ пользѣ. Власть также не даетъ никакова преимущества, и можешь сколько же унижить, какъ и возвысить того, кто ее имѣетъ. Если вы хотите, чтобы власть ваша приносила вамъ честь, то спарайтесь употреблять ее къ благо-

Б 4

полу-

получію окружающихъ васъ людей, и наслаждайтесь высокимъ преимуществомъ дѣлать добро съ благодарностію и безъ гордости. Если разумъ вашъ пристойнымъ воспитаніемъ очищенъ, то благодарите за то Бога и своихъ родителей; но никогда не забывайте; что ваше знаніе несравненно мало противъ незнанія.

Столько же не благоразумно думаетъ слишкомъ высоко о своихъ добрыхъ свойствахъ, какъ и унижаетъ добрыя свойства другихъ людей. Садовникъ, которому вы оказываете такое презрѣніе, есть человекъ искусной. Онъ знаетъ свойства земли, разность сѣмянъ, свойства разныхъ растѣній, умѣетъ сберегать деревья; и разводитъ цвѣты. Онъ употребляетъ всякой день это полезное знаніе, отъ чего силы его разума укрѣпляются, и онъ учится сравнивать одно съ другимъ, различать, размышлять и судить съ такою жь исправностію, какъ и философъ. — „

Евфроній хотѣлъ было продолжать сей разговоръ, и примѣчаніе свое о садовникѣ распространилъ и на другихъ ремесленниковъ и художниковъ, но нѣкоторое приключеніе заставило его оплошать по до другаго случая.

VIII.

Л ж е ц ъ .

Мендакулъ былъ мальчикъ съ немалыми способностями и пріятнаго нраву; однако онъ имѣлъ дурную привычку лгати, кошорая укоренилась въ немъ довольно глубоко. Друзья его рѣдко ему вѣрили, и часто подозрѣвали его виноватымъ по тому только, что онъ старался оправдаться, и наказывали за такіе просшупки, кошорые приписывали ему для того, что онъ увѣрялъ о своей невинности. Опышъ показывалъ ему всякой день кошъ вредъ, какой онъ прешерпѣвалъ отъ своея привычки. Любимая его забава была работашъ въ маленькомъ саду, въ кошоромъ насадилъ онъ прекрасныхъ цвѣшовъ. Однажды скошина съ сосѣдняго лугу разломала заборъ и ворвалась въ его садъ. Вошедши туда, увидѣлъ онъ цѣлую гряду попопшанную. Онъ не могъ самъ выгнать изъ саду скошину, опасаясь, чтобъ она и другихъ цвѣшовъ не попопшала, и побѣжалъ позвать къ себѣ на помощь садовника. Вы шуптите надо мною, сказалъ садовникъ, и не пошелъ къ нему на помощь, думая, что Мендакулъ обманываетъ.

Въ одинъ день зимою отецъ его имѣлъ несчастіе упасть съ лошади и повредилъ себѣ ногу. Мендакулъ былъ съ нимъ. Сіе приключеніе было ему весьма прискорбно, но онъ не имѣлъ столько силы, чшобы подать опцу своему нужную помощь. И такъ онъ принужденъ былъ оставишь его лежащаго на снѣгу и поспѣшавъ въ городъ, дабы позвать кого нибудь изъ своихъ знакомыхъ. Всѣ знали, что Мендакулъ былъ лжецъ; никто ему не повѣрилъ, а нѣкопорые даже и выслушавъ его не хотѣли. Не могли никого упростишь, наконецъ возвратился онъ, плача, на то мѣсто, гдѣ произошло несчастливое приключеніе. Однако опца его памъ уже не было; по щасію ѣхалъ нѣкто мимо того мѣста въ каретѣ, приказалъ его поднять и отвезти домой.

Мендакулъ нагналъ нѣкогда на одного изъ своихъ товарищей, кошорой будучи гораздо его сильнѣе, подстерегалъ его на улицѣ и билъ за то очень больно. Мендакулъ, зная, что онъ заслужилъ сіи побои, сносилъ ихъ нѣсколько времени терпѣливо, не сказывая о томъ никому. Однако наконецъ принужденъ онъ былъ пожаловаться своему опцу. Отецъ его ѣказалъ о томъ опцу того мальчика, кошорой билъ Мендакула, Но сей не сдѣлалъ

далъ. ему никакова удовольствія и ошвѣчалъ: „Сынъ вашъ извѣстной лжець, и я ни въ чемъ не повѣрю.“ — И такъ бѣдной Мендакулъ долженъ былъ терпѣть обыкновенные побои до тѣхъ поръ, пока его непріятелю разсудилось, что онъ довольно уже ошпачилъ за свою обиду.

Такимъ-то непріятностямъ подвергалась всякой день несчастнаго Мендакула дурная его привычка. Онъ почувствовалъ раскаяніе и вознамѣрился исправиться. Принявши сіе намѣреніе, началъ онъ замѣчать свои слова; говорилъ мало и всегда съ оспорожностію. Пріятной опытъ скоро показалъ ему, что правда гораздо легче лжи. Мало помалу сполько полюбилъ онъ правду, что опасался и въ шушкахъ ее нарушать. Сею благополучною перемѣною снискалъ онъ почтеніе и довѣренность отъ своихъ знакомыхъ и спокійствіе собственнѣйшей своей совѣсти.

IX.

Истинныя радости въ жизни.

Кто разрушитъ сіе, или прикажетъ разрушить, тотъ тогда переживетъ всѣхъ сродниковъ и друзей своихъ! — Таковую надпись начерталъ нѣкошорой Римлянинъ надъ гробницею своихъ предковъ. Едва

ли могъ онъ выдумашъ проклятіе, которое было бы спрашнѣ сего.

Одинъ Кишайской Императоръ при возшествіи своемъ на престолъ приказалъ освободить всѣхъ плѣнниковъ, которые за долги въ шемницѣ сидѣли. Между этими плѣнниками находился спарикъ, которой еще въ молодыхъ лѣтахъ лишился вольности и сидѣлъ въ шемницѣ пятьдесятъ лѣтъ. Онъ вышелъ изъ жилища печали дрожащими ногами. Глаза его едва не ослѣпились сіяніемъ солнечнаго свѣта, и зрѣлище натуры представилось ему совершеннымъ раемъ. Тюрьма, въ которой онъ былъ заключенъ, находилась недалеко отъ столичнаго Кишайскаго города, Пекина, и онъ поспѣшалъ шуда, неперпѣливо желая увидѣть свою жену, дѣшей своихъ и друзей. Насилу могъ онъ найти ту улицу, въ которой онъ прежде жилъ; радость его умножалась при каждомъ шагѣ къ тому мѣсту. Пришедши шуда, осматривался онъ на всѣ стороны, но мало уже видѣлъ знакомыхъ ему предметовъ. На мѣстѣ прежняго его дому стояло великолѣпное зданіе. Дома его сосѣдовъ также всѣ перемѣнились, и онъ не видѣлъ ни одного знакомаго человека. Преспарѣлой нищій, согнанной съ одного большаго двора грубымъ приворошникомъ,

при

привлекъ на себя его вниманіе. Подошедши къ нему, подалъ онъ ему милоспыню, и за то узналъ печальную вѣдомость, что жена его сдѣлалась горестною жертвою бѣдности и печали, дѣти отправились въ неизвѣстныя земли искать своего счастья, а лучшіе его друзья давно уже лежатъ во гробѣ.

Бѣдной спарикъ, пронзенной печалію, поспѣшалъ во дворецъ своего Государя, сѣдые волосы и печальное лицо его скоро доставили ему доступъ къ Монарху. Онъ бросился къ ногамъ его и говорилъ: „Великой Императоръ! повели заключить меня опять въ шемницу, изъ которой освобожденъ я швоимъ соболѣзнованіемъ. Я пережилъ сродниковъ и друзей моихъ, и будучи посреде здѣшняго многолюднаго города, нахожусь въ ужасной пустынѣ. Тюрьма защищала меня отъ свідѣтелей моего несчастія. Отдѣленъ будучи отъ общества, меньше чувствовалъ я потерю общесшвенныхъ радостей. А нынѣ мучусь я, смотря на такія удовольствія, въ которыхъ участія прінять не могу, и споя посреде великой рѣки, умираю съ жажды.“

Любезныя дѣти! когда сей спарикъ, лишившись своихъ родсшвенниковъ и друзей, захошѣлъ жить лучше въ страшной шкюрѣ:

пюрмѣ; нежели въ пространномъ свѣтѣ; но подумайте, сколь драгоценны должны для васъ быть ближніе родственники, которыхъ милосердное Провидѣніе вамъ еще сохранило! Сколь нѣжно должны вы ихъ любить! Какъ должны вы стараться угождать имъ! Слушайте своихъ родителей; исполняйте ихъ наставленія, и уважайте зрѣлыя ихъ разсужденія. Наслаждайтесь съ благодарностію и радостию тѣми выгодами, которыя общество вамъ доставляетъ. Сердца ваши должны быть связаны нѣжнѣйшимъ союзомъ съ сердцами вашихъ братьевъ. Любите ихъ, какъ лучшихъ спутниковъ на перемѣнчивомъ пути здѣшной жизни, и не допускайте зависпн нарушать ваше согласіе. Сохраняйте дружбу съ друзьями своихъ родителей. Старайтесь заслужить одобреніе отъ разумныхъ и добрыхъ людей, и посредствомъ полезныхъ знаній и добрыхъ дѣлъ сдѣлайтесь способными къ общественному обращенію. Такимъ образомъ будете вы украшеніемъ общества и приобрѣтете благополучіе.

X.

*Великодушные соперники, или ревность
безъ зависти.*

Димосеенъ, славной Греческой орапоръ, о которомъ мы недавно нѣчто разсказывали, жилъ вѣ одно время съ Ескиномъ, которой также былъ славной орапоръ. Ескинъ принесъ вѣ судъ жалобу на одного изъ Димосееновыхъ пріятелей, для того только, чшобъ имѣшь случай поспоришь вѣ краснорѣчїи съ Димосееномъ, которой взялся защищать обвиняемаго. Назначенъ былъ особливой день для рѣшенія сего дѣла. Никогда еще никакое судебное дѣло не возбуждало столько любопытства, какъ сіе, и не производимо было столь поржественно. Изо всей Греціи собирался народъ, чшобы услышашъ споръ двухъ первыхъ во всемъ свѣшѣ орапоровъ. Сперва всѣ склонились на Ескинову сторону; но превосходство его соперника столь было велико, чшо его обвинили и присудили послать вѣ ссылку.

Ескинъ поѣхалъ на островъ Родосъ и завелъ тамъ училище, которое продолжалось чрезъ нѣсколько вѣковъ и по смерти его. Онъ началъ свое ученье шюю рѣчью, которую говорилъ онъ прошивъ Димосеена, и слушатели его изъясляли свое уди-
вле-

вленіе громкими восклицаніями. Но когда началъ онъ чипать Димосееновъ отвѣтъ, то удивленіе въ слушателяхъ еще удвоилось. Ескинъ не только не почувствовалъ отъ того досады, но еще вскричалъ съ восхищеніемъ: „Друзья мои! вы бы еще несравненно болѣе удивились, еслибъ слышали, какъ говорилъ самъ Димосеенъ, которому по справедливости весь свѣтъ дивится.“

Когда присудили послать Ескина въ сыску, то Димосеенъ не хвастался своею побѣдою. Онъ проводилъ своего соперника до корабля, на которомъ онъ отправлялся, и принудилъ его принять отъ себя значную сумму денегъ на издержки въ путешествіи и для того, чтобы въ Родосѣ купить все нужное. Ескинъ, пронушой симъ восхищительнымъ доказательствомъ великодушія, вскричалъ: „Какъ не жалѣшь мнѣ о такой землѣ, гдѣ отъ соперника своего получаю такую щедрую помощь, какой въ другой части свѣта и отъ лучшаго друга ожидать не могу?“

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Егда убо твориши милостыню, не воструби предъ собою, яко же лицеѣри творятъ въ сонмищахъ и стогнахъ, яко да прославятся отъ человекъ; аминь глаголю вамъ, воспріемлютъ мзду свою. Матт. гл. 6. ст. 2.

ХІ.

О обезьянахъ. Изъ натуральной исторіи.

Между всѣми чешвероногими живошными безъ сомнѣнія обезьяны доспойнѣе всѣхъ примѣчанія, по тому, что онѣ какъ видомъ, такъ и способностями болѣе всѣхъ походятъ на людей. Находящяся ихъ безчисленные роды, копорые всѣ видомъ и цвѣтомъ весьма различны одиѣ отъ другихъ. Мы опишемъ здѣсь то, что свойственно всѣмъ родамъ вообще, и особливо шѣмъ, копорыя болѣе прочихъ похожи на людей.

Обезьяны вообще суть дурныя живошныя, похотливы, склонны къ воровству, замысловаты въ своихъ предпріятіяхъ, чувствительны какъ въ хорошемъ, такъ

и въ худомъ состояніи. Гнѣвъ свой, или удовольствіе, обыкновенно оказываютъ онѣ сильнымъ попаньемъ ногами. Когда ихъ бьютъ, то онѣ вздыхаютъ, кричатъ, плачутъ, или обороняются. Онѣ умѣютъ спановиться въ полъ смѣшныя положенія, что смотря на нихъ, и самой печальной человѣкъ едва можетъ опѣ смѣха удержаться.

Между собою наблюдаютъ онѣ доброй порядокъ, и дѣлаютъ все съ удивительнымъ искусствомъ и оспорожностію. Хотя имѣютъ онѣ сполько же способности къ воровству, сколько и склонности; однако жь никогда не отваживаются предпринимать какой нибудь важной грабежь иначе, какъ собравшись въ большомъ множествѣ. Когда захопятъ онѣ опустошить большой садъ съ дынями, то подходятъ къ нему, спановятся рядомъ и перебрасываютъ дыни съ рукъ на руки. Всякая обезьяна подхватываетъ брошенную къ ней дыню съ чрезвычайнымъ проворствомъ. Рядъ, копорой онѣ спсавляютъ, оканчивается обыкновенно на горѣ. Все это производятъ онѣ безъ всякаго шума. При томъ спсавляютъ онѣ спорожей, копорые увидѣвъ подходящихъ къ нимъ людей, даютъ другимъ знать о томъ громкимъ крикомъ.

комъ. Вся толпа, услышавъ сей крикъ, убѣгаетъ съ невѣроятною скоростію. Молодыя обезьяны, не привыкшія еще къ такимъ грабежамъ, взлѣзаютъ тогда на плеча къ старымъ обезьянамъ, которыя уносятъ ихъ съ собою.

Обезьяны имѣютъ опмѣнную натуральную способность узнавать своихъ непріятелей, и находятъ способы помогать другъ другу при нападеніяхъ, или обороняться. Оружіе ихъ состоитъ въ древесныхъ сучьяхъ и въ кремняхъ, которые онѣ въ случаѣ нужды бросаютъ въ головы своимъ непріятелямъ. По равной землѣ бѣгаютъ онѣ всѣ вмѣстѣ, и гдѣ надобно, прыгаютъ съ дерева на дерево весьма скоро. Когда одна изъ нихъ бываетъ ранена, то онѣ спаряются всеми способами ей помогать и поднимаютъ ужасной крикъ.

Пища ихъ состоитъ въ плодахъ, особливо жъ въ виноградѣ и яблокахъ, въ цвѣсахъ, червяхъ, паукахъ и иныхъ гадинахъ. Однако жъ при случаѣ ѣдятъ онѣ весьма охотно всякую человѣческую пищу; также часно крадутъ пшено и другіе полевые плоды. Онѣ часно причиняютъ гораздо больше вреда тѣмъ, что портятъ плоды, нежели тѣмъ, что съ собою уно-

сяшъ и пожираютъ. Славной писатель Геснеръ пишетъ, что онъ могущъ ловить и въсъ рыбу и нѣкоторыхъ звѣрей; но другой также знашой писатель почитаетъ сіе невѣроятнымъ, для того, что обезьяны не ѣдятъ неваренаго мяса и рыбы, а любяшъ уже совсѣмъ пригошовденное. Хорошимъ спѣлымъ виноградомъ обжираются онѣ сполько, что тогда можно бываетъ безъ всякаго труда ловить ихъ и убивать, или привязывать на цѣпь.

Еслили онѣ увидятъ какого нибудь путешественника, обѣдающаго на полѣ, то ему должно рачительно остерегаться отъ сихъ вороватыхъ шварей, чтобъ онѣ не украли его пищи. Когда удастся имъ украсть что нибудь, то онѣ насмѣхаются надъ путешественниками: опбѣжавши нѣсколько, вдругъ оборачиваются на заднія лапы, держащъ украденныя вещи въ переднихъ лапахъ и разными насмѣшливыми шлодвиженіями дразнятъ того, кого онѣ обокрали. Нѣкоторыя обезьяны ищущъ усприць, какъ самой пріятной для нихъ пищи. Онѣ приходятъ на морскіе берега во время прилива, и находя усприць, которыхъ раковины отъ солнечной шеплошы открылись, кладутъ въ нихъ небольшіе камни, дабы онѣ не могли опять

закрышыся; а по томъ безъ труда га-
пають усприць. Иногда камень выпа-
даешъ изъ раковины, и въ такомъ слу-
чаѣ лакомая обезьяна бываетъ добычею
Африканцовъ, копорые ловящъ ее, уби-
вають и ѣдятъ съ жадностію.

Кажется, что сіи живошныя, и въ
неволь будучи, не шеляють ни мало
обыкновенныхъ, или натуральныхъ своихъ
способностей. Въ домахъ бывають онѣ
сподъ же смѣлы, воровашы, похощливы и
насмѣшливы, какъ и на свободѣ. Когда
хотящъ онѣ ѣсть, то садятся на заднюю
частъ, и держатъ пишу свою въ перед-
нихъ лапахъ.

Способность ихъ и переимчивость до-
стойны удивленія. Можно безъ труда
учить ихъ плясать по канашу, вертѣть
колесо, убиращься, высѣкать огонь, упо-
треблять ручныя щелѣжки, бить въ ба-
рабанъ, полоскать сѣпаканы, и проч.
даже видали обезьянъ, копорыя одною ла-
пою оборачивали вершелъ, а другою обма-
кивали кусокъ хлѣба въ соусъ и ѣли.

Когда обезьяны спящъ, работають,
или выходятъ на грабежъ, то всегда раз-
спавляють спорожей, копорыя пекутся объ
общей безопасности. Говорятъ, что онѣ
казнятъ смернію шѣхъ спорожей, копо-

рые не вѣрно исполняютъ свою должность. Можетъ быть это и правда. Еслили случится, что подойдутъ люди и убьютъ, или поймаютъ обезьяну прежде, нежели спорожи подадутъ знакъ: то послѣ слышанъ бываетъ въ помѣ лѣсу, куда обезьяны убѣгутъ, великой шумъ и стукъ, и часто находятъ на помѣ мѣстѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ разтерзанныхъ на мѣлкія части. Сихъ-то разтерзанныхъ обезьянъ почитаютъ за спорожей, пренебрегшихъ свою должность и за то казненныхъ.

Европейцы на мысѣ Доброй Надежды ловятъ иногда молодыхъ обезьянъ, убивши напередъ ихъ машерей, и обыкновенно кормятъ ихъ сначала овечьимъ, или козьимъ молокомъ. Когда жь онѣ выроснутъ, то употребляютъ ихъ ночью на остереженіе дому, такъ, какъ въ Европѣ собакъ употребляютъ; но съ лѣтами и натуральная ихъ злость открываея.

Когда самецъ бываетъ вмѣстѣ съ самкою и съ дѣтьми своими, то не можно довольно удивиться тому, какъ онѣ учатъ своихъ дѣтей. Онѣ разумѣютъ человѣческой языкъ, хотя сами говорить не могутъ, и весьма склонны подражать всему, что дѣлается предъ ихъ

ихъ глазами. Онѣ ошвѣчаютъ, бранятся и оказываютъ радость вразумительными знаками, и дѣлаютъ такія шѣлдвиженія, кошорыя весьма похожи на человѣческія. Все, чему ихъ учашъ, перенимаютъ онѣ совершенно. Часто перенимаютъ и то, чего бы имъ знать не должно. Въ сполчномѣ Кипайскомѣ городѣ Пекинѣ показывали одному иноспранному посланику обезьянѣ, обученныхъ разнымъ искусствамъ. Одна изъ нихъ вынимала изъ ящика разное платье и надѣвала на себя по приказу ея господина, не ошибаясь ни однажды въ цвѣсахъ; а по помѣ дѣлала многія забавныя шѣлдвиженія и плясала какъ по полу, такъ и по канашу. — Происшествіе, случившееся съ войскомъ Александра великаго, служивъ достопамятнымъ доказательствомъ, переимчивости обезьянѣ. Сіе войско вошло въ порядкѣ на одну гору, на кошорой обезьяны жили, и расположилось тамъ ночевашъ. На другой день, когда надбно было опять въ походѣ ошправиться, солдаты увидѣли вдали великое множество обезьянѣ, кошорыя собравшись шолпами, маршировали въ спрою, на подобіе небольшого войска, такъ порядочно, что Македоняне, не видавшіе прежде никогда шакова явленія, почли ихъ за непріятелей.

Въ то время, какъ славные Французскіе Ученые, господа Кондаминъ и Бусеръ, жили въ Перу, обезьяны сполько внимательно примѣчали ихъ наблюденія, копорыя они на горахъ дѣлали, что послѣ сія испыташеди естества, приглашены будучи въ комедію, представляемую обезьянами, съ удивленіемъ видѣли обезьянъ, копорыя давали другъ другу вразумительные знаки, часто смотрѣли на часы, писали, смотрѣли въ очки на звѣзды, и пому подобное.

Хвостъ часто помогаетъ нѣкопорымъ обезьянамъ спускашся съ деревъ. Когда случается, что одна изъ нихъ бываетъ ранена, то другія рачительно осматриваютъ ея рану и кладутъ въ нее жеваное листье. Самки носятъ дѣшей своихъ такъ же, какъ Африканскія женщины своихъ ребятъ. Дѣши держатся задними лапами за спину своей матери, а передними обнимаютъ ея шею. Когда жь самки хотятъ кормить своихъ дѣшей, то берутъ ихъ на руки и даютъ имъ сосать грудь такимъ же образомъ, какъ женщины кормятъ своихъ младенцовъ.

Красныя и голубыя обезьяны живутъ вмѣстѣ въ большомъ количествѣ, иногда отъ трехъ до чепырехъ тысячъ. Онѣ

составляющѣ, такѣ сказать, республики, вѣ коихѣ подчиненность и порядокѣ строго наблюдающа. Переходя съ мѣста на мѣсто, сохраняющѣ онѣ также доброй порядокѣ; и для того выбираютѣ себѣ предводителей, которые обыкновенно бывающѣ изѣ большихѣ обезьянѣ. Позади ихѣ полпы обыкновенно ходятѣ также большія обезьяны вѣ немаломѣ числѣ, коихѣ громкой голосѣ, когда надобно, слышатѣ бываетѣ между всѣми другими голосами и слабѣйшихѣ молчатѣ заспаваяетѣ.

Островскіе жители почищаютѣ обезьянѣ скипающима народомѣ, которой лѣнишася строить себѣ шалаши. Африканцы, которые не употребляютѣ еще огнестрѣльнаго оружія, старающа попадатѣ стрѣлами вѣ лицо обезьянамѣ; для того что обезьяна, ранена будучи вѣ лицо, пошчасѣ закрываетѣ рану передними лапами и падаетѣ. Иногда случаетѣся, что долгохвостыя обезьяны, или марпышки, цѣпляюща хвостомѣ за сучье такѣ крѣпко, что остающа шамѣ до шѣхѣ порѣ, пока сгнѣютѣ, или изсохнутѣ.

Едва ли можно найши между другими животноными сколько склонности другѣ ко другу, сколько обезьяны имѣютѣ. Когда

одна изъ нихъ бываетъ тяжело ранена, или убиша, по другія гоняюся за ловцами до самыхъ ихъ шалашей, и не могли отворить двери, взлѣзающъ на кровли, ломающъ ихъ и уносящъ все, что имъ въ лапы попадется.

На золотомъ берегу въ Африкѣ находится невѣроятное множество обезьянъ. Онѣ часто нападаютъ на прохожихъ, и умерщвляютъ ихъ, естли они не убьютъ въ воду, отъ которой обезьяны имѣютъ великое отвращеніе. Въ нѣкоторыхъ земляхъ взлѣзаютъ онѣ на горы и высокія мѣста, и пускаютъ отсюда каменной дождь на путешественниковъ.

Ловящъ обезьянъ отчасти силою, отчасти жъ хитросію. Африканцы, заклятые непріатели обезьянъ, которыми причиняющъ имъ сполько вреда ихъ полямъ и домамъ, часто кладутъ для нихъ сѣщи на деревьяхъ, и онѣ при всей своей оспорожности попадаются въ сіи сѣщи, либо взлѣзая на дерево, либо спускаясь съ него. Также умѣютъ весьма забавно пользоваться склонностію ихъ къ раздражанію. Ловцы дѣлаютъ особливые сапоги, надѣваяющъ ихъ на ноги и скидываютъ нѣсколько разъ, такъ, чтобъ обезьяны эшо видѣли; попомъ уходящъ и прячущся

ся

ся гдѣ нибудь; а сапоги оставляютъ какъ бы не нарочно на открытомъ мѣстѣ. Обезьяны тотчасъ выбѣгаютъ и надѣваютъ оставленные сапоги на заднія лапы; но не привыкши къ обуви, не могутъ онѣ убѣжать, когда ловцы опять покажутся, и безъ труда попадаются имъ въ руки. Употребляютъ еще другую такую жъ хитрость, а именно: ловцы моютъ себѣ глаза водою изъ нарочно разсавленныхъ на открытомъ мѣстѣ кувшиновъ, и по томъ прячущаяся куда нибудь, оставя на томъ мѣстѣ нѣсколько кувшиновъ съ разведеннымъ клеемъ. Обезьяны, видѣвши съ деревъ или съ пригорка, какъ они умывались, тотчасъ прибѣгаютъ къ кувшинамъ и заливаяютъ себѣ клеемъ глаза и лишаются способности убѣжать. — Рѣдко случается, чтобъ сіи хитрости не удавались.

Въ Америкѣ какъ тамошніе уроженцы, такъ и Европейцы, ѣдятъ обезьянъ весьма охотно. Когда онѣ молоды и жирны, то мясо ихъ бываетъ нѣжно и весьма вкусно. Жители Африканскихъ береговъ хотя могутъ и безъ него обойтись, однако жъ ѣдятъ его также охотно, и сверхъ того убивая обезьянъ, имѣютъ удовольствіе ошмцать имъ за вредъ, который

порый отъ нихъ претерпѣваютъ. Нѣкоторые варятъ мясо ихъ со пшеномъ; а другіе копшатъ его, такъ какъ здѣсь копшатъ вѣшчину. — Въ Индіи въ шѣхъ земляхъ, гдѣ родятся кокосовыя орѣхи и перецъ, жищели пользуются способностію обезьянъ въ собираніи сихъ плодовъ, которыхъ иначе не могли бы они споль удобно доставать. Они взлѣзаютъ на большія сучья, срываютъ нѣсколько плодовъ и укладываютъ ихъ порядочно по землѣ, какъ бы играя, а потомъ уходятъ. Обезьяны, видѣвши то, прибѣгаютъ къ деревьямъ, взлѣзаютъ на самыя вершины, снимаютъ плоды со всего дерева и укладываютъ ихъ такимъ же образомъ, какъ люди, и также уходятъ. Ночью Индійцы возвращаются на то мѣсто, и уносятъ собранные обезьянами плоды.

XII.

Ликасъ. Пастушеская повѣсть.

Ликасъ былъ прекрасной пастухъ и превосходилъ красою всѣхъ своихъ сверстниковъ; однако не было у него друзей. Хошя молодые пастухи и не ненавидѣли его,

его, но никогда его не посѣщали. Онѣ проводилѣ время одинѣ и въ кукѣ, и по тому былѣ несчастливѣ; ибо безѣ друзей щаспавивымѣ бышѣ не можно.

„Я заспавляю ихѣ приходилѣ ко мнѣ, „сказалѣ онѣ однажды: „украшу мой „шалашѣ такѣ, чшобы лучше его не было. „Здѣсь насажу я розѣ, а шамѣ разведу „виноградѣ. Въ саду моемѣ сдѣлаю по „срединоѣ бесѣдку, а по споронамѣ насажу „деревѣ длинными рядами. Можетѣ бышѣ „красота моего шалаша приманишѣ ко „мнѣ дикихѣ моихѣ сосѣдовѣ. „Онѣ исполнилѣ все эшо, но никшо кѣ нему не приходилѣ.

„Надобно имѣшѣ больше овецѣ, „сказалѣ онѣ въ другой разѣ: „богашыхѣ „людей всѣ любяшѣ. Спану спарашься „умножилѣ свое стадо! „Онѣ началѣ спарашься умножать свое стадо, и сдѣлаался въ короткое время самымѣ богатымымѣ паспухомѣ. Сосѣди его завидовали ему, однако никшо кѣ нему не приходилѣ.

„Наконецѣ догадался я, чшо мнѣ „дѣлать, говоритѣ Ликасѣ самѣ въ себѣ „сѣ нешерпѣливостію. „Я спану сердишься на суровыхѣ моихѣ сосѣдовѣ; „буду ходилѣ гордо и сѣ пасмурнымѣ „видомѣ, и не спану никому клаяшься.

„Тогда

„ Тогда они будущъ приходишь ко мнѣ и
 „ спрашивать: Ликасѣ! за что ты на
 „ насъ сердисься? и начнутъ меня постѣ-
 „ щать. „ — Онѣ поступалѣ такѣ, но
 пасхуки смѣялись только надѣ нимѣ меж-
 ду собою и не приходили къ нему.

Ликасу было шо весьма прискорбно;
 наконецъ пошелѣ онѣ самѣ къ пасхукамѣ
 и спрашивалѣ у нихѣ: „ для чего вы ко
 мнѣ не приходите? развѣ вы меня не
 любите? „ Они отвѣчали ему: „ Для чего
 „ ты самѣ къ намѣ не приходишь? раз-
 „ вѣ ты насѣ не любишь? „ — Тогда
 Ликасѣ узналѣ, что надобно самому лю-
 бить, естли хочешь бытъ любимѣ, да и
 снискалѣ себѣ многихѣ пріятелей.

XIII.

Говорящая бумага.

Американцы, съ начала знакомства
 ихѣ съ Европейцами, видя кого нибудѣ
 читающаго книгу, или письмо, думали,
 что бумага говоритѣ можеть. Одинѣ
 Американской невольникѣ посланѣ былѣ
 опѣ своего господина къ его пріятелю съ
 корзиною смоквѣ и съ письмомѣ. На до-
 рогѣ съѣлѣ онѣ половину смоквѣ, а оста-
 шокѣ

шокъ принесъ къ шому, къ кому онъ былъ посланъ. Сей, прочитавши письмо, узналъ, что смоквы не всѣ, и обвинялъ невольника, что онъ ихъ сѣлъ. Американецъ не признавался въ томъ и увѣрялъ, что письмо говоритъ ложь. — Черезъ нѣсколько времени случилось ему бытъ послану къ шому жъ человѣку также со смоквами и съ письмомъ. Въ сей разъ хошѣлъ онъ поступитъ оспорожнѣе, и прежде, нежели началъ ѣсть смоквы, зарылъ письмо въ землю и закалъ каменьемъ, чтобы оно не увидѣло, какъ онъ ѣсть будетъ. Но какъ и тогда былъ онъ обличенъ, то признался уже въ своей винѣ, и дивился шому, что письмо все знаетъ можешъ.

XIV.

Довѣренность къ тому, кто всегда говоритъ правду.

Славной Италіанской стихотворецъ, Петрарка, жившій лѣтъ за чешыреста предъ симъ, приобрѣлъ себѣ чистосердечіемъ своимъ и строгою привязанностію къ правдѣ довѣренность и любовь Кардинала Колонны, у котораго въ домѣ онъ жилъ. Нѣкогда случилась въ семъ домѣ жесто-

жестокая ссора, такъ, что дѣло дошло до драки, копорая имѣла важныя слѣдствія. Кардиналъ хотѣлъ узнать причину ссоры. Дабы вивѣданъ справедливостъ, собралъ онъ всѣхъ людей, жившихъ въ его домѣ, и заставилъ ихъ клясться надъ Евангеліемъ въ шомъ, что они скажутъ правду. Всѣ должны были дать сію кляшву, не исключая и Кардинальскаго брата. Но когда по порядку дошло до Петрарки, и онъ такъ же, какъ прочіе, хотѣлъ клясться, то Кардиналъ, закрывши книгу, сказалъ ему: „*Отъ васъ, Петрарка, довольно и одного слова.*„

Подобной примѣръ разсказывающъ о Зинократѣ, Аѣинскомъ философѣ, копорой жилъ за пріспта лѣтъ до Рождества Христова, и былъ ученикъ Плапоновъ. Аѣинской народъ имѣлъ споль высокое мнѣніе о его чешности, что нѣкогда, какъ онъ подошелъ къ алтарю, дабы подшвердитъ присягою истину своихъ словъ, судьи уволили его отъ шого, и всѣ согласно сказали, что они на одно слово его совершенно полагающъ.

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

*Тебѣ же творящу милостыню, да не увѣсть
шуйца твоя, что творитъ десница твоя.*
Маше. гл. б. сш. 3.

ХV.

Неумѣренность.

Флоріо и Алонзо учились вмѣстѣ и бы-
ли неразлучные поварищи. Оба они
весьма любимы были своими родителеми
и получали отъ нихъ много денегъ,
которыя употребляли не на добрыя дѣла,
или на покупку полезныхъ вещей, но на
разныя лакомства. Они безпрестанно ла-
комились; и какъ голова всегда бываетъ
шупа, когда желудокъ опятощенъ, по-
почши въ цѣломъ городѣ не было дѣшей
лѣнивѣе и незнающѣе ихъ. Флоріо, бу-
дучи не столько крѣпкаго сложенія, какъ
его поварищъ, шѣмъ блѣднѣе и сухоща-
вѣе спановился. Онъ имѣлъ отвращеніе
отъ всего, что не было сладко. Часно
вспавалъ онъ изъ за хорошаго спола,
не сѣвъши ни одного куска, для того
Часть III. No. 32. Ю только,

только, что кушанье было просто и безъ острыхъ приправъ. Такимъ образомъ въ изобиліи шерпѣлъ онъ голодъ и шерялъ послѣднее удовольствіе, какое могъ онъ имѣть въ жизни. Имѣніе его скоро употреблено было на удовлетвореніе лакомству, такъ, что наконецъ онъ принужденъ былъ доставать себѣ пропитаніе самыми подлыми способами.

Алонзо былъ крѣпкаго сложенія; желудокъ его удобно варилъ разныя лакомства; кошорыя онъ съ жадностію глоталъ; и по тому онъ былъ силенъ и жиренъ; но цвѣтъ лица его былъ багровъ, и брюхо ненатурально надуто. Онъ былъ больше прожорливъ, нежели лакомъ, и за однимъ обѣдомъ сѣдалъ столько, сколько надобно сѣсть премо умѣреннымъ людямъ. Умеръ онъ на прищипомъ году отъ роду, наѣвшись однажды слишкомъ много, даже и прошивъ своего обыкновенія.

Вотъ каковы слѣдствія неумѣренности! Сей порокъ оскверняетъ плѣло, заглушаетъ разумъ, умерщвляетъ чувствительность сердца, и свергаетъ человека съ того высокаго мѣста, которое онъ между пварями занимаетъ. Оскорбительно чинять примѣры неумѣренности, кошорыя находимъ мы какъ въ древней, такъ

такъ и новой исторіи. Однако послѣдую Спаршанамъ, копорые заставляли невольниковъ своихъ напиваться допьяна, дабы показашь дѣшамъ своимъ, сколь гнусно и ошврапительнo пьянство, хотимъ и мы разказащъ здѣсь нѣсколько примѣровъ чрезвычайнаго обжирства, въ надеждѣ, что они послужашь для дѣшей самымъ лучшимъ наставленіемъ въ шомъ, сколь полезны и нужны умѣренность и воздержность.

Лукуллъ, Римской полководецъ, содержалъ весьма пышной столъ, и приказывалъ всегда гоповишь одинакое число кушанья, когда и гостей у него не было. Однажды бранилъ онъ своего повара за то, что онъ пригошовилъ кушанья меньше обыкновеннаго. Поваръ извинялся шѣмъ, что въ шомъ день не будущъ у него ужинашъ чужіе люди. „Развѣ шы не зналъ, сказаъ прозорливой Лукуллъ, что сего дня Лукуллъ у Лукулла ужинашъ будешъ? „ — Цицеронъ и Помпей, двое изъ знашнѣйшихъ людей въ Римѣ, наслышавшись много о его пышности, согласились прійши къ нему ужинашъ, не давши ему напередъ о шомъ знашъ. Лукуллъ приказалъ пригошовишь ужинъ въ Аполлоновомъ поршикѣ. Сіе исполнено

было въ короткое время съ такою пышностію, что гости удивились. Приказаніе приготовить ужинъ въ Аполлоновомъ портикѣ имѣло шайное значеніе, которое повары Лукулловы разумѣли, и сей ужинъ стоилъ ему болѣе 7000 рублей.

Маркъ Антоній, будучи въ Египтѣ у Царицы Клеопатры, препроводилъ время въ пиршествахъ и увеселеніяхъ. Молодой Грекъ, коимъ тогда учился въ Египтѣ медицинѣ, полюбопытствовалъ зайти въ его поварню, и увидѣлъ тамъ восемь кабановъ, коимъ готовили къ ужину. Онъ спросилъ: сколько гостей будетъ сего дня ужинать у Антонія? — Не больше десяти человекъ, отвѣчалъ ему поваръ засмѣявшись.

Городъ Римъ въ разные времена имѣлъ честь быть мѣстомъ рожденія прехъ Апиціевъ, коимъ всѣ славились своею прозорливостію. Первой изъ нихъ жилъ при Императорѣ Тиверіи и публично читалъ лекціи объ искусствѣ ѣсть. Также написалъ онъ книгу о способахъ возбуждать аппетитъ. Промотавши постыднымъ образомъ безчисленные суммы денегъ, наконецъ отправилъ онъ самъ себя ядомъ, опасаясь, чтобъ онъ недоставку не

не умереть съ голоду, хотя оставалось еще у него довольно имѣнія.

Повѣствующъ о Римскомъ Императорѣ Геліогабалѣ, кошорой велѣ скопскую жизнь, что онѣ приказывалѣ гошовишь для себя на одномѣ блюдѣ мозгѣ изѣ нѣсколька сотѣ спрусовыхѣ головѣ, — — Однако намѣ уже прощивно рассказывать примѣры столь мерзкаго обжирства. Прискорбно видѣшь разумныя и безсмершныя существа, погрязшія столь глубоко въ корѣ своей. Замѣнимѣ сіе нѣкошорыми примѣрами похвальной умѣренности и воздержности.

Греческой философѣ Платонѣ позвалѣ однажды къ себѣ ужинашь славнаго Аѣинскаго полководца Тимоѣея. Ужинѣ былѣ вескудной, но также и не пышной. Однако Платонѣ приправилѣ его столь пріятнымѣ и умнымѣ разговоромѣ, что Тимоѣей былѣ весьма доволенѣ. Вспрѣшвившисъ на другой день съ Платономѣ, онѣ благодарилѣ его весьма ласково за вчерашнее угощеніе. „Ужинѣ швой, сказалѣ онѣ, не до шѣхѣ шолько цорѣ былѣ миѣ пріятенѣ, пока онѣ продолжался, но я еще и сего дня имѣ наслаждаюсь.“

Сократѣ обыкновенно говаривалѣ, что онѣ вѣстѣ для шого, шшобѣ жишь, а дру-

гимъ оставяешъ постыдное удовольствіе
жизнь для того, чтобъ ѣсть. Нѣкогда
пригласилъ онъ къ себѣ гостей. Жена
его Ксаншиппа стыдилась того, что дол-
жно было угостить ихъ скуднымъ сно-
ломъ. „ Не заботься объ этомъ, сказалъ
„ Сократъ: ежели гости наши умѣренны
„ и разумны, то не осердятся; ежли
„ же они не щакovy, то и не спояшъ
„ того, чтобъ для нихъ заботишься. „

Агезилай, Царь Спаршанской, будучи
въ походѣ, получилъ въ подарокъ мно-
жество дорогихъ съѣстныхъ припасовъ
и напитковъ, и тотчасъ приказалъ раз-
дать ихъ невольникамъ, которые служили
въ его лагерѣ. Нѣкто спросилъ у него
съ удивленіемъ о причинѣ такого по-
ступка. Агезилай отвѣчалъ ему: „ Хра-
брымъ людямъ неприлично щекотить и
поршить свой вкусъ лакомствами. Такія
вещи годятся для однихъ невольниковъ,
которые не знаютъ лучшаго удовольствія,
какъ только ѣсть и пить. „

XVI.

Легковѣрность.

Одинъ Халдейской крестьянинъ велъ
козу въ городъ Багдадъ на продажу. Онъ
1 халъ

Ѣхалъ на ослѣ, а коза шла за нимъ съ колокольчикомъ на шеѣ. Будучи разсуждалъ онъ самъ съ собою: „Я возьму за свою козу 30 серебряныхъ монетъ; куплю себѣ на эшѣ деньги новую чалму, хорошее плашье и шелковой поясъ; и стану спѣсиво похаживать по деревнѣ: всякъ тогда будетъ смотрѣть на меня, глазъ не спуская.“

Между тѣмъ, какъ онъ въ мысляхъ довольствовался будущимъ своимъ счастьемъ, шрое хитрыхъ воровъ, уговоридись украсть у него то сокровище, на которое онъ полагался. Задумавшись, Ѣхалъ онъ очень шихъ; и такъ одному изъ воровъ легко было снять у козы съ шеи колокольчикъ, привязавъ его къ ослиному хвосту и уйши въ сторону съ своею добычею. Мужикъ, слыша, что колокольчикъ звѣнишь, продолжалъ думать о своемъ щегольствѣ, не оглядываясь назадъ и ни мало не подозрѣвая о своей потерѣ. Чрезъ нѣсколько времени оглянувшись нечаянно, увидѣлъ онъ, что нѣтъ уже козы, которая составляла большую часть его богатства. Но шомъ спрашивалъ онъ у всякаго, кто съ нимъ ни встрѣчался, не видалъ ли онъ его козы.

Другой воръ, вышедши къ нему навстрѣчу, сказалъ ему, что онъ видѣлъ

на полѣ за горою человѣка, которой бѣжалъ очень скоро и тащилъ за собою козу. Крестьянинъ обрадовался, соскочилъ со своего осла, и просилъ прохожаго, чшобѣ онѣ подержалъ его осла, пока онѣ сбѣгаетъ и доспигетъ вора. Услужливой прохожій согласился на его прозъбу. Мужикѣ, пробѣгавши нѣскольго времени по пустому, уславши и запыхавшись возвратилля на то мѣсто, гдѣ соскочилъ съ осла, но не нашелъ уже шамѣ ни осла, ни прохожаго, кошорому его ввѣрилъ. Спидѣ, безпокойство и досада имѣ овладѣли.

Возвращаясь домой въ печальной задумчивости услышалъ онѣ жалобной крикѣ одного бѣднаго человѣка, кошорой сидѣлъ у пруда. Онѣ подошелъ къ нему, разсказалъ ему собственное свое приключеніе, и спрашивалъ, какое съ нимѣ случилось несчастіе и о чемѣ онѣ плачетъ.

„Ахѣ! отвѣчалъ бѣдной человѣкѣ жалостнымѣ голосомѣ: я наклонился къ этому пруду, чшобы напишься и уронилъ въ воду ящичекѣ съ алмазами, кошорые несѣ я къ Багдадскому Калифу. Это конечно будетъ мнѣ стоить жизни. Подумающѣ, что я укралъ алмазы, а не потерялъ ихѣ.“ — „Для чего жѣ ты не спускаешь-ся

ся въ прудъ и не ищешь своего ящичка?», спросилъ мужикъ, удивляясь глупости сего незнакомца. „Тутъ глубоко, опвѣчалъ незнакомой: а я не умѣю плавать. Не хочешь ли ты принять на себя эшотъ прудъ; я далъ бы тебѣ тридцать серебряныхъ монетъ. „ — Крестянинъ съ радостію принялъ сіе предложеніе, и благодаря Магомета за столь нечаянную и богатую помощь, раздѣлся на берегу. Но лишь только скочилъ онъ въ воду, то незнакомой (которой былъ одинъ изъ прехъ мошенниковъ) схватилъ его плашье, и убѣжалъ къ своимъ товарищамъ.

Такимъ образомъ несчастливой Халдеецъ по неоспорожности, преспотъ и легковѣрности лишился всего своего большего имѣнія. Онъ поспѣшалъ возвратиться въ свою хижину, не имѣя ничего, кромѣ изорваннаго рубища, которое дали ему изъ сожалѣнія на дорогѣ.

XVII.

Красота и безобразіе.

Нѣкоторой молодой человекъ, жившій въ деревнѣ и не имѣвшій никакого

свѣденія о иностранныхъ животныхъ, для того что онъ ничего не чиналъ и не разговаривалъ съ знающими о томъ людьми, пріѣхалъ въ городъ, дабы по-смотреть нѣкоторыхъ дикихъ звѣрей, коихъ привезли шуда изъ весьма дальнихъ земель. Величина и видъ слона и носорога наполнили его удивленіемъ. Однако вниманіе его скоро отвлечено было отъ сихъ звѣрей къ другому, которой былъ гораздо ихъ красивѣе; съ удивленіемъ смотрѣлъ онъ на блестящую гладкость его шерсти, на черныя пятна, которыя порядочно по ней были разсѣяны, на соразмѣрность его членовъ, и на тихой и спокойной его видъ.

„Какъ называютъ этого пріятнаго звѣря? сказалъ молодой человекъ хозяину; и для чего поставилъ ты его между этими безобразными звѣрями? Не для того ли, чтобъ красота его шѣмъ лучше отличилась?“, — „Вы несправедливо судите по наружности, отвѣчалъ хозяинъ; этотъ звѣрь, которому вы удивляешься, называется шигромъ, и хотя видъ его тихъ и пріятенъ, однако въ самомъ дѣлѣ онъ очень лютъ и дикъ. Я не могу его укротить ни строгостью, ни ласкою. Напрошивъ шого это жи-

вошное, которое вы презираете, весьма понашпливо, рабоче и полезно. Для нашей пользы проходитъ оно пещаныя Арабскія степи, гдѣ рѣдко можно найши воду и кормъ; живешъ по шести и по седми дней безъ всякаго корму и работаетъ безъ усалоспи; шерсть его годится на плашье; мясо почипается здоровою пищею; а молоко его пьюшъ Арабы съ охощою. Верблюдъ (такъ называется это живощное) гораздо достойнѣе вашего вниманія, нежели пигрѣ, хошя онѣ не такъ красивѣ видомъ и имѣешъ на хребтѣ два горба. Подобно сему и между людьми наружная красоща сама по себѣ ничего не спощтѣ; а безобразіе, соединено будучи съ добрыми свойсшвами и способносшвами, заслуживаетъ не презрѣніе, но почщеніе и похвалу.

XVIII.

Два неравные брата.

Въ Италіянскомъ городѣ Ливорнѣ были два мальчика, не извѣсно, найденыши ли, или взяшые у бѣдныхъ родителей и воспитанные благодѣшельными людьми, извѣсно только то, что они были братья и сирощы. Оба они имѣли хорошій

шій видѣ, которой обѣщаль великія дарованія и способности, и всякой думалъ, что они сдѣлаются великими людьми, естли только попадутся умнымъ и добрымъ людямъ, которые были бы въ состояніи хорошо ихъ воспитать,

Старшій изъ нихъ назывался Фердинандомъ. Надъ нимъ сжались одинъ старой богатой купецъ, не имѣвшій ни дѣтей, ни ближнихъ родственниковъ, приставилъ къ нему добрыхъ учителей, и вознамѣрился отказать ему все свое имѣніе, естли онъ будетъ добрымъ человекомъ. Младшаго брата, которой назывался Аминшомъ, принялъ къ себѣ одинъ честной священникъ, воспиталъ его самъ, и вперилъ въ него охоту къ основательнымъ и полезнымъ знаніямъ,

Фердинандъ, будучи хитръ, скоро примѣшилъ, что благодѣтель его намѣренъ сдѣлать его по себѣ наследникомъ всего богатства, и старался столько ему льстить, что старой купецъ почиталъ его самымъ лучшимъ молодымъ человекомъ, какова только сыскасть можно; но въ самомъ дѣлѣ Фердинандъ учился весьма мало.

Аминшъ не имѣлъ такой прелестной надежды. Его благодѣтель не имѣлъ ничего,

чего, кромѣ своего приходу и библиошеки, и малой его доходѣ не позволяяль ему жить роскошно. Однакожь Аминшѣ пользовался симѣ случаемѣ, учился прилѣжно и на четырнадцатомѣ году отѣ роду сполько прославился вѣ Ливорнѣ своею ученостъю, что всѣ честныя люди сѣ удовольствіемѣ старались ему помогать. Онѣ приобрѣль не малая познанія вѣ словесныхѣ наукахѣ и вѣ исторіи и сравнялся вѣ математикѣ со своимѣ учителемѣ, котораго почитали весьма знающимѣ вѣ наукѣ. Наконецѣ открылась вѣ немѣ склонность кѣ живописному художеству. Благодарствель его не препятствовалѣ его склонности, и сѣ помощію богатыхѣ друзей своихѣ отправилѣ его вѣ другой городѣ учиться анатоміи, а припомѣ продолжать и любимое свое ученье, которое началѣ онѣ сѣ великимѣ успѣхомѣ. Чрезѣ годѣ послѣ того Аминшѣ отправился путешествовать по нѣкоторымѣ знашнымѣ Европейскимѣ городамѣ. Вѣ семѣ путешествіи учился онѣ у самыхѣ лучшихѣ мастеровѣ вѣ живописномѣ художествѣ, смотрѣль славныя картины вѣ большихѣ галлереяхѣ и кабинетахѣ, и сдѣлался самѣ весьма искуснымѣ живописцемѣ. Возвратившись вѣ свое отечество, на-

наслаждался онъ любовью и почтеніемъ
ошъ всѣхъ знапоковъ.

Между шѣмъ Фердинандъ сдѣлался
наслѣдникомъ безчисленнаго богатства
по смерти своего благодѣтеля, старался
успѣвать въ искусствѣ расточать сіе
богатство благороднымъ образомъ, и за
деньги получилъ названіе Маркиза. Кромѣ
Аминша не имѣлъ онъ родствениковъ,
кошорыхъ бы могъ спыдиться; по шому
чша оба сіи брашья какъ бы съ неба упа-
ли, и никто уже не зналъ о ихъ проис-
хожденіи. Однако жъ онъ не хотѣлъ при-
знать Аминша за своего брата, и прика-
залъ своему швейцару не пускать его на
дворъ. „Возможно ли, говорилъ онъ,
чтобъ живописецъ былъ братъ Маркизу?„

Аминшъ сожалѣлъ о глупости своего
брата, и чтобы не беспокоить его своею
вспрѣчею, переѣхалъ изъ Ливорны въ Ве-
нецію; снискалъ себѣ шамъ ошъ всѣхъ
почшеніе, нажилъ довольной досташокъ,
купилъ небольшую деревню, жилъ въ ней
благополучно и спокойно, и умеръ уже
въ глубокой старости. — Напрошивъ
шого Фердинандъ несносною гордостію
сдѣлалъ себѣ врагами всѣхъ шѣхъ, кошо-
рые его знали; расточилъ все свое имѣніе,
шакъ,

такъ , что напослѣдокъ братъ его долженъ былъ давать ему пропитаніе.

XIX.

Канарейка.

Канарейки! хорошія канарейки! — такъ кричалъ мужикъ подъ Софіинымъ окошкомъ. Софія выглянула въ окно, и увидѣла мужика съ большою клѣпкою, кошорая наполнена была канарейками. Ихъ было больше сошни: онѣ прыгали и пикали такъ прекрасно, что Софія выскочила бы къ нимъ чрезъ окно, естли бы оно не такъ было высоко отъ земли.

„ Не хопите ли вы, сударыня, ку-
 „ пить себѣ ппичку? спросилъ мужикъ. —
 „ Можешъ бышь и куплю, отвѣчала Со-
 „ фія: „ погоди немного; я схожу къ ба-
 „ шюшкѣ. — Да не уйди же! „

Мужикъ обѣщалъ подождать его. Со-
 фія прибѣжала къ отцу и говорила ему:
 „ пойдите сюда, бапюшка! пожалуйста
 „ носкорѣе!

Отецъ. За чѣмъ? - Что тамъ?

Софія. Тамъ стоишъ мужикъ съ ка-
 нарейками. Ихъ у него полная клѣпка.

Софія.

Отецъ. Чему жь ты такъ радуешься?

Софія. Я куплю себѣ одну канаречку, естли вы позволите.

Отецъ. Естли у тебя деньги?

Софія. О! полной кошелекѣ.

Отецъ. Кто жь будетъ кормить бѣдную эту пшичку?

Софія. Я сама, батюшка; ей хорошо у меня будетъ жить.

Отецъ. Я опасаюсь, чшобъ ты не уморила ее съ голоду.

Софія. Чшобъ я не уморила ее съ голоду? Ахъ! какъ этому спашься? Я сама не буду завпракашь, не накормивши ее.

Отецъ. Смотри жь, не забудь эпова.

Софія. обѣщала смотрѣть прилѣжно за пшичкою и наконецъ уговорила опца ипши вѣ ея комнату. — Онъ выбралъ для нее самую лучшую канарейку. Пшичка была вся желтаа съ зеленымъ хохолкомъ.

(Продолженіе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

И егда молишия, не буди якоже лицѣмъри, яко любятъ въ сонмищахъ и въ стоенахъ путей стояще молитися, яко да явятся словескомъ: аминь глаголю вамъ: яко восприемлютъ мзду свою. Матѣ, гл. 6. ст. 5.

Канарейка. (Продолженіе.)

Софія не знала что дѣлать отъ радости. Она принесла отцу свой кошелекъ, чтобы заплашить за птичку; послала купить клѣшку и корму; повѣсила клѣшку въ своей комнатѣ, и бѣгала по всему дому, къ матерѣ, къ тещрамъ и къ служанкамъ, и разсказывала всѣмъ, какую прекрасную птичку она купила. Когда приходила къ ней котораянибудь изъ маленькихъ ея пріятельницъ, то первой разговоръ былъ о канарейкѣ. — „Знаешь ли, говорила Софія, какая у меня прекрасная канарейка? желтиная съ зеленымъ хохолкомъ. Пойдемъ скорѣе, я тебѣ покажу.“

Мими (такъ названа была любимая птичка) наслаждалась пріятною жизнью.

Часть III. No. 33. Я Софія

Софія сама ничего не ѣла, не давши корму любезной своей Мими. Когда отецъ давалъ ей цукерброду, то Мими всегда получала свою часть. Скоро привыкла она узнавать свою благодѣтельница, и какъ скоро она входила въ комнату, то Мими всегда начинала пикать и какъ бы спрашивала у нее: не несешь ли ты мнѣ чегонибудь?

Черезъ недѣлю начала канарейка весьма изрядно пѣть. Она начинала очень высоко, но потомъ опускала голосъ, и когда казалось, что она хочетъ перестать, то она вдругъ начинала пѣть съ новыми силами столь громко и пронзительно, что голосъ ея раздавался по всему дому.

Софія часто просиживала по цѣлому часу, слушая, какъ Мими пѣла. Не рѣдко забывала она работу, для того, чтобы смотрѣть на нее. Мими была первою ея забавою.

Но мало по малу Софія привыкла къ сей забавѣ. Нѣкогда отецъ подарилъ ей книжку съ картинками, которой она такъ обрадовалась, что и Мими позабыла. Мими всегда начинала пѣть, какъ скоро Софія входила въ комнату; но она этого не примѣчала. Цѣлая недѣля прошла, а Мими не получала отъ Софіи ни-

никакого лакомства. Она пѣла всѣ пѣсни, какія только могла и знала; но напрасно: у Софіи другое было въ головѣ.

Скоро послѣ того крестная мать подарила Софіи новыхъ игрушекъ, и она еще больше забыла свою пщичку. Вставши поутру принималась она за свои игрушки и завтракала не вспомнивши о Мими. Бѣдная пщичка всегда уже подѣ вечерѣ получала свой кормъ, а иногда и цѣлыя супки должна была поспитъ.

Однажды отецъ Софіинъ, сидя за столомъ, посмотрѣлъ на пщичку, которая ошѣ долгаго поста такъ уже обессилѣла, что не могла ни пѣть, ни прыгать. — „Софія!“, спросилъ онъ: „что сдѣлалось съ твоею пщичкою?“ — Софія покраснѣла. — „Ахъ!“, вскричала она: „я — я позабыла —“, и вскочивши изъ — за стола, побѣжала за кормомъ.

Между тѣмъ отецъ приказалъ снять клѣтку и увидѣлъ, что у бѣдной Мими не было ни одного зернышка корму и ни одной капли воды. — „Ахъ! бѣдная пщичка!“, вскричалъ онъ: „ты попалась въ жестокія руки. Ешьли бѣ я это зналъ, никогда бы я тебя не купилъ.“

Насыпали въ клѣтку корму и поставили свѣжей воды. Мими оправилась на-

конецъ, хошя и не скоро, и начала по прежнему пѣть и прыгать.

На другой день отецъ Софіинъ приказалъ отнести канарейку къ сыну одного изъ своихъ приятелей, кошорой былъ охотникъ до птицъ и спалъ бы содержать ее гораздо лучше.

Софія, узнавши о томъ, прибѣжала къ отцу своему, расплакавшись, и просила его, чшобъ онъ не отнималъ у нее канарейку. — „Ахъ! прекрасная моя птичка!“ кричала она: „любезная моя Мими! — Башюшка! простиите мнѣ; впредь я никогда объ ней не позабуду.“

Отецъ склонился напоследокъ на Софіину просьбу, и отдалъ ей канарейку; но при томъ сдѣлалъ ей сстрогой выговоръ. — „Бѣдная птичка, говорилъ онъ, заперта въ клішкѣ, и не можешь сама себя доставать корму. Когда ты имѣешь въ чемъ нибудь нужду, то можешь объ этомъ сказать; а Мими говорить не можешь. Ешьли ты уморишь ее голодомъ —“ „Онъ переспалъ говорить, увидѣвъ, что Софія при сихъ словахъ залилась слезами.“

И такъ Мими осталась у Софіи, кошорая содержала ее по прежнему очень хорошо.

Чрезъ шесть недѣль послѣ того отецъ Софіинъ съ матерью и съ другими ея сестрами поѣхалъ на нѣсколько дней въ деревню. Софія должна была одна остаться дома. — „Софія!“, говорилъ онъ прощаясь съ нею: „не забывай Мими.“ — Она обѣщала смотрѣть за нею прилѣжно, и лишь только отецъ уѣхалъ, что насыпала ей свѣжаго корму.

Софія, оставшись одна, почувствовала скуку и послала позвать къ себѣ своихъ пріятельницъ. Онѣ пришедши, играли съ нею въ разныя игры, танцовали и были сколько веселы, что Софія отъ радости была внѣ себя. Она разошлась съ своими пріятельницами уже очень поздно и тотчасъ легла спать.

Поутру голова ея занята была вчерашнею игрою. Она тотчасъ бы ушла къ своимъ подругамъ, если бы не пришелъ учитель. Но какъ скоро она опобѣдала, то побѣжала къ нимъ; а Мими въ тотъ день должна была постичься.

На другой день Софія занималась тѣмъ же; а Мими опять была забыта.

Третій день прошелъ такъ же, и никакъ не вспомнилъ о Мими.

Въ четвертой день родители Софiинны возвратились домой. Отецъ скоро спросилъ у нее о Мими.

„Мими? — Она жива —“, отвѣчала Софiя, испугавшись, и потчасъ побѣжала посмотришь, что дѣлаетъ Мими.

Но что она увидѣла? — Бѣдная ппичка лежала мертвая съ распушенными крылышками и раскрытымъ носикомъ.

Софiя заплакала и закричала столь громко, что всѣ къ ней сбѣжались и увидѣли, о чемъ она плачетъ.

„Бѣдная ппичка!“, сказалъ отецъ Софiинъ: „какое вытерпѣла ты мученiе! Если бы я до отвѣзду свернулъ себѣ голову, то умерла бы ты въ одну минушу. Но ты должна была спрадать нѣсколько дней голодомъ и жаждою. Бѣдная ппичка! хорошо себѣ, что избавилась ты изъ рукъ своей мучительницы.“

Софiя отдала бы всѣ свои игрушки и все, что у нее ни было, за то, чтобы оживить Мими; но это было уже невозможно.

Отецъ приказалъ сдѣлать изъ ппички чучелу и поставилъ ее въ Софiинной комнатѣ. Софiя не могла на нее смотрѣть безъ слезъ и всякой день просила сво-

своего отца, чтобъ онъ приказалъ ее вынести. Наконецъ онъ согласился на ее просьбу. Но когда Софія въ чемънибудь забывалась, то опять ставили чучелу въ ее комнату, и всякой, увидѣвши ее, говорилъ: „Бѣдная Мими! ты умерла съ голоду.“

На послѣдокъ Софія почувствовала, сколь вредно легкомысліе и разсѣяніе, и спала спарашься исправить себя. Она часто говорила всѣмъ своимъ пріятельницамъ: „Сестрицы! берегитесь легкомыслія. Мое легкомысліе стоило мнѣ много слезъ.“

XX.

Непризнательность.

Андрей имѣлъ весьма добраго отца, которой охотно прощалъ дѣшамъ своимъ всѣ просупки, которыя онъ дѣлалъ по легкомыслію и изъ радости. Онъ требовалъ отъ нихъ только опкровенности. Онъ должны были чистосердечно сказывать ему обо всемъ помѣ, что они сдѣлали и въ чемъ просупились. Когдажъ онъ умалчивали о своихъ просупкахъ, то онъ былъ строже и наказывалъ ихъ, не смощря ни на какую просьбу. Дѣши, зная

это, не скрывали ничего отъ своего отца. Проступившись въ чемъ нибудь, приходили онъ къ нему и говорили: „Башюшка! мы виноваты. Прослише насъ; впредь будемъ мы оспорожниѣ.“ — Онъ дѣлалъ имъ выговоръ, либо и наказывалъ немного; но всегда приговаривалъ къ тому: „Естьли бы вы сами не признались, то бы еще было вамъ хуже.“

Такое снисхожденіе не могло одного только Андрея склонить къ опкровенности. Онъ всегда старался ушайвать свои проступки, дѣлалъ многое безъ вѣдома отца, читалъ книги, не показывая ихъ напередъ отцу, и никогда не признавался въ своей винѣ. Отецъ строго наказывалъ его за то и часто говорилъ ему: „Нещасной сынъ! для чего ты отъ меня скрываешься? Естьли ты хочешь дѣлать что нибудь для тебя полезное, то можешь быть увѣренъ, что я не запрещу тебѣ этого. Естьлижь хочешь сдѣлать что нибудь для тебя вредное, то не глупо ли ты поступаешь? Рано или поздно сдѣлаешь ты себя весьма нещаснымъ.“

Что предсказывалъ отецъ, то и сбылось къ сожалѣнію очень скоро. Андрей будучи нѣкогда у своего приятеля
резъ

резвился и упалъ. Онъ потчасъ почувствовалъ ужасную боль, такъ, что не могъ встать. Товарищи его, съ которыми онъ игралъ, подняли его и посадили. Наконецъ скрѣпившись нѣскольکو всталъ онъ и пошелъ домой, хотя боль еще не переставала. Пришедши домой, не показался онъ опцу и не сказалъ никому о томъ, что съ нимъ случилось.

Глупой рабенокъ! онъ зналъ, что отецъ не запрещалъ ему резвиться. Сколь легко могъ бы онъ избавиться отъ своей боли, если бы не ушайлъ того, что онъ упалъ. — Однако онъ снова не сдѣлалъ.

За столомъ чувствовалъ онъ столь жестокую боль, что не могъ ничего ѣсть. Отецъ, примѣшивъ то, спросилъ у него, для чего онъ ничего не ѣстъ? — „Ахъ, батюшка!“, отвѣчалъ Андрей: „я очень боленъ. Бокъ у меня болитъ.“ — Отецъ сожалѣлъ о немъ и присовѣщивалъ ему поскорѣ лечь въ постелью.

На другой день болѣзнь такъ усилилась, что онъ не могъ встать съ постели. Бѣдной отецъ испугался и приказалъ поскорѣ позвать лекаря. Лекарь спрашивалъ у него: не знаешь ли онъ, отъ чего онъ занемогъ? Но глупой Андрей не признался и сказалъ, что онъ не знаетъ.

Лекаръ далъ ему принять лекарство, которое хотя и очень полезно, однако не годилось для его болѣзни, а по тому и ни мало ему не помогло.

День опѣ дня спановидось ему хуже. Наконецъ чрезъ недѣлю узналъ о его болѣзни одинъ изъ маленькихъ его пріятелей и пришелъ его посѣтить. — „Бѣдной Андрей!“, сказалъ онъ: „конечно боленъ ты опѣ того, что тогда, игравши съ нами, упалъ.“

„Упалъ!“, вскричалъ отецъ Андреевъ: „ахъ, негодной! онъ не хотѣлъ мнѣ объ этомъ сказать.“ — Позвали лекаря; Андрей долженъ былъ раздѣться и показать свой бокъ, которой такъ распухъ, что не можно было къ нему прикоснуться. Лекаръ примѣсилъ, что одно ребро было переломлено. Онъ приказалъ поспѣшнѣ приложить къ больному боку пепелья припарки; но онъ ни малой не сдѣлала пользы, а только увеличили еще боль.

„Государь мой!“, сказалъ наконецъ лекаръ опцу: „не осталось никакова инова способа вылечить вашего сына, какъ только вырѣзать переломленное ребро. Естли жь вы на это не согласишесь, то ему должно умереть.“

Андрей кричалъ, топалъ ногами, просилъ, говорилъ, что онъ хочетъ лучше умереть, нежели дасть себѣ вырѣзать ребро. Однако его не послушали. Лекаръ сходилъ домой за своими инструментами, и приказалъ четверымъ держать Андрея за руки и за ноги, а самъ началъ свою операцію. Кровь текла рѣками и часпо принуждала лекаря ошанавливаться въ рѣзаньѣ. На послѣдокъ удалось ему вынуть ребро, а между тѣмъ Андрей болѣе получаса долженъ былъ перенести ужасное мученіе.

Однако боль тѣмъ еще не кончилась. Надлежало всякой день по два раза прикладывать къ ранѣ бѣлая лѣкарства, копоры причиняли нестерпимую боль. Андрей всегда дрожалъ отъ страха, увидѣвши лѣкаря.

Черезъ мѣсяць могъ онъ вставать и немного ходить по комнатамъ; но навсегда остался безъ ребра. Если бы онъ заблаговременно признался отцу своему въ шомъ, что онъ упалъ, то могъ бы вылечиться удобно и скоро.

Нѣкогда жаловался онъ со слезами отцу своему на то мученіе, которое онъ долженъ былъ вытерпеть. — „Я жалю о себѣ, отвѣчалъ отецъ; „но ты самъ

самъ виноватъ въ своемъ несчастіи. Я напередъ тебѣ сказывалъ, что ты сдѣлаешь себя несчастливымъ, если не будешь имѣть ко мнѣ довѣренности. Теперь уже я помочь тебѣ не могу. Кто не хочетъ слушаться, тотъ долженъ почувствовать.»

XXI.

Письмо отъ отца къ сыну. (*)

Любезной сынъ!

Повѣсть, которую рассказывалъ ты мнѣ въ своихъ письмахъ принесла мнѣ немалое удовольствіе. Ты можешь изъ нее занять болѣе добраго, нежели изъ многихъ толстыхъ книгъ. Примѣръ добраго крестьянина, котораго жизнь ты опи-

(*) Сей отецъ долженъ быть извѣстенъ нашимъ читателямъ изъ второй части Дѣтскаго чтенія, въ которой напечатана переписка его съ сыномъ о деревенской жизни. Это письмо писано въ отвѣтъ на сыновнее письмо, въ коемъ онъ рассказывалъ повѣсть одного добраго крестьянина, которой разорившись отъ разныхъ несчастливыхъ случаевъ, честностію и трудолюбіемъ привелъ себя опять въ хорошее состояніе.

бписывалъ, долженъ научишь себя, сколь хорошо имѣшь бодрой духъ въ несчастіи. Если бы онъ ослѣпѣ плакавши и ночи проводилъ въ горести безъ сна, какую бы получилъ отъ того пользу? Никакой, совсѣмъ никакой: онъ пошрялъ бы здорье, и при томъ ошался бы нищимъ и долженъ бы былъ жить милостью другихъ людей. Но онъ поступилъ гораздо благо-разумнѣе, постаравшись успокоиться и подумавши, какъ можно ему поправить свои обстоятельство; и чрезъ то нажилъ онъ себѣ опять домъ и пропитаніе. Такъ бываетъ во всѣхъ несчастливыхъ случа-яхъ. Жалобы ни мало намъ не помога-ютъ. Печаль еще болѣе поршишь наши обстоятельство и дѣлаешь насъ неспособ-ными поправить ихъ. Если жъ одолѣешь свою печаль и прилѣжно подумаешь, какъ бы сыскашь помощь, то по большей части можешь найти способъ избавишься и отъ самаго величайшаго несчастія.

Особливо жъ, любезной сынъ, замѣнь изъ эпова примѣра, сколь милосердо Богъ съ людьми поступаетъ. Эпожъ крестьянинъ лицился сперва дому и всего имѣ-нія. Безъ сомнѣнія часто думалъ онъ тогда: „Господи Боже! Ты Отецъ нашъ; но для чего опяялъ ты у меня все?“ —

По-

Послѣдствіе показало, что Господь Богъ для него же добро дѣлалъ. Если бы онъ жилъ всегда въ хорошихъ обстоятельствахъ, то забылъ бы наконецъ Бога и вдался бы въ распущство. Но нещасіе обратило его къ Богу; онъ научился молиться и думать; привыкъ къ бережливости и къ прилѣжанію; короче сказать, онъ сдѣлался такимъ добрымъ, разумнымъ и честнымъ человекомъ, каковъ нынѣ. Когда жъ онъ такимъ сдѣлался, то милосердой Богъ избавилъ его отъ нищеты и одарилъ всемъ нужнымъ.

— Любезной сынъ! ты можешь часто приходишь въ такія же печальныя обстоятельства. Хотя не всякой человекъ разоряется отъ пожара, однако жъ случаясь съ тобою иныя нещасія, въ которыхъ покажется тебѣ, что ты совсемъ уже погибъ. Поступай тогда по-Христіянски, такъ, какъ поступалъ этотъ крестьянинъ. Въмѣсто того, чтобъ жаловаться и ропсать, обратись съ молитвою къ Богу, исполняй шѣ добрыя наставленія, копорыя Богъ чрезъ Іисуса Христа даетъ всемъ печальнымъ и спраждающимъ, и съ упованіемъ на Его помощь ищи способвъ поправить худое свое состояніе. Увидишь тогда, что обстоя-

шеля

шельства швои чуднымъ образомъ пере-
мѣняшся и печаль превращшся въ ра-
досшь.

Еще долженъ ты замѣшшь, что
искусство, честность и трудолюбіе суть
самыя лучшія и надежныя богатства,
какія человекъ снискашь можешъ. Крес-
тьянинъ сей потерялъ въ одинъ часъ все
то, что доспалось ему послѣ отца:
домъ, платье, домашніе приборы, скопи-
ну и деньги. Но его искусство, чест-
ность и трудолюбіе оспались съ нимъ,
и копя бы домъ его десять разъ сторѣлъ,
однако сіи добрыя свойства никогда бы
не пропали. Я вспомнилъ при этомъ о
древнемъ Греческомъ философѣ, копорой
назывался Симонидомъ, и съ копорымъ
произошло такое жь приключеніе. Онъ
былъ на кораблѣ со многими другими люд-
ми, копорые ѣхали за море для торго-
ли. Они уже приближались къ берегу,
какъ поднялась жестокая буря и корабль
разшибся. Всякой позабывши о имѣнш,
спарался спасти, только жизнь свою. Но
какъ скоро выбрались они изъ воды и
опомнились отъ спраху, шо всѣ начали
плакаться и жаловаться: одинъ оплакивалъ
свои деньги, другой шовары, третій
платье. Одинъ только Симонидъ былъ спо-

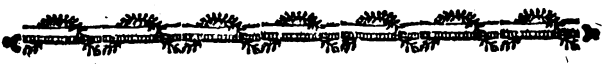
спокоенъ и веселъ, какъ бы ничего не потерявши. Нѣкто изъ его спутниковъ спросилъ у него: какъ онъ можешь бытъ спокоенъ при такомъ несчастіи? „О чемъ же мнѣ плакать?“, отвѣчалъ Симоидъ: „я ничего не потерялъ; все мое богатство со мною.“ Онъ говорилъ о своей мудрости, которая была для него дороже всѣхъ богатствъ здѣшняго міра.

(Окончаніе сообщено будетъ впродъ.)

XXII.

Анскдотъ.

Одинъ Нѣмецкой дворянинъ купилъ себѣ деревню и построилъ въ ней великолѣпной домъ съ изрядною домовою церковью; подъ которою приказалъ сдѣлать погребъ для погребенія мертвыхъ. Когда все строеніе было окончано, то онъ писалъ къ своимъ дѣтямъ: „Наконецъ, любезныя дѣти, церковь наша отстроена, и я надѣюсь, что естли Богъ продолитъ жизнь нашу, то всѣ мы будемъ подъ нею погребены.“

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Ты же, егда молишия, види въ клять твою, и затвори въ двери твоя, помолися Отцу твоему иже въ тайнѣ, и Отецъ твой видя въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ. Маше. гл. 6. ст. 6.

Окончаніе письма отъ отца къ сыну.

И шакъ не смѣшно ли, когда люди ни о чемъ иномъ не думаютъ, какъ только сдѣлашья богатыми? Богатство не дѣлаетъ ихъ умнѣе. Хотя голодные льстецы съ низкими поклонами ищутъ дружбы и милоспи богатыхъ глупцовъ; но умные люди въ сердцѣ ихъ презираютъ. При всемъ своемъ богатствѣ не могутъ они имѣть удовольствія; по тому, что будучи недобродѣтельны не имѣютъ упованія на Бога и вспоминаютъ о Немъ съ ужасомъ. Они не могутъ чувствовать истинной радости и сами себя спыдаютъ, для того, что они видятъ, что самой бѣдной чело-
вѣкъ, будучи честнѣе и умнѣе, лучше
Часть III. No. 34. Ѡ ихъ.

ихъ. Будучи непродолжительны живутъ они всегда въ праздности; а ты знаешь по опыту, что тѣ часы самые несносныя въ нашей жизни, въ копорыя мы не знаемъ, что намъ дѣлать. Праздность обыкновенно вводитъ ихъ въ игру и въ другія распущенности, и чрезъ то сокращаетъ ихъ жизнь. Когда жь они лишаются своего богатства, тогда самой послѣдней поденьщикъ бываетъ ихъ щасливѣе. Онъ можетъ работать, получать отъ того пропитаніе и быть довольнымъ. Но они — бѣдные люди! — они не могутъ уже имѣть никакого удовольствія. Всѣ пріятели, копорыми они прежде окружены были, оставляютъ ихъ, для того, что они не ихъ, но богатство ихъ любили. Не выучившись ничему, отъ чего спанутъ они получаютъ пропитаніе? Привыкши къ спокойной и роскошной жизни, они вдвое чувствуютъ тягость нищеты. Прежде забывали они сами себя въ безпрестанномъ разсѣяніи и въ веселостяхъ; но тогда должны они бывать слушать попреки своей совѣсти, копорая безпрестанно швердитъ имъ, что они худые люди, ничего не знаютъ, никого не сдѣлали щасливымъ. — Ахъ! любезной сынъ! подумай какво должно быть ихъ состояніе. На-

Напрошивъ шого сколь щаспливѣ искусной, честной и шрудолубивой чело-вѣкѣ! Хотя домъ его сгоритѣ, или воры его ограбятѣ, но онѣ не унываетѣ и думаетѣ : я ничего не потерялѣ ; все со мною.

Искусной, честной и шрудолубивой чело-вѣкѣ всегда можешѣ нажить довольно денегѣ. А хотя онѣ долженѣ бываетѣ жить и вѣ безпрестанной бѣдности, однако не почитаетѣ себя несчастнымѣ. Онѣ всегда имѣетѣ съ собою друга, которой его ободряетѣ. Сей другѣ, естѣ его совѣсть. Она говоритѣ ему безпрестанно : „ ты доброй чело-вѣкѣ, исполняешѣ свою должностѣ, и по возможности приносишѣ пользу своимѣ ближнимѣ. Хотя люди сего не примѣчаютѣ, но всезнающій Богѣ видитѣ все : Онѣ не допустишѣ тебя шерпѣть нужду, благословишѣ потомковѣ швоихѣ, и вѣ вѣчности богато наградитѣ тебя за то, что здѣсь шерялѣ ты недосшатокѣ. „

Я желаю, что-бѣ ты, любезной сынѣ, приобрѣлѣ такое богатство. Учись всему, чему только учишѣся можешѣ. Живи честно, какѣ Богѣ повелѣваетѣ. Убѣгай заблаговременно праздности и привыкай къ работѣ. Тогда только могу я уме-

реть спокойно, когда увѣренъ буду, что любезной мой сынъ по смерти моей будетъ жить благополучно. Хотя бы оставилъ я себѣ въ наслѣдство цѣлая бочки золоша; однако сіе не могло бы меня сполько ушѣшишь на смертной постелѣ, какъ то, что останется послѣ меня умной, честной и трудолюбивой сынъ.

XXIII.

Описаніе большой пещеры въ Дербширскихъ горахъ.

Въ прекрасной лѣпнѣй вечеръ одинъ молодой путешественникъ, сидѣлъ въ саду, окруженъ будучи маленькими своими братьями и сестрами, и рассказывалъ о томъ, что онъ достопамятнаго видалъ и слыхалъ на своемъ путешествіи.

„Самъ я подумалъ бы, что это мнѣ приснилось — сказалъ онъ между прочимъ — „если бы не зналъ вѣрно, что я былъ шамъ съ полудня до захождения солнца.“

„А гдѣ? „ спросили любопытные слушатели.

„Въ

„Въ Касплезонской пещерѣ.“

Любопытныя дѣши всѣ захошѣли узнать , какая это пещера и что есть въ ней достопамятнаго. Путешественникъ удовольствовалъ ихъ любопытство слѣдующею повѣстью.

Сто семьдесятъ миль, говорилъ онъ, отѣхалъ я отъ Лондона по горамъ и до долинамъ, и наконецъ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ надлежало мнѣ увидѣть одно изъ великолѣпныхъ чудесъ nature.

Взѣхавши на высокую гору, вдругъ увидѣлъ я предъ собою прелестную долину, перерѣзанную ручайками и окруженную со всѣхъ сторонъ высокими горами. Въ этой долинѣ построены небольшой городокъ Касплезонъ.

По узкой тропинкѣ, извивающейся по сторонамъ горы, сошелъ я въ сію долину и въ одну изъ Касплезонскихъ улицъ, гдѣ нашедши практиръ, опобѣдалъ въ немъ, и немедленно по томъ продолжалъ путь свой къ пещерѣ.

Небольшой ручеекъ, протекающій по средѣ города, привелъ меня къ ея входу. Тутъ остановился я на нѣсколько времени, удивляясь ужасной вышинѣ спящей предо мною крушой горы, обросшей съ обѣихъ сторонъ зеленымъ кустарникомъ.

На вершинѣ ея видны были развалившіяся стѣны и башни стараго замка, а внизу при подошвѣ превеликое отверстіе, служащее входомъ въ пещеру, въ которой весьма темно, естли вдругъ въ нее по-смотреть.

Стоя шамъ въ удивленіи, увидѣлъ я при мрачномъ входѣ пещеры человѣка, которой имѣлъ дикой и суровой видъ. Онъ спросилъ меня: не хочу ли я посмотреть пещеры? при чемъ суровой его голосъ произвелъ въ пещерѣ громкой отзвѣтъ.

Какъ я ему отвѣчалъ, что я для этого только и прѣхалъ, то спросилъ онъ меня еще: хочу ли я переѣзжать и чрезъ рѣки? и при томъ назначилъ мнѣ небольшую плашу, которую я дамъ ему былъ долженъ.

Я согласился на его требованіе. Онъ сказалъ мнѣ, чтобъ я смѣло шелъ за нимъ, и мы вошли въ пещеру.

На лѣвой сторонѣ при входѣ ея лежалъ опрубленной пень, у котораго играли рабѣша. —

Дорога была нѣсколько покатая, такъ, что дневной свѣтъ, входившій въ пещеру чрезъ отверстіе, шедся мало по малу въ темношѣ.

Прошедши нѣсколько шаговъ впередъ, какое было для меня зрѣлище, когда я по правую сторону, подъ ужаснымъ сводомъ пещеры, увидѣлъ цѣлую подземную деревню, копорой жили въ удовольствіи и веселіи сидѣли съ дѣтьми своими у дверей низкихъ своихъ хижинъ, для того, что тогда былъ Воскресной день!

Прошедши мимо сихъ хижинъ, увидѣлъ я множество большихъ колесъ, на копорыхъ подземные жили пещеры въ работные дни дѣлали канавы.

Чѣмъ глубже мы сходили, тѣмъ менѣе казалось опверстіе, чрезъ которое входилъ дневной свѣтъ, темноста почти при всякомъ шагѣ умножалась, и наконецъ видны были немногіе только лучи, копорыми красились тонкія облака, состоявшія изъ дыму, копорой поднимался изъ хижинъ ко своду пещеры.

Наконецъ высокой сводъ горы сомкнулся со дномъ, такъ, какъ небо, кажется, смыкается съ землею, когда мы пришли къ небольшимъ ворогамъ, куда принесла намъ старуха изъ одной хижины каждому по свѣчѣ.

Проводникъ мой опворилъ ворота, мы вошли во внутренность сего ночнаго храма

храма, и совсѣмъ просидились съ дневнымъ свѣтомъ.

Гора была шамъ споль низка, что намъ чрезъ нѣсколько шаговъ надлежало низко наклоняться, дабы пройти. Но сколько велико было мое удивленіе, когда послѣ сего пѣснаго прохода мы опять поднялись вверху, и я, сколько возможно было при слабомъ свѣтѣ отъ нашихъ свѣчь, вдругъ осмопрѣлѣ ужасную длину, высоту и широкую свода, съ коимъ никакъ не лѣзя сравнишь то большое отверстіе, чрезъ которое мы вошли въ пещеру.

Мы шли шамъ цѣлой часъ, какъ бы подъ чернымъ полуночнымъ небомъ, по равному песчаному дну, какъ гора мало по малу опять спустилась, и мы увидѣли себя при довольно широкой рѣкѣ, которая при блескѣ свѣчь нашихъ въ темнотѣ удивительно отсвѣчивала.

Къ берегу этой рѣки прикрѣплена была небольшая лодка, въ которой лежала солома.

Проводникъ мой сказалъ мнѣ, чтобъ я легъ въ лодку, для того, что въ срединѣ рѣки сводъ горы будетъ почти до воды касаться. — Я легъ; а онъ вошелъ въ воду до половины шѣла и подпихнулъ лодку за собою.

Вокругъ насъ владычествовала мертвая шишина, и чѣмъ далѣе лодка подвигалась, тѣмъ глубже опускалась гора, подобно темносерому облаку, шакъ, что я лежалъ въ лодкѣ, какъ въ тѣсномъ гробѣ. Наконецъ прошли мы сквозь эту страшную тѣсноту, и гора на другой сторонѣ поднялась выше. Тамъ проводникъ мой высадилъ меня на берегъ.

Дорога наша сгибалась по широка и высока, что опять низка и тѣсна.

По обѣимъ сторонамъ мимоходомъ видѣли мы множество большихъ и малыхъ окаменелыхъ распеій и живописныхъ, у которыхъ однако не могли остановиваться, для того, что всѣхъ ихъ и въ нѣсколько дней пересмотрѣть не можно,

Такимъ образомъ пришли мы къ другой рѣкѣ, которая однако не столь была широка, какъ первая, и можно было съ одного ея берега видѣть другой. Черезъ нее перенесъ меня проводникъ мой на плечахъ, для того, что лодки шамъ не было.

Опощедши нѣсколько шаговъ опшуда, увидѣли мы узкой ручаекъ, которой, прошекая вдоль предъ нами, велъ къ самому концу пещеры.

Дорога вдоль по берегу эпова небольшого ручайка была мокра и скользка, а иногда спановилась шакъ тѣсна, что едва одну ногу опѣ другой опдвигать было можно.

Однако жъ я шелъ съ удовольствіемъ по сему подземному берегу, и увеселялся чуднымъ видомъ всѣхъ предметовъ, которые окружали меня въ семъ царствѣ пмы и тѣней. Вдругъ услышалъ я издалека музыку. Оспановившись въ удивленіи, спросилъ я проводника моего: что это значило? Онъ опвѣчалъ мнѣ, что я скоро по увижу.

Но какъ мы шли далѣе, по гармоническіе тоны перялись, шумъ спановился слабѣе, и наконецъ услышалъ я тихое журчаніе, шуму дождя подобное.

Сколь велико было мое удивленіе, когда я вдругъ дѣйствительно увидѣлъ дождь, шедшій со своду, подобно, какъ изъ густаго облака. Капли его блистали при свѣтѣ нашихъ свѣчь, и онѣ-то причинялъ потѣ гармонической шумъ, кошорой я издали слышалъ.

Въ самомъ дѣлѣ былъ это ручаекъ, кошорой сверху чрезъ жилы горы спекалъ на сей сводѣ.

Мы не смѣли подойти туда близко съ нашими свѣчами, для того, что падающія сверху капли удобно могли бы ихъ потушить, и мы тогда можетъ быть щещно бы спали искашь возвраща-наго пуши.

И шакъ мы продолжали ипши вдоль по берегу узкаго ручайка, и видѣли по сторонамъ широкія опверспія, подобныя новымъ пещерамъ; но мы проходили мимо ихъ, пока проводникъ мой пригошовилъ меня къ самому великолѣпнѣйшему явлению.

Прошедши нѣсколько шаговъ, вспу-пили мы въ величественной храмъ съ пышнымъ сводомъ, утвержденнымъ на прекрасныхъ сполбахъ, которые, казалось, сдѣланы были руками самаго искуснѣйшаго архитектора.

Сей подземной храмъ, въ строеніи коего никакая рука человѣческая участія не имѣла, казалось мнѣ, превосходилъ правильностью, великолѣпствомъ и красою самыя славныя зданія.

Исполненъ будучи почшенія и удивленія, видѣлъ я во внутреннихъ глубинахъ натуры открытое величество Творца, и прославилъ Его въ сей торжественной

ной пишинѣ и въ сей священной пещерѣ, прежде, нежели вышелъ изъ храма.

По томъ приближились мы къ цѣли нашего путешествія. Вѣрной нашъ ручаекъ проводилъ насъ по оставшейся части пещеры, гдѣ гора составляетъ послѣдній сводъ, а потомъ опускается ниже и наконецъ сходится съ водою, которая дѣлаетъ широкую небольшую полуокругъ и замыкаетъ пещеру, такъ, что никакой человекъ далѣе пройти не можетъ.

Проводникъ мой соскочилъ въ воду, проплылъ нѣсколько подъ горою и возвратился весь вымочившись, дабы показать мнѣ, что не возможно пройти далѣе, еслили гора сія когда либо nebude подорвана порохомъ, и чрезъ то откроется можетъ быть другая пещера.

Тогда думалъ я, что возвратимся мы по ближней дорогѣ; но я долженъ былъ вытерпеть еще болѣе трудности и увидѣть еще лучшія явленія, нежели прежде.

Проводникъ мой на возвратномъ пути пошелъ въ лѣвую сторону, куда слѣдовалъ за нимъ и я чрезъ отверстіе, которое было въ высокой каменной стѣнѣ.

Тутъ спросилъ онъ у меня сперва, рѣшусь ли я ползти довольно далеко подъ горою

гору , копорая почши касалась до земли? Получивъ отъ меня согласной отвѣтъ , сказалъ онъ мнѣ , чтобъ я слѣдовалъ за нимъ и сколько можно осшерегался , чтобъ свѣча моя не погасла .

И шакъ поползли мы на рукахъ и на ногахъ по мокрому песку чрезъ отверстіе въ камень , копорое иногда шакъ было шѣсно , что насилу можно было пробраться .

Окончавши эшотъ шрудной походъ , увидѣлъ я въ пещерѣ крушой пригорокъ , копорой сполько былъ высокъ , что вверху подъ сводомъ шерялся , какъ бы въ облакъ .

Пригорокъ сей споль былъ мокръ и склизокъ , что я шопчасъ упалъ , какъ скоро хопѣлъ сдѣлать первой на него шагъ . Но проводникъ мой , схватилъ меня за руку и сказалъ мнѣ , чтобъ я шелъ за нимъ , и что онъ умѣетъ уже ушояшь на ногахъ .

Мы всходили на шакую высоту и по обѣимъ споронамъ видѣли шакія пропасти , что голова у меня кружился , когда я о шомъ вспомню .

Какъ мы взшли на самую вершину , шо проводникъ мой , посшавивши меня на шакомъ мѣстѣ , гдѣ я могъ ушояшь , ска-

сказалъ мнѣ, чпобѣ я дожидался его спокойно. Между шѣмѣ сошелъ онѣ сѣ своею свѣчею внизѣ и оставилъ меня одного.

Я пошерялѣ его на нѣскольго времени изѣ виду, и наконецѣ увидѣлѣ не его, но свѣчу его внизу, ошкуда, казалось, выходила она, какѣ прекрасная звѣзда.

Повесесясь нѣскольго симѣ неописанно прекраснымѣ явленіемѣ, дождался я моего проводника, кошорой пришедши, снесѣ меня благополучно сѣ круаго и скользѣкаго пригорка на своихѣ плечахѣ. Когда жѣ я споялѣ внизу, то онѣ взошелѣ наверхѣ и показалѣ мнѣ свою свѣчу сквозь небольшое ошверстіе вѣ камнѣ, между шѣмѣ, какѣ я свою закрылѣ рукою. Эшо явленіе подобно было шому, когда вѣ глубокою полночь изѣ густыхѣ облаковѣ просіяваешѣ звѣзда, и превосходило крашою все шо, чпо я прежде видѣлѣ.

Тогда окончалось наше нупешеспвіе, и мы со немалымѣ шрудомѣ возврапились чрезѣ шѣсной проходѣ ко храму, изѣ кошораго не задолго предѣ шѣмѣ вышли; слышали опяшь печеніе дожда, кошорой вблизи шихо журчалѣ, а вдали производилѣ музыкальные шоны; и по широкому пространству пещеры дошли до шѣхѣ ворошѣ, при кошорыхѣ распались сѣ дневнымѣ свѣтомѣ.

Ко-

Когда мы выходили изъ пещеры, то казалось намъ, что день мало по малу наступалъ, а ночь и темноба изчезали. Издали увидѣли мы сперва дымъ, копорой выходилъ изъ хижинъ, а по помъ и самыя хижины. Взощедши еще выше, увидѣли мы и рабятъ, копорыя у пня играли. Наконецъ начали показываться чрезъ отверстіе пещеры красновашыя на небѣ полосы; а какъ скоро мы совсѣмъ изъ нее вышли, то солнце закапилось.

И такъ я почти съ самаго полудня до вечера пробылъ въ пещерѣ. Возвратившись ошпуда, увидѣлъ я себя во всемъ моемъ нарядѣ довольно похожимъ на моего проводника; башмаки мои едва висѣли на ногахъ: такъ размокли и изорвались они отъ долгой ходьбы по мокрому пещу и острымъ камнямъ.

XXIV.

Искусное притворство.

Одинъ знашной Англійской господинъ имѣлъ нужду жить въ нѣкоторомъ городѣ скрышно, такъ, чтобъ никто не зналъ о его сосшояніи, и для шого держалъ шамъ при себѣ одного шолько Араба. Онъ

Онъ называлъ себя Италіянцомъ, и приказалъ своему Арабу шакъ же о немъ сказывашь.

Черной Арабъ хотѣлъ исполняшь приказаніе своего господина весьма почно, и всякому, кто у него спрашивалъ, отвѣчалъ, что онъ и господинъ его оба Италіянцы.

XXV.

Дубъ и свинья. Басня.

Прожорливая свинья, споя подъ дубомъ, бла упавшія съ него желуди съ великою жадностію.

„Неблагодарное животное! вскричалъ дубъ: „ты пишаешься моими плодами; „а на меня и не смотришь.“

Свинья, съѣвши еще нѣсколько желудей, прохрюкала ему въ отвѣтъ: „я конечно поблагодарила бы тебя, ешьли бъ „знала, что желуди швои нарочно для „меня падали.“

Кто дѣлаешъ другому добро безъ намѣренія, а только по случаю, шотъ не имѣешъ права шребовать благодарности.

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Молящіяся же не лишше глаголите, яко же язычницы: мнятъ бо яко во многоглаголаніи своемъ услышати будутъ. Не подобитеся убо имъ: вѣсть бо Отецъ вашъ, ихже требуетъ, прежде прошенія вашего. Матѳ. гл. 6. ст. 7. 8.

XXVI.

Разговоръ между отцомъ и сыномъ в томъ, для чего въ свѣтѣ одни бѣдны, а другіе богаты.

Сынъ. **Б**апюшка! для чего иные люди бывающъ очень бѣдны?

Отецъ. Для того, чшобы другіе были богаты.

Сынъ. Какъ это? я не разумѣю.

Отецъ. Когда бы всякой человекъ имѣлъ столько, сколько надобно, то никто бы не могъ имѣть больше, нежели ему надобно; и для того-то одному надобно терпѣть недоспапокъ, чшобы другой могъ имѣть лишнее.

Сынъ. Для чего жь другіе лишнее имѣютъ ?

Отецъ. Отвѣчай мнѣ сперва на мои вопросы : Сожалѣніе и щедрость не прекрасныя ли добродѣтели ?

Сынъ. Конечно : дѣлать добро очень пріятно.

Отецъ. Не жалко ли бы было, естли бѣ люди не имѣли эшѣхъ добродѣтелей ?

Сынъ. Очень жалко.

Отецъ. Но могли ли бы люди бытъ милосердыми и щедрыми, естли бы всѣ они были вѣ равномѣ состояніи, естли бы одни не были вѣ худыхъ обстоятельствахъ, а другіе вѣ лучшихъ ?

Сынъ. Нѣтъ ; тогда не о комъ бы сожалѣть и не было бы случая добро дѣлать.

Отецъ. Можно ли привыкнуть къ какой нибудь добродѣтели и вѣ ней упражняться, естли никогда не будешь имѣть случая исполнять ее ?

Сынъ. Не можно.

Отецъ. И такъ ты видишь, что не было бы прекрасныхъ добродѣтелей, милосердія и сожалѣнія къ бѣднымъ, естли бы не было такихъ людей, которые шerpѣли бы нужду. Для шого-то и бывающъ вѣ свѣшѣ бѣдные и богашые лю-
ди,

ди, чшобы могли вѣ немѣ бышь щедростшь и милосердіе.

Сынъ. Однако для эшова не нужно бы инымѣ бышь очень богатыми.

Отецъ. Очень богатые люди должны дѣлать очень много добра своимѣ богатствомѣ; они должны дѣлать такія заведенія вѣ пользу бѣдныхѣ, какихѣ съ меньшимѣ достаткомѣ дѣлать не лзя.

Сынъ. Всегда ли же они эшо дѣлають?

Отецъ. Тѣмѣ хуже для нихѣ, еспли они не исполняють своей обязанности. Богъ для шого только и далъ имѣ столько богатства, чшобы они дѣлали больше добра своимѣ братьямѣ.

Сынъ. Но бѣднымѣ какая же польза отѣ шого, что они бѣдны?

Отецъ. На эшотѣ вопросѣ долженѣ я отвѣчать шебѣ также вопросами. — Почитаешь ли ты перѣливостшь, наджду на Бога благодарностшь кѣ шѣмѣ, которые намѣ добро дѣлають, похвальными добродѣтелями, и желаешь ли, чшобѣ онѣ были вѣ свѣтѣ?

Сынъ. О! конечно такѣ.

Отецъ. Когда жѣ имѣмѣ мы больше случая исполнять этѣ похвальные добродѣтели, шогда ли, когда живемѣ спокойно вѣ изобиліи, или шогда, когда

шерпимъ недоспашокъ въ многихъ нужныхъ вещахъ?

Сынъ. Тогда, когда недоспашокъ шерпимъ.

Отецъ. Богъ хощѣлъ, чшобъ эшѣ добродѣтели были въ свѣшѣ; однако Онъ по всевѣденію своему предвидѣлъ, чшо нѣкопорые люди не имѣли бы ихъ, еспшли бѣ не прешерпѣвали бѣдноспи. Чшо жь надлежало Ему сдѣлать?

Сынъ. Попуспшишь, чшобъ такіе люда бѣдны были.

Отецъ. Теперь понимаешь ли, какал польза бѣднымъ ошѣ того, чшо они бѣдны? — Сверхъ того, вѣришь ли ты, чшо еспь много шакихъ людей, копорые не могли бы сносишь спокойной жизни и едѣлались бы злыми людьми, еспшли бы не должны были прешерпѣвать недоспашокъ и нищету. Я разскажу тебѣ одинъ достопамятной примѣръ, копорой тебя въ эшомъ еще больше увѣришь. —

Одинъ бѣдной ремесленникъ долженъ былъ всякой день съ утра до вечера мучиться шяжекою рабошою, для того, чшобъ прокормишь себя съ женою и съ двумя дѣшми. Пища ихъ была самая худая, да и шой недоспавало имъ иногда, чшобы наѣспшься досыша.

Однако

Однако въ такихъ обстоятельствахъ не жаловались они на свою участь, были терпѣливы, надѣлись на Бога и ожидали Его помощи, въ чемъ никогда и не обманывались. Часпо ложились они не уживавши на свою солому, и не знали, что будетъ съ ними на другой день; но Божіе провидѣніе всегда посылало поупру нѣчто въ ихъ пользу, чего они не могли предвидѣть. Иногда получали они отъ щедрыхъ людей нечаянное подаеніе, иногда же находили нечаянной случай выработашъ нѣсколько денегъ. Короче сказашъ, это бѣдное семейство жило въ набожности и шрудолюбіи и при всей своей бѣдности было довольно.

По несчастію бѣдной ремесленникъ имѣлъ брата, которой еще въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ отправившись въ Индію, нашелъ шамъ случай скопить великое богатство. Онъ возвратился въ свое отечество со всемъ своимъ богатствомъ; купилъ себѣ великолѣпной домъ въ главномъ городѣ той земли, и думалъ провести остатокъ своей жизни въ изобиліи и удовольствіи. Но вдругъ занемогъ онъ и умеръ. Какъ онъ не былъ никогда женатъ, то все его имѣніе досталось бѣдному его брату.

Представь себѣ, какъ вскружилась голова у бѣднаго ремесленника, когда онъ узналъ, что имѣетъ сто тысячъ рублей. Онъ едва не упалъ въ обморокъ услышавши о такомъ нечаянномъ щастіи. Долго былъ онъ внѣ себя отъ радости. Наконецъ оправившись отъ восхищенія, началъ онъ заботиться о томъ, на что бы употребить такое множество денегъ.

Если бы онъ послѣдовалъ совѣту совѣтвеннаго своего добраго сердца, то оспался бы въ прежнемъ своемъ состоянїи и не переспалъ бы прудиться, жить умеренно и быть набожнымъ, употребляя одну часть доходовъ на воспитаніе своихъ дѣтей, а другую на добрыя дѣла. Но ложные его друзья приходили къ нему и спрашивали: не съ ума ли онъ сошелъ? Развѣ онъ не знаетъ, что съ такимъ богатствомъ можно жить совсемъ иначе? Они описывали ему пышную городскую жизнь споль прелестною, что бѣдной ремесленникъ влюбился въ нее до безумія.

И такъ уговорили его оставить маленькую городокъ, въ которомъ онъ жилъ, переселиться въ большой городъ, гдѣ покойной братъ его купилъ великолѣпной домъ, и тамъ проводить жизнь въ лѣноши

носпи и роскоши. Вскорѣ познакомился онѣ со многими льстецами и блюдолизами, которые говорили, что они хотѣяшъ служить ему своими совѣтами, какѣ долженѣ онѣ поступать въ новомѣ своемѣ состояніи.

Первое дурачество, которое сдѣлалъ ему присовѣтовали, было то, что онѣ купилъ себѣ дворянство. Ремесленникѣ нашѣ сдѣлался за свои деньги Барономѣ и по новому своему достоинству долженѣ былѣ употреблять всѣ шѣ излишества, которые въ знатныхѣ домахѣ почищаются необходимо нужными. Надобно ему было имѣть великолѣпное платье, пышныя мебели, дорогія карпины и шпагу, богашой экипажѣ, множество слугѣ и искусныхѣ поваровѣ. Онѣ долженѣ былѣ все это не только завести, но и содержать.

Новая дворянская фамилія скоро научилась препроводить время свое благороднымѣ образомѣ, то есть такѣ, какѣ проводяшъ его благородные люди, которыми дѣлалъ нѣчего. Они не вставали уже попрежнему вмѣстѣ съ восхожденіемѣ солнца, но просыпали до полудни. По томѣ посвящали нѣсколько часовѣ нарядамѣ, и садились за столѣ, чтобы на-

полнишь желудокъ множествомъ разнаго кушанья. Послѣ обѣда выѣзжали со двора, чшобъ дѣлать скучные визиты, или оспивались дома, чшобы приниматъ такіе жъ скучные визиты. Вечеръ проводили либо за картами, либо въ театръ, въ маскарадѣ и на балѣ; а большую часть ночи опять просиживали за столомъ,

Чѣмъ далѣе продолжалась такая роскошная жизнь, тѣмъ болѣе умирали въ сердцахъ сихъ несчастныхъ людей всѣ добродѣтели, копорыя во время бѣдности были имъ свойственны. Прежде были они трудолюбивы, умеренны, щепѣливы, набожны и довольны худымъ своимъ состояніемъ; тогда жъ сдѣлались лѣнивыми, жадными, позабыли Бога и роптали на всякое неудовольствіе, копорымъ забавы ихъ перерывались. Господинъ Баронъ вдался въ пьянство и часто дѣлался подобнымъ безсмысленному живошному. Госпожа Баронесса приспраспидась къ игрѣ и проигрывала въ одинъ часъ столько, сколько въ прежнемъ состояніи со всемъ своимъ семействомъ въ нѣсколько лѣтъ проживала. Дѣвши ихъ выросли лѣнивыми невѣжами и вдавались безъ стыда во всякіе гнусные пороки.

Что жь наконецъ изъ всего эпова преизошло? — Въ нѣсколько лѣтъ богатство господина Барона совсѣмъ испощидось. Самъ онъ неумѣренностью въ пишьѣ, а супруга его приспрасшиемъ къ игрѣ разстроили свое здоровье. Дѣти ихъ надѣлали сполько безчинствѣ и скверношей, что правительство должно было выгнать ихъ изъ города; по помѣ сдѣлались они мошенниками, и напосаѣдокъ получили за эпошѣ промыселъ достойное награжденіе на виселицѣ. Отецъ и мать ихъ впали въ нищету. Но какъ всѣ знали, что они сами въ помѣ виноваты, по почши яикпо о нихъ не сожалѣлъ. Они шапались нѣсколько времени по міру и просили милосыни. Наконецъ приняли ихъ въ убогой домъ, гдѣ проводили они оспапокъ жизни въ раскаяніи о своихъ дурачестввахъ и умерли при мучительныхъ угрызенияхъ совѣспи. —

Теперь разсуди самъ, не гораздо ли бы лучше было оспапьяся несчастнымъ эшимъ людямъ въ первомъ ихъ соспоянніи, и ошвѣчай самъ себѣ на свой вопросъ: для чего Господь Богъ меравно раздѣляетъ богатство, и для чего иные бѣдны, а другіе богаты?

XXVII.

Угадчики.

Одинъ купецъ, оплучившись отъ своего дому, былъ окраденъ. Подозрѣніе въ воровствѣ пало на его бухгалтера, сидѣльца и слугу. Купецъ позвалъ къ себѣ старика, о которомъ носился слухъ, что онъ умѣетъ опыскивать пропавшія вещи, и просилъ его, чтобъ онъ постарался узнать, кто его обокралъ. — Старикъ приказалъ написать на карпахъ имена пѣхъ людей, на которыхъ было подозрѣніе. Послѣ нѣкоторыхъ церемоній положилъ онъ свою палочку, которую называлъ волшебною, на одну карпу, и вскричалъ: „Вошъ, эшотъ воръ!“, На той карпѣ написано было имя бухгалтера. Купецъ прибѣжавши пошчасъ въ его комнату, нашелъ тамъ нѣкоторыя изъ украденныхъ у него вещей, и обличенной воръ признаніемъ своимъ подтвердилъ старикову догадку.

Сіе приключеніе разнеслось по городу, и съ того времени всѣ почитали старика угадчикомъ и думали, что отъ его палочки ничто укрыться не можешъ.

Чрезъ

Чрезъ нѣсколько времени послѣ того случилось , что въ нѣкоторой компаніи у одного иностранца пропала золотая табакерка. Хозяинъ , у котораго въ домѣ это случилось , приказалъ позвать угадчика , и по его совѣту написалъ на карпахъ имена всѣхъ гѣстей , которыя у него были. Старикъ , сдѣлавши обыкновенныя свои церемоніи , положилъ свою палочку на одну каршу , и сказалъ , что табакерка украдена точно тѣмъ человекомъ , чье имя на этой каршѣ написано. Однако на сей разъ палочка его весьма ошиблась , по тому , что на каршѣ написано было имя шакого человека , которой по своему сословію , богатству и честности свободенъ былъ отъ всякаго подозрѣнія.

Иностранецъ , узнавши о семъ происшествіи , призвалъ старика къ себѣ , положилъ предъ него каршы съ именами такихъ людей , изъ которыхъ безъ сомнѣнія одинъ виновашъ въ воровствѣ , и заспавилъ его угадывать. Старикъ обѣщавъ увѣрительно открыть вора и началъ дѣлать обыкновенныя свои пріемы. Палочка его остановилась на трехъ карпахъ. Угадчикъ , указавши на сіи каршы , сказалъ : „ одинъ изъ нихъ подо-

подозришеленъ , другой имѣлъ въ воровствѣ участіе , а третій самой воръ . Но въ какое пришелъ онъ замѣшательство , когда показали ему , что на первой картѣ подписано было : Гераклипъ , на другой : Маркъ Антонинъ , а на третій : Александръ великой , и когда располковали ему , кто были сіи люди .

Подобное сему приключеніе произошло съ одною женщиною , которая славилась тѣмъ , что можетъ на кофе угадывать все , что надобно .

Въ одномъ домѣ пропала изъ коммоды немалая сумма денегъ . Не можно было никого подозрѣвать въ этой пропажѣ , для того , что никто изъ домашнихъ не зналъ о сихъ деньгахъ , кромѣ десятилѣтняго мальчика , которой видѣлъ , какъ отецъ его принималъ деньги и клалъ въ коммоду .

Хозяйка эшева дома призвала къ себѣ славную угадчицу и рассказала ей всѣ обстоятельство пропажи , а между прочимъ и то , что десятилѣтній ея сынъ былъ при томъ , какъ деньги принесены были . Угадчица обѣщала прійти чрезъ двѣнадцать часовъ съ вѣрнымъ извѣстіемъ , кто укралъ деньги и у кого онъ въ рукахъ .

Въ назначенное время пришла она съ печальнымъ видомъ и сказала хозяйкѣ: „сударыня! я узнала, кто укралъ ваши деньги, но боюсь вамъ о томъ сказать.“

„А для чего?“, спросила хозяйка.

„Ахъ, сударыня! это открытіе дороже вамъ шѣхъ денегъ, которыя у васъ пропали. Кто ихъ укралъ, тотъ — нѣтъ, я опасаюсь —“

„Нужды нѣтъ, кто бы то ни былъ. Пожалуй, скажи чистосердечно.“

„Что? естли вашъ сынъ. —“

„Какъ? мой сынъ! — не уже ли онъ укралъ деньги?“

„Точно такъ, естли мое искусство меня не обмануло; либо у васъ въ домѣ есть еще другой мальчикъ, лѣтъ десяти или одинадцати. — Однако вы не безпокойтесь. Скажите только ему, что вы узнали вора; онъ испугается и спрячетъ деньги подъ кровлею, гдѣ вы можете ихъ послѣ завтра найти.“

Давши сей совѣтъ, угадчица ушла и оставила бѣдную мать въ спрашномъ безпокойствѣ, какое могутъ чувствовать только родители, когда они узнаютъ о худыхъ поступкахъ своихъ дѣтей.

Черезъ часъ послѣ того вошелъ къ ней въ комнату мужъ ея.

„Теперь я знаю, гдѣ наши деньги,“ сказалъ онѣ.

Она залилась слезами и съ печали не могла выговорить ни одного слова.

„О чемъ же ты плачешь?“ говорилъ мужъ: „деньги не пропали. Я заплашилъ ими одному купцу долѣ по щету, и позабывши думалъ, что онѣ украдены; а теперь вспрѣпился съ нимъ на улицѣ и вспомнилъ объ этомъ. Онѣ припомнилъ мнѣ, что я вынулъ ихъ шочно изъ яшова коммода.“

Какъ обрадовалась бѣдная мать, услышавъ сіе! — Она рассказала своему мужу, какую ложь выдумала угадчица, и призналась тогда сама, что всѣ такіе угадчики только обманываютъ легковѣрныхъ людей, въ чемъ прежде никому вѣришь не хотѣла.

XXVIII.

Надежной способъ избѣгать ссоры.

Въ одной деревнѣ жила женщина, которая весьма несчастлива была своимъ замужствомъ, по тому, что мужъ часто бивалъ ее очень больно. Нѣкогда пришла она

она

она къ спарушкѣ, своей сосѣдкѣ, которую многіе почиали за ворожею, для того, что ей удавалось почти все, что она ни замышляла. Въ самомъ же дѣлѣ спарушка сія была только умная женщина, спаралась вывѣдывать нравъ шѣхъ людей, съ которыми имѣла дѣло, и такимъ образомъ умѣла склонять ихъ на все то, чего ей хотѣлось.

Спарушка, знаяши нравъ своей сосѣдки и ея мужа, сказала ей, что она своимъ искусствомъ избавитъ ее впредь отъ побой. — Она принесла большой кувшинъ съ водою, поставила его на столъ, обошла при раза около стола, и проговоривши нѣсколько невразумительныхъ словъ, бросила въ кувшинъ щепотку соли и налила изъ него воды въ бутылку. Сію бутылку отдала она своей сосѣдкѣ, сказавши ей при томъ: „береги эту воду, и когда мужъ твой придетъ домой сердитъ, то возьми ее въ ротъ. Я обещаю тебѣ, что мужъ не станетъ тебя бить, пока ты будешь держать воду во рту.“

Женщина благодарила спарушку и исполняла ея совѣтъ. Она ни мало не сомнѣвалась что спарушка ворожея, по тому, что цѣлую недѣлю, пока вода у

нес

нее была мужь, ни однажды ее не билъ. Какъ скоро вода изошла, то она опять пришла къ старушкѣ и просила у нее еще буюылку этой воды. — „Тебѣ нѣтъ уже въ ней нужды, отвѣчала мнимая ворожея: „я дала тебѣ проспой рѣчной воды, а слова, которыя проговорила я надъ нею, ничего не значили. Ты не могла ничего говоришь, когда держала воду во рпу, и для того-то мужь свой тебя и не билъ. Пойди теперь домой, и когда увидишь, что мужь придетъ пьянъ или невеселъ, то не спорь съ нимъ и не бранись, такъ, какъ бы ты воду во рпу держала. Я увѣряю тебя, что онъ скоро перестанетъ сердиться, есшьли ты будешь исполнять мой совѣтъ.

Сосѣдка послушалась ея, и вскорѣ примѣтила, что старушка говорила ей правду. Она не спорила со своимъ мужемъ и не подавала ему причины сердиться; а по шому онъ пересталъ бить ее и жилъ съ нею очень согласно.

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Снце убо молитесь вы: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя твое: Машѣ. гл. б. сп. 9.

XXIX.

Разговоръ одной матери съ ея дочерью.

Дочь. Знаете ли вы, мапушка, что у моей кормилицы сынъ умеръ?

Мать. Знаю.

Дочь. Конечно, для этого она сегодня къ вамъ приходила?

Мать. Такъ. — А знаешь ли ты отъ чего онъ умеръ?

Дочь. Нѣтъ, мапушка.

Мать. Онъ умеръ отъ того, что поупрямился признашья маперъ въ своемъ проступкѣ.

Дочь. Какъ же это, мапушка?

Мать. Недѣль пять или шесть по-
му назадъ, какъ бѣдная мать пошедши
со двора, заперла его въ своей комнашѣ.
Она запретила ему взлезать на спулья.
Но лишь только она вышла, то онъ под-
моспился на спульяхъ къ большому шка-
фу, въ кошоромъ лежали конфекты. До-
ставши конфектовъ, кошѣлъ было онъ
слезть; но спулья обвалились, онъ упалъ
и ушибъ голову очень больно. Однако жь
не сказалъ онъ объ эшомъ никому, для
того, чшобъ его не побранили. Спустя
нѣскольکو времени, почувспвовалъ онъ
великую боль въ головѣ и занемогъ лихо-
радкою. Часпо спрашивали у него, не
упалъ ли онъ когда нибудь? Но онъ не
предвидя дурныхъ слѣдспвій своего про-
спупка, увѣрялъ, чшо онъ никогда не
падалъ. Наконецъ дни за два до смерти,
признался онъ во всемъ, но уже поздно.

Дочь. А ежели бы онъ пошчасъ объ
эшомъ сказалъ?

Мать. Тогда можно бы было его
спасши. — Видишь ли шы, чшо проспуп-
ковъ всегда бываешъ проспупкомъ, хошя
бы никшо о немъ и не зналъ. и хошя
никому о немъ не скажешъ, однако онъ
непремѣнно будешъ имѣть свое дѣйспвіе,
кошорого слѣдспвій рабенокъ предвидѣшь
не

не можешъ, а онъ часпо бывающъ очень печальны?

Дочь. Да, мапушка, я эшо вижу.

Мать. И для шого-шо должна шы сказывашъ мнѣ обо всемъ, чшо шы дѣлаешь, чшобы я могла судить о слѣдствіяхъ швоихъ поступокъ и шибѣ ихъ показывашъ.

Дочь. Я вамъ, мапушка, все буду сказывашъ. Но для чего же мать его печалишя, когда онъ былъ пакъ дуренъ?

Мать. Машери всегда надѣющя, чшо дѣши ихъ исправшя, какъ по ихъ совѣшамъ, пакъ и сами опышомъ узнавшя, чшо онъ прежде дурно дѣлали.

Дочь. Пожалуйше, скажише мнѣ, мапушка, чшо пакое узнашъ *опышомъ*?

Мать. Узнашъ чшо нибудь, вспомнивъ шо, чшо сѣ нами самими случилосъ. Напримѣрѣ, шы опышомъ узнала чшо нещасливѣ шощъ, кшо не жертвуешъ своєю волею должностямъ своимъ.

Дочь. Вотъ еще слово, котораго я не понимаю. Чшо пакое *жертвовать*?

Мать. Мы жертвуемъ себѣ и другимъ людямъ. Себѣ жертвуемъ мы шогда, шогда ошказываемся ошъ чего нибудь при-

яшнаго , для того , чтобы впредь получишь какую нибудь пользу.

Дочь. Какъ же это мапушка ?

Мать. Когда я скажу тебѣ : переспань играшь и сядь за дѣло , а ты инотчасъ и безъ отговорокъ послушаешься ; то пожерствуешь ты своимъ удовольствіемъ должности , для того , чтобы впредь получишь пользу.

Дочь. А ! теперь я это понимаю.

Мать. Это называется жертвовать своимъ удовольствіемъ должности своей. Другимъ людямъ жертвуемъ мы тогда , когда отъказываемся отъ собственнаго своего удовольствія или отъ своей пользы , для того , чтобы имъ пользу доставить. Это называется благодареніемъ. Иногда соглашаемся мы на собственную свою убытокъ и добровольно переносимъ неудовольствія , чтобы другимъ сдѣлать добро ; и это называется щедростію , или великодушіемъ , смотря по важности того , чѣмъ мы жертвуемъ.

Дочь. Мапушка , позвольте мнѣ спросить васъ еще объ одномъ ?

Мать. Хорошо.

Дочь. За чѣмъ впустили вы кормилицу къ себѣ въ кабинетъ ?

Мать.

Мать. Чшожь ты вѣ этомѣ спра-
наго находишь?

Дочь. Вы и посадили ее.

Мать. И это ни мало не удивительно.

Дочь. Вы взяли ее за руку. Она
начала плакать, и у васѣ слезы на гла-
захѣ показались. Вы называли ее дру-
гомѣ.

Мать. Чшожь ты изѣ всего этого
закрываешь? О чемѣ ты спросишь хо-
чешь?

Дочь. Не правда ли, что она была
очень огорчена, и вы хотѣли ее ушѣ-
шить?

Мать. Правда.

Дочь. Но вы мнѣ сказывали, что
со служанками много говорить не надобно.

Мать. Точно такѣ; не надобно съ
ними говорить безѣ нужды; однако ушѣ-
шая огорченныхѣ людей, а особливо
тѣхѣ, копорые намѣ подвластны, —
это необходимая должность.

Дочь. А по чему это, мапушка?

Мать. Они исполняютѣ наши прика-
занія, служатѣ намѣ и всякой день ока-
зываютѣ намѣ опыты своей ревности
и привязанности; а по-шому справедли-
вость и пребуетѣ, чшобы мы спарались
о ихѣ благополучи, сколько отѣ насѣ
зависитѣ.

Дочь. Это правда, мапушка. Но какъ же надобно намъ спараться о ихъ благополучіи?

Мать. Не претовашь отъ нихъ невозможнаго, плашашь имъ исправно, имѣшъ о нихъ попеченіе, когда они занемобушъ, и ушѣшашъ ихъ въ огорченіи, не допускашъ ихъ пренебрегашъ свою должность, и спарашься, чшобъ они не пошеряли къ хамъ почшенія; однимъ словомъ, обходѣшъся съ ними шакъ, какъ справедливому и доброму ошцу съ дѣшъми обходишъся должно.

Дочь. Развѣ вы ошецъ всему дому?

Мать. Твой ошецъ и я главные въ домѣ. Я швоя машъ, и шакже могу назвашься машерью всѣхъ пѣхъ, кошорые должны меня слушашъся.

Дочь. Для шого-шо всѣ васъ и слушающъся?

Мать. Такъ. Всякой домъ не иное что, какъ семейштво; а всякое семейштво имѣшъ шакого человекъ, кошорой имъ управлешъ. Отъ эшова человекъ все въ домѣ зависишъ; онъ печешъся о пользѣ каждаго изъ своихъ домашнихъ, и всѣ они ему подвласшны.

Дочь. А я, мапушка, чшо шакое?

Мать. Ты члѣнъ нашего семейштва.

Дочь.

Дочь. Какъ? я члѣнъ? — Пожа-
луйше располкуйте мнѣ эшо; я не раз-
умѣю.

Мать. Эшо шакъ говоришся. Се-
мейство можно сравнить съ цѣлымъ шѣ-
ломъ, и по тому старшаго въ немъ,
или шого, кто управляетъ домоу, мо-
жно называть головою, а прочихъ домаш-
нихъ члѣнами.

Дочь. По эшому всѣхъ домашнихъ
можно мнѣ почищать брашьями и се-
спрами?

Мать. Всѣхъ людей должно почи-
щать брашьями и сеспрами; и для шого-
то всякой человекъ заслуживаетъ наше
доброжелательство.

Дочь. Машушка, что значитъ
доброжелательство?

Мать. Самое слово должно быть
тебѣ понятно. Желать добра — —

Дочь. А! теперь я понимаю; вы
сказали, что всѣмъ людямъ добра же-
лать должно.

XXX.

Три сестры.

Нѣкоторой доброй опецѣ имѣлъ прехѣ дочерей, которыя всѣ были весьма различныхъ нравовъ. Юлія, Евергеша и Луиза (такѣ назывались сіи три сестры) были уже велики, и по тому опецѣ давалъ имѣ довольно денегъ на плашу служанкамъ, на подаяніе бѣднымъ, и на покупку себѣ уборовъ, дабы узнать, какѣ онѣ будутъ управляшь своимъ имѣніемъ.

Юлія чрезѣ каждые три мѣсяца плашила исправно своей служанкѣ, покупала все на наличныя деньги, и причинивши кому нибудѣ убышокъ, шопчасѣ спаралась заплашишь. Однажды прѣѣхала она съ обѣими своими сестрами въ галантерейную лавку, и шамѣ уронила ненарочно чернильницу и залила чернилами нѣсколько аршинѣ кружева, — „Я должна вамѣ за эшо заплашишь, сказала она купцу, и шопчасѣ опдала ему деньги. Луиза взявши нѣсколько поваровъ, сказала купцу, что деньги заплашишь послѣ. Евергеша ничего не купила.

Возвратившись домой, сестры спрашивали у Евергешы, для чего не купила
она

она шѣхъ уборовѣ, копорыя давно уже хопѣла имѣшь. — „Я могу и безѣ нихѣ обойшисъ, опшѣчала она. — „Ты очень скупа!“, вскричала Луиза. — „Нѣшѣ, я не имѣю эшова нещасшя“, сказала Евергеша: „но у меня денегѣ не доспало. Послушайше, я разскажу вамѣ, на что я ихѣ издержала. Сегодня поупру увидѣла я, что у моей дѣвки глаза заплаканы. Я спросила у нее, о чемѣ она плакала? „Ахѣ, сударыня!“, опшѣчала она мнѣ: „машь моя очень больна, „не можешѣ ничего работашь и не имѣ- „ешѣ никакова пропитаня. Вотѣ что „меня огорчаешѣ. „ — Я опдала ей шѣ деньги, копорыя назначила - было на по- купку, и сказала ей: „опнеси эшѣ деньги „кѣ своей маперѣ, и ешѣли ты можешѣ „помогашѣ ей своею работою, шо по- „жалуй дѣлай эшо; я посшараюсь давашь „шебѣ больше времени и сама буду за „шебя дѣлашь, что шолько можно. „ — Юлія! я видѣла у шебя много денегѣ, когда ты плашила за кружево. Пожалуй, помоги эшой бѣдной женщишѣ. Я сама у нее была и видѣла, вѣ какой она бѣд- носшя.

„Я очень обѣ ней сожалѣю, опшѣ- чала Юлія: „но помогашѣ ей я не обя- зана.

зана. Она не оказала мнѣ никакой услуги. — „А я эшо сдѣлаю!“, вскричала Луиза: „Ахъ! какъ дурно имѣшь такое сердце, чшобѣ не хотѣшь помогать бѣднымъ! Возмѣ при червонца; возми ихъ, любезная Евергета, и опшошли къ бѣдной женщинѣ. — „Но не слишкомъ ли много ты опшдаешь?“, спросила Евергета, обнявши ее. — „Ахъ нѣшъ!“, опшвѣчала Луиза: „пожалуй возми; я знаю, чшо дѣлаю.“

На шрепшй день послѣ шого Луизина дѣвка пришла къ опшцу ея жаловаться, чшо барышня ея давно уже не плашишѣ ей денегѣ и всегда опшзывается шѣмъ, чшо у нее нѣшъ денегѣ. Она просила, чшобѣ онѣ ее опшпустилъ изѣ своего дому. Чрезѣ нѣсколько минутѣ пришли къ нему двое купцовѣ. — „Большія ваши дочери, говорилѣ одинѣ, плашишѣ мнѣ исправно, а меньшая ничего не плашишѣ. Я опшпускалъ ей перья; но денегѣ за нихъ еще не получилѣ.“ — Другой купецѣ пришелѣ сѣ такою жѣ жалобою. „Дочь ваша, говорилѣ онѣ, брала у меня разныя машерш на плашье; но еще ни копейки за нихъ не заплашила.“

Опшецѣ опшпустилъ купцовѣ, удовольствовавши ихъ обоихъ. По шомѣ приказалѣ

залъ онъ позвать къ себѣ въ кабинетъ всѣхъ своихъ дочерей. — „ Скажи мнѣ, говорилъ онъ Юліи, на что упошребила ты свои деньги? „

„ Извольше прочитайшь эту записку, ошвѣчала Юлія: „ я записывала въ ней всѣ мои расходы. „

„ Очень хорошо, сказалъ отецъ, прочитавши записку: „ я вижу, что ты исправно плашила всѣ свои долги. Но для чего не записывала ты подаяній, кошорья дѣлала бѣднымъ? „

„ Я не дѣлала почти никакихъ подаяній, ошвѣчала Юлія съ нѣкошорымъ смущеніемъ: „ у меня ошталась еще деньги. — „

„ Башюшка! „, сказала Луиза: „ мною будеше вы большъ довольны; я раздала бѣднымъ всѣ свои деньги, сколько ихъ у меня ни было. „

„ Какъ же расплашилась ты съ своими долгами? „

„ Ахъ, башюшка! я думала, что въ другой годъ ихъ заплачу. „

„ А ты, Евергеша, какъ посшупила со своими деньгами? „

„ Половину упошребила я на плашу моей служанкѣ и на покупку нужныхъ вещей

вещей, опвѣчала Евергеша: „а другую половину раздала бѣднымъ.„

„Евергеша одна, сказалъ опецъ, упопрѣбила свои деньги такъ, какъ я желалъ. Ты, Юлія, исполнила первую изъ своихъ должностей, то есть опдавала всякому надлежащее. Но не довольно того, чшобъ бышь справедливою; надобно еще по возможности дѣлать добро и другимъ людямъ. Луиза позабыла то, что должно бышь справедливою прежде, нежели щедрою, и что добро дѣлать надобно безъ обиды другимъ. Ты раздала свои деньги незнакомымъ людямъ и въ то же самое время обидѣла свою дѣвку, кошорая не хочеть уже тебѣ служить. Я заплашилъ свои долги; но въ наказаніе за твою безразсудность, при мѣсяца не будешь ты получаешь опъ меня денегъ, и лишишься удовольствія дѣлать подаянія бѣднымъ. Что касается до тебя, Юлія, то деньги, кошорыя у тебя оспались, тебѣ уже не нужны; ты не находишь удовольствія въ подаяніяхъ. Опдай ихъ Евергешѣ; она заслуживаетъ бышь богашѣ васъ обѣихъ, по шому, что она и справедлива и добро дѣлать любишь.„

XXXI.

Примѣръ братской дружбы.

Дорваль, сынъ одного богатаго купца въ Лондонѣ, вдавался въ молодости во всякія распушсва. Онъ раздражилъ своего ошца, презрѣвши благоразумные его совѣшпы и увѣщанія. Сей спарикъ при смерти своей сдѣлалъ духовную и опказалъ въ ней все свое наслѣдство спаршему сыну.

Дорваль, услышавъ о смерти своего ошца, одумался и началъ раскаяваться въ дурной жизни, какую онъ прежде велъ. Узнавши шакже, что онъ лишенъ наслѣдства, снесъ онъ великодушно сіе неприяшное извѣстіе, и вмѣсто того, чшобъ ропшашъ и жадовашъ на покойнаго своего ошца, какъ-то дѣлающъ дурныя дѣшпы, сказалъ: „Я заслужилъ эшо.“

Женневалъ, спаршій братъ его, услышавъ о шакомъ похвальномъ поступкѣ, весьма обрадовался шаспливой перемѣнѣ своего брата. Онъ пошелъ къ нему и обнявши его, сказалъ: „Любезной братъ! бапюшка нашъ опказалъ мнѣ въ своей духовной все имѣніе. Однако онъ лишилъ наслѣдства распушнаго сына,

сына, а не шакова, каковъ ты нынѣ. И такъ я отдаю свою часть, которая тебѣ по справедливости принадлежитъ. „

XXXII.

Рѣзвой мальчикъ. Сказка.

Одинъ рѣзвой мальчикъ, бѣгая по яугу взадъ и впередъ, увидѣлъ муравейникъ и захопѣлъ его разрыть. Онъ пошчасъ исполнилъ свое намѣреніе, легъ на землю и смотрѣлъ на разныя движенія муравьиной республики.

Между шѣмъ, какъ онъ забавлялся, смотря на множество сихъ несѣкомыхъ, онъ кусаньемъ своимъ дали ему почувствовать, что онъ навлекъ на себя ихъ мщеніе. Онъ вскочилъ, началъ бросаться во всѣ стороны, скинулъ съ себя плашье и прибѣжалъ безъ памяти домой.

Муравьи такъ его искусали, что онъ нѣсколько дней чувствовалъ отъ того боль. Узнавши, какъ и малые несѣкомые жестоко опомощають могутъ, заклиая онъ быль впредь помирнѣе и не дѣлалъ обиды никакимъ живопнымъ.

Но современемъ все позабывается, и рѣзвой нашъ мальчикъ также позабылъ современемъ о своемъ приключеніи, Нѣ-
когда

когда прохаживался онъ по саду, въ кошоромъ было много ульевъ со пчелами. Любопытство и лакомство заславили его, подошли къ одному улью, чшобы достать себѣ меду. Онъ открылъ улей; пчелы вылетѣли опшуда кучею, облѣпили ему лицо, руки и ноги, и жалили его съ ужаснымъ шумомъ. Онъ хотѣлъ убѣжать и къ большему несчастію уронилъ другой улей. На крикъ его, кошорой происходилъ опъ страха и боли, сбѣжались люди; однако ни кто немогъ ему помочь.

Прибѣжавши домой, онъ долженъ былъ еще долго шерпѣть боль, пока ходили за лѣкаремъ. Наконецъ лѣкаръ пришелъ и далъ ему лѣкарство. Однако боль не вдругъ перестала. Бѣдной мальчикъ около мѣсяца чувствовалъ слѣдствія своего любопытства и лакомства, и довольно имѣлъ времени, вспомнить о своей клятвѣ, чшобъ никакому живопному не дѣлать обиды.

Пусть маленькіе наши чшашпели выведутъ изъ этой сказки шакое слѣдствіе, какое имъ покажется.

XXXIII.

Воронъ и лисица. Васня.

Воронъ несъ вѣ когпяхъ кусокъ напоеннаго ядомъ мяса, копорымъ сердшой садовникъ хошѣлъ оправипъ лакомыхъ кошекъ своего сосѣда. Сѣвши на старой дубѣ, хошѣлъ онъ вѣспъ свою добычу, какъ пришла къ нему лисица и вспушила съ нимъ вѣ разговоръ.

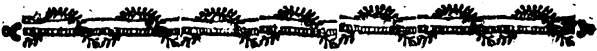
„Здравшвуй, царь пшицѣ!“, сказала она ворону.

„Царь пшицѣ! — Ты конечно меня не узнала. За кого ты меня почипашь?“,

„Какъ шебя не узнашь?“, продолжала лукавая лисица: „ты великодушной орелѣ, копорой всегда печешся о помѣ, чшобы намѣ, бѣднымъ живошнымъ, давашь пропишаніе. Для чего ты пришворяешся? Развѣ не вижу я вѣ побѣдоносныхъ когпяхъ швоихъ мяса, коимъ ты меня подарипъ намѣренѣ?“,

Воронъ удивлялся и внутренно радовался, что его за орла почипашѣ. — „На что мнѣ выводипъ лисицу изѣ эпова заблужденія?“, подумалъ онъ; бросилъ свою добычу и полешѣлъ съ гордоспю.

Лисица подхвашила мясо и сѣбла его, радуясь, чшо ей удалось обманушь ворона. Но радость ея не долго продолжалась; ядѣ подѣйшвевалѣ и она околѣла.

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

*Да придетъ царствіе твое: да будетъ
воля твоя, яко на небесахъ и на земли:*
Матѣ. гл. 6. ст. 10.

XXXIV.

*Другой разговоръ между матерью
и дочерью.*

Мать. Ты очень невесела; что съ то-
бою сдѣлалось? Развѣ ты не
рада тому, что меня опять видишь?

Дочь. Ахъ! нѣшъ, мапушка; но я
недостойна того, чтобы вы сегодня со
мною разговаривали.

Мать. По чему это?

Дочь. По тому, что я во все это
время, какъ васъ не было дома — не
позвольте мнѣ ничего вамъ не сказывать.
Я такъ стыжусь моего проступка, что
не смѣю въ немъ признаваться.

Мать. Ты чувствуешь свой про­ступокъ и раскаиваешься въ немъ; а по по­му я надѣюсь, что ты исправишься и впредь никогда эшова дѣлашь не будешь,

Дочь. Я васъ въ этомъ увѣряю, ма­пушка; я просила свою надзирапельницу, чшобъ она напоминала мнѣ, когда я по­забудусь и опять сдѣлаю такой про­ступокъ.

Мать. Ты хорошо сдѣлала; эшо луч­шій способъ исправишься. Кто не хочшъ помнишь худыхъ своихъ дѣлъ, шотъ по­казываетъ, что онъ дурной человекъ. Добрые люди, сдѣлавши какой, нибудь про­ступокъ, всегда спараются напоми­нать себѣ о немъ, для шого, чшобъ не сдѣлашь его въ другой разъ. Но скажи же мнѣ, какой ты сдѣлала про­ступокъ. Ты знаешь, что ты ни въ чемъ не дол­жна отъ меня скривашься, и сколь не пристойно тебѣ рассказывать о своихъ погрѣшностяхъ другимъ людямъ, споль­ко же нужно мнѣ въ нихъ признаваться.

Дочь. Я должна васъ послушашься, мапушка, и сказать вамъ, что я ничего не сдѣлала изъ шого, что вы мнѣ сдѣ­лать приказали. Безъ васъ я совѣмъ не училась и во все эшо время шолько рѣз­вилась и играла.

Мать

Мать. Развѣ надзирашельница швоя не заспавляла шебя учишься?

Дочь. Она часпо мнѣ выговаривала и спаралась посадишь меня за рабошу, однако я ея не слушала; и эшо-шо мнѣ шеперь всего досаднѣе.

Мать. По крайней мѣрѣ надѣюсь я, что ты не ошвѣчала на ея выговоры грубостями.

Дочь. Ахѣ! нѣшѣ, машушка; смѣю ли я ошвѣчать ей грубо? Вы сами приказали ей дѣлать мнѣ выговоры.

Мать. Изрядно. Но что жь ты шеперь сдѣлаешь? Ты знаешь, что не дозволено того, чтобы шолько раскаяшься въ своемѣ просшупкѣ; надобно его и загладишь.

Дочь. Эшо правда, машушка; но что жь мнѣ дѣлать? Накажише меня, какѣ вамѣ угодно.

Мать. Наказаніемѣ не лѣзя возврашійшь пошеряннаго времени. Ты упошребила на игру шо время, кошорое для ученья назначено; и шакѣ не шребуешѣ ли справедливостѣ, чтобы ты сегодня упошребила на ученье шо время, въ кошорое ты обыкновенно играешь.

Дочь. Да, машушка; эшо очень справедливо.

Мать. И такъ я заспаваю тебя чи-
шашь. — Чишай при мнѣ вслухъ, и ешьли
не поймешь какова нибудь слова, то
спросись у меня; я тебѣ его располкую.

Дочь. Я прикажу принести мою
книгу.

Мать. Нѣшѣ, эшо не надобно. Воз-
ми кошорую нибудь книгу изѣ моего
шкафа.

Дочь. Не эшу ли, машушка?

Мать. Какая она?

Дочь. Нравоучительныя сказки.

Мать. Очень хорошо; чишай ее.

Дочь. Кошорую сказку прикажете
чишашь?

Мать. Первую.

Дочь. Ахъ! — машушка —

Мать. Чшо?

Дочь. Прикажете лучше чишашь дру-
гую сказку.

Мать. А для чего не эшу?

Дочь. Эшо сказка о дурной дочерѣ.

Мать. Тѣмѣ лучше; посмошримѣ,
нѣшѣ ли вѣ ней чего нибудь шакова, чшо
и о тебѣ сказашь можно.

Дочь. Прикажете ли чишашь вслухъ?

Мать. Да, чишай вслухъ, и при-
шомѣ спарайся слова хорошо выговари-
вашь.

Дочь

Дочь. (читаетъ.) „Въ нѣкошоромѣ бо-
 гапомѣ и многолюдномѣ городѣ во Фран-
 ціи жилъ одинъ знашной человекъ въ
 весьма хорошихъ обшояшельсвахъ. Онъ
 имѣлъ дочь лѣтъ седми, которую
 какъ онъ, такъ и супруга его,
 любили весьма нѣжно. Сіи добрые роди-
 тели употребляли все возможное спара-
 ніе о ея воспитаніи; но какъ она не
 ошвѣшствовала ихъ спаранію, шо они
 вознамѣрились переселиться изъ города въ
 свою деревню, дабы тамъ ничшо не мог-
 ло препяшствовашъ ихъ попеченію, како-
 ва споль шрудное воспитаніе шребовало.
 Пріятели ихъ охудали ихъ намѣреніе,
 не знавши подлинной причины, которая
 побуждала ихъ удалиться изъ города; но
 они не хотѣли никому ошкрыть оную,
 дабы не подашь худаго мнѣнія о своей
 дочерѣ и не разславиль дурныхъ ея свой-
 ствъ. Всякой судиль объ ошвѣздѣ ихъ
 такъ, какъ хотѣлъ. Иной говорилъ:
 „Видно, чшо дѣла ихъ пришли въ раз-
 „спройку; да иначе и бышь не могло:
 „они жили слишкомъ роскошно, держали
 „ошкрышой споль и ссужали деньгами
 „всякова, кшо бы ни попросиль. Хоро-
 „шо бышь щедрымъ, однако надобно при-
 „шомъ и оспорожносшь имѣнь, чшобъ
 Б 6 3 „не

„ не промолчась. „ — „ Нѣшѣ, этому
 „ не лзя бышь, опвѣчалѣ другой:
 „ дѣла ихѣ вѣ порядкѣ. Я думаю, что
 „ ревнивосшь выгнала Графа Орвиля изѣ
 „ города. „ — Ревнивосшь? ахѣ! нѣшѣ,
 „ онѣ никогда не бывалѣ ревнивымѣ — „
 Машушка! что значитѣ бышь ревнивымѣ?

Мать. Боящяся, чтооѣ другихѣ лю-
 дей намѣ не предпочипали.

Дочь. Хорошо ли бышь ревнивымѣ?

Мать. Нѣшѣ; эшо очень дурно.

Дочь. О! такѣ я никогда не хочу
 бышь ревнивымѣ.

Мать. Надобно говоришь: я не хо-
 чу бышь ревнивою.

Дочь. Какѣ же вѣ книгѣ поставлено
 ревнивымѣ?

Мать. Тупѣ говоришя о муцинѣ,
 — Читай далѣ.

Дочь. (продолжаетѣ читать,) „ Эшо
 „ правда, говорилѣ прешій; „ однако на-
 „ добно бышь важнымѣ причинамѣ, копо-
 „ рья побудили бы ихѣ кѣ такому намѣ-
 „ ренію. Они сами сказали, что вѣ дерев-
 „ нѣ не будущѣ приниматѣ никого, кро-
 „ мѣ своихѣ родспвенниковѣ; и эшо так-
 „ же не безѣ причины. „ — „ Государи
 „ мои! „ сказалѣ чешверпой, копорой
 былѣ поумнѣе прочихѣ: „ не напрасно ли

„ мы

„ мы` обѣ эшомѣ судимѣ? На что намѣ
 „ мѣшались въ чужія дѣла? Можешѣ бышѣ
 „ Графѣ и Графиня Орвиль удалились изѣ
 „ города для того только , чтобы ра-
 „ чисельнѣе спарались о воспитаніи сво-
 „ ей дочери. Что вы на это скажете? „
 — „ Вотѣ еще какія мысли! „ отвѣчалѣ
 другой : „ естѣли бы въ самомѣ дѣлѣ не
 „ иная причина побудила ихѣ уѣхать въ
 „ деревню , то они не имѣли бы нужды
 „ ее скрывать. Но это не возможно.
 „ Смѣшно было бы отказатьшѣ отѣ всѣхѣ
 „ пріятностей здѣшней жизни для
 „ седмилѣтней дочери. Они могли бы и
 „ здѣсь кормить ее , одѣвать , нанять
 „ для нее учители , сѣчь ее , когда на-
 „ добно , и давать ей куколѣ. Вотѣ все,
 „ чѣмѣ отецѣ и мать дѣшамѣ своимѣ
 „ обязаны ; а что они сверхѣ эшова
 „ дѣлаютѣ , то дѣлаютѣ уже изѣ мило-
 „ сти. Кѣ тому жѣ я слышалѣ отѣ слу-
 „ ги ихѣ дому , что маленькая ихѣ дочь
 „ очень упряма и не споишѣ по-
 „ го , чтобы они сколько обѣ ней за-
 „ божились. „ — Конечно эшотѣ слуга
 былѣ очень болшавѣ.

Мать. Они почти всѣ шаковы.

Дочь. Естѣли бы я была на мѣстѣ
 Графа Орвиля , я научила бы его молчать.

Мать. Какъ бы ты это сдѣлала, и какое право имѣла бы ты запрещать людямъ говорить, что они копяшъ?

Дочь. Однако не должно говорить о другихъ худо.

Мать. Это правда; но не всякому можно запрешить говорить. Не лучше ли вести себя хорошо, для того, чтобы люди ничего, кромѣ добраго, говорить о насъ не могли? Кто худо себя ведетъ, тотъ непременно подвергается ругательству.

Дочь. И такъ, маюшка, если я сдѣлаю какойнибудь проступокъ, то всѣ ваши домашніе будутъ объ этомъ болтать и чужимъ людямъ пересказывать?

Мать. А если ты всегда хорошо поступаешь спанешь, то не будешь имѣть причины опасаться ихъ болшанья. Надобно всегда вести себя какъ можно лучше, для того, чтобы не заботиться о томъ, что люди о тебѣ говорятъ.

Дочь. Я спану продолжаю; маюшка. (*читаетъ*). „Графъ и Графиня Орвиль знали, что въ городѣ о нихъ говорятъ; однако предпочитая пользу своей дочери всему, они твердо вознамѣрились не возвращаться въ городъ прежде, нежели она исправится и въ состояніи будетъ показаться съ хорошей стороны. Для большаго

шаго ея прощренія приняли они къ себѣ маленькую свою племянницу, которая была одного возраста съ ихъ дочерью и называлась Павлиною. „

„ Дѣвица Орвиль была лѣнива, своевольна, упряма, не любила своихъ родителей, и всякой день ничѣмъ инымъ не занималась, какъ только шѣмъ, чшобѣ играшь и рѣзвиться. Когда хощѣли заставишь ее учиться, или говоришь съ нею о должностяхъ ея, то начинала она плакать и кричать. Не проходилъ почти ни одинъ день безъ того, чшобѣ ее два или три раза не наказывали за какіе нибудь просупки.

Напрошивъ того Павлина была прилѣжна, послушна, учлива и всякой доброй совѣщѣ принимала съ благодарностію. Она училась всему съ изряднымъ успѣхомъ. Всѣ ее любили и ласкали: а маленькую Орвиль никто перпѣшь не могъ. Она завидовала Павлинѣ, однако не хощѣла исправиться и опспать опѣ своего упрямства, для того, чшобѣ и ее также любили; но приписывала по несправедливости другихъ людей, что происходило опѣ дурныхъ ея поступокъ. Ощѣ и мать ея часшо говорили ей: „ Дочь моя!

„ ты сдѣлаешь себя на всю жизнь нещачною.

„ спною. Другіе родители, которые не
„ сполько шерпѣливы, какъ мы, давно бы
„ уже себя кинули. Посмотри на швою
„ сестру, какъ она щасплива, для шого,
„ что она умна и слушается нашихъ со-
„ вѣтовъ. Опъ себя самой зависишь бышь
„ такъ же щаспливою, какъ и она, —
Дѣвица Орвиль скучала, слушая шакіе
выговоры, и возвращалась къ своимъ
игрушкамъ, не думая о томъ, чтобъ
исправиться. Плеть лѣтъ жила она шакимъ
образомъ. Не занимаясь ничѣмъ,
кромѣ игрушекъ, она почти безпрестанно
прешерпѣвала скуку. Родители ея, видя,
что она не исправляется, поступали съ
нею весьма строго и наказывали ее за
всякой прошупокъ. Напрошивъ шого се-
стра ея жила совсѣмъ иначе. Она чища-
ла и училась прилѣжно и начинала уже
чувшшовать пользу своей прилѣжности;
Будучи съ людьми, разумѣла она всѣ раз-
говоры, которые она слышала, и сама
могла разговаривать о разныхъ матеріяхъ.
Будучи одна, шакже не шерпѣла она ску-
ки: музыка, рисованье и чтеніе хоро-
шихъ книгъ служили ей пріятнымъ упраж-
неніемъ и забавою. Такимъ образомъ
была она всегда довольна и весела. „

„ ВЪ одинъ день посѣщали господина Орвиля нѣкоторые его родственники. Послѣ обѣда иные изъ гостей пошли въ садъ, другіе жъ сѣли играть въ каршы. Маленькой Орвиль надобно было пройти чрезъ одну залу, въ которой двѣ госпожи и одинъ мущина играли въ каршы. Но она услышавъ, что упоминающъ ея имя, спрялась за дверьми, дабы подслушать, что о ней говорятъ. — „Какая
 „ разность, говорила одна изъ госпожъ,
 „ между Павлиною и маленькою Орвиль. Па-
 „ влина учлива, чувствительна, услуж-
 „ лива, прилѣжна, однимъ словомъ она
 „ имѣетъ почти всѣ похвальныя каче-
 „ ства; а маленькая Орвиль неопрятна,
 „ зла, нечувствительна, упряма, ничего
 „ не знаетъ; она никого не любитъ, и
 „ ее никто не любитъ. Я часто совѣ-
 „ шовала ея отцу запереть ее на всю
 „ жизнь; она совсѣмъ негодится жить въ
 „ свѣтѣ. „ — „Я сама терпѣшь ее
 „ не могу, сказала другая госпожа, и
 „ всегда отворачиваюсь, когда ее увижу.
 „ Негодная! она всякой день дѣлаетъ
 „ огорченія отцу своему и маперѣ, и это
 „ ни мало ее не прогаешь, Графиня Ор-
 „ виль больна съ печали о томъ, что дочь
 „ ея такъ упряма и зла. „ — „Однако жъ

продолжала она, оборотясь къ мушинѣ; копорой игралъ съ ними, вы, господинѣ „ Баронѣ, играете и шупите съ нею, „ шакѣ, какѣ бы она эшо заслуживала. „ Я не похваляю эшова. Маленькая Орвиль „ шакѣ глупа, что не видишѣ шого, что „ вы смѣшесь только надѣ ея недоспаши- „ ками. „ — „ Я ни мало о ней не забо- „ чусь, ошвѣчалъ Баронѣ: „ она мнѣ не „ дочь и не племянница. Я не иначе съ „ нею обхожусь, какѣ съ куклою. „ — А! эшо надобно мнѣ замѣришь. Одинѣ изѣ нашихѣ знакомыхѣ всегда играешѣ только и шупишѣ со мною. Не почитаетѣ ли онѣ и меня куклою?

Мать. Можешѣ спашься; подумай сама обѣ эшомѣ.

Дочь. Посмотримѣ, что будешѣ да- лѣе. (*продолжаетъ читать.*) „ Сей разго- ворѣ пронулѣ дѣвицу Орвиль и опкрылѣ ей глаза. Она почувспвовала, сколь дурно она себя вела и что время уже ей исправиться. Она вошла вѣ залу, залившись слезами. — „ Государыни „ мои! „ говорила она: „ я заслуживаю все „ шо, что вы обо мнѣ говорили; но я „ клянусь вамѣ, что я хочу исправиться. „ Я хочу спарашься, чтобѣ впредѣ обо мнѣ „ шакѣ же хорошо говорили, какѣ о моей се- „ спрѣ.

„спрѣ. Помогите мнѣ упростишь башюшку
 „и машушку, чшобѣ они меня простили.
 „Ахѣ! какѣ я несчастна! я недосшойна
 „ихѣ милоспи. „ — Госпожи удивились
 сей перемѣнѣ; но пронумы будучи ея
 раскаяніемѣ, начали думать о ней лучше,
 нежели прежде. Одна изѣ нихѣ, сказала
 ей: „Еспѣли шы подлинно чувспвуешь
 „раскаяніе, шо можешь еще исправиться
 „и сдѣлашься шакую, какова швоя се-
 „спра. Однако эшо будешѣ шебѣ споишь
 „много шруда. Я признаюсь, чшо я не по-
 „ручилась бы за шебя, и будучи на мѣ-
 „спѣ швоей мапери, не простила бы шебѣ
 „до шѣхѣ порѣ, пока бы шы не испол-
 „нила своего намѣренія. „ — Машушка!

Мать. Чшо?

Дочь. Эша госпожа была очень не-
 жалосплива. Я думаю, чшо дѣши ея бы-
 ли несчастливы.

Мать. Видно, чшо она дѣшей не
 имѣла.

Мать. Тѣмѣ лучше. Мнѣ очень
 хочешся, чшобѣ дѣвица Орвиль исправи-
 лась. Посмотримѣ. (*читаетѣ.*) Дѣвица
 Орвиль ошвѣчала ей: „Сударыня! я не
 „шребую, чшобѣ башюшка и машушка
 „посшупали со мною шакѣ же; какѣ сѣ
 „моею сесшрою. Я хочу шолько просишь
 „ихѣ „

„ ихъ , чшобъ они меня просшили и по-
 „ могли мнѣ исправиться. — А вы ,
 „ государь мой , сказала она Барону, уви-
 „ дите , что я не кукла , и что я за-
 „ служиваю сколько нибудь уваженія. „ —
 „ Когда вы сами себя не уважаете , опвѣ-
 „ чалъ Баронъ , шо мнѣ кажется , что и дру-
 „ гие могутъ себя опъ эшова уволишь. „ —

Другая госпожа, кошорая ничего еще не го-
 ворила, сказала шихо своей пріятельницѣ :

„ Ешьли бы вы имѣли дѣшпей , шо не по-
 „ ступили бы съ нею шакъ спрого , но
 „ еще похвалили бы ее за доброе намѣреніе.

„ Она заслуживаетъ ободреніе. „ — По

„ томъ взяла она маленькую Орвиль за ру-
 ку и сказала ей : „ Пойдемъ , душа моя !

„ я поведу тебя къ швоей машерѣ и буду про-
 „ сить ее вмѣшѣ съ шобою, чшобъ она тебя
 „ простила. „ — Маленькая Орвиль броси-

лась къ ней на шею. — „ Ахъ , суда-
 рыня ! „ говорила она : „ какъ я вами

„ обязана ! я увѣряю васъ , что вы не
 „ будете никогда жалѣшь объ эшомъ. „

„ Дѣвица Орвиль вошла къ своимъ ро-
 дителеямъ , дрожа опъ спыда. Они при-
 няли ее милосшиво , и машь ее говорила
 ей съ нѣжностію : „ Любезная дочь ! я
 „ заклинаю шебя, не сдѣлай себя нещасшною
 „ на всю свою жизнь. Я занемогла съ

„ пе-

„печали, видя дурныя швои поступки.
 „Что бы съ шобою было, естльи бѣ ты
 „сдѣлалась причиною моей смерши? Тогда
 „никто бы не могъ на тебя смотрѣшь
 „безъ ужаса; всѣ спали бы опѣ тебя
 „бѣгашь; ты сама желала бы опѣ себя
 „скрышься, однако совѣсьшъ швоѧ нигдѣ
 „не перестала бы тебя мучишь. „ —
 Маленькая Орвиль залилась слезами, и
 обнимая машь свою, вскричала: „ахъ!
 „мапушка, жальшьесь надо мною и про-
 „спише меня. Я хочу загладишь всѣ мои
 „проступки. „

„Вѣ самомѣ дѣлѣ съ шого времени
 спаралась она исправишься и перемѣнишь
 свои поступки, хопя эшо было весьма
 шрудно. Она начала учишься весьма при-
 лѣжно и вѣ два года выучилась всему
 шому, что знала ея сеспра, хопя и не
 пакѣ совершенно; для шого, что попере-
 ряннаго времени возвраишь уже не мо-
 жно. Скоро примѣшила она пользу своей
 шремѣны; всѣ перестали еѣ презирашь
 и начали обходишься съ нею почшительшо.

Графѣ и Графиня Орвиль возвраи-
 лись вѣ городѣ, и живучи шамѣ, имѣли
 удовольствіе слышашъ, какѣ всѣ хвалили
 ихѣ дочь. „

Мапушка! эша сказка ужѣ вся.

Мать.

Мать. Изрядно. Чему жь ты изъ нее научилась?

Дочь. Я научилась изъ нее шому, что не должно спрашивать времени, шакъ, какъ дѣвица Орвиль, пока она еще не начала стараться исправить свои поступки.

Мать. И шакъ ты видишь, что ты дѣлала очень дурно, когда спрашила напрасно шо время, кошорое должно бы тебѣ употребить вѣ пользу. Оно прошло, и ты не можешь его возвращать.

Дочь. Эшо правда, машушка; впредь буду я беречь время.

Мать. Ты хорошо сдѣлаешь. — Теперь садись и пиши.

Дочь. Я хотѣла спросить у васъ нѣчто о шомъ, что я читала.

Мать. Ты можешь послѣ объ эшомъ спросить; а шеперь пора тебѣ писать.

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.
Матѣ. гл. 6. ст. 11.

XXXV.

Сократъ и Лампроклъ.

Сократъ, примѣтивши нѣкогда, что Лампроклъ, спаршій его сынъ, сердился на мать свою, имѣлъ съ нимъ слѣдующій разговоръ.

Сократъ. Скажи мнѣ, любезной сынъ, знаешь ли ты такихъ людей, которыхъ называющъ неблагодарными?

Лампроклъ. Знаю довольно многихъ.

Сократъ. Примѣчалъ ли ты, за что ихъ такъ называющъ?

Лампроклъ. За то, что они не оказываютъ благодарности за тѣмъ благодѣянія, которыхъ имъ дѣлающъ.

Сократъ. Какъ ты думаешь? можно ли неблагодарныхъ людей почислать несправедливыми?

Лампроклъ. Конечно ; они очень несправедливо поступаютъ.

Сократъ. Мы почитаемъ несправедливостью дѣлать друзей своихъ невольниками ; напрошивъ шого кажется намъ справедливо дѣлать невольниками своихъ непріятелей. Не такъ ли ты думаешь и о неблагодарности ?

Лампроклъ. Нѣтъ ; я думаю , что тошъ весьма несправедливо поступаешъ , кшо получая благодаренія , отъ друзей ли то , или отъ непріятелей , не оказываешъ благодарности.

Сократъ. И такъ неблагодарностьъ есть сущая несправедливость ?

Лампроклъ. Это правда.

Сократъ. И чѣмъ больше бывающъ отъ благодаренія , за копорыя мы не оказываемъ благодарности , шѣмъ несправедливѣе мы поступаемъ ?

Лампроклъ. Точно такъ.

Сократъ. Но кшо получаетъ больше благодареній , какъ дѣти отъ своихъ родителей ? — отъ родителей , копорые дали имъ жизнь , дабы они увидѣли въ свѣтѣ шполь много прекраснаго и великолѣпнаго , и дабы наслаждались всемъ шѣмъ добромъ , копорое боги людямъ даруютъ. Жизнь почитаемъ мы шполь драгоценною,

чшо

что ничего такъ не боимся, какъ ее потерять. И для того въ нѣкоторыхъ земляхъ за самыя величайшія преступленія законы повелѣваютъ казнить смертію; но потому, что законодатели не знали большаго наказанія, которое устрашало бы людей и удерживало бы отъ преступленій. — Матери, родивши дѣтей, кормятъ ихъ и пекутся объ нихъ; дѣти же въ то время еще и не знаютъ, отъ кого получаютъ отъ добро, или что имъ нужно; но матери стараются доставлять имъ все то, что должно быть имъ полезно и приятно, кормятъ ихъ чрезъ долгое время, и день и ночь постоянно носятъ нянучи, не зная, какую получаютъ за то благодарность. — Не довольно еще того, что родители даютъ дѣтямъ своимъ пропитаніе; но примѣтивши въ нихъ способность чему нибудь научиться, учатъ ихъ всему, что имъ въ жизни знаетъ нужно. Если же они думаютъ, что другіе люди способны научиться чему нибудь дѣтей ихъ, нежели они, то описываютъ ихъ къ симъ людямъ съ великими издержками и стараются сколько возможно дѣлать все то, что служитъ къ пользѣ дѣтей.

Лампроклъ. Хошя бы машь моя все эшо, и еще гораздо больше, сдѣлала, однако не можно шерпѣшь ея суровости.

Сократъ. Думаешь ли ты, что люпость какова нибудь дикаго звѣря еще несноснѣе суровости швоей мащери?

Лампроклъ. Нѣшѣ! люшѣе шакой мащери никшо бышь не можешѣ.

Сократъ. Однако она не сдѣлала еще шебѣ шакова вреда, какой дикіе звѣри людямѣ дѣлаюшѣ; она никогда еще не хощѣла шебя разшерзашѣ.

Лампроклъ. Но шѣмѣ чаще она бранишя и говоришѣ шо, чего бы я во всю жизнь услышашѣ не хощѣлѣ.

Сократъ. Сколько жѣ, думаешь ты, огорченій ты ей дѣлалѣ день и ночь какѣ еловами, шакаѣ и поступками сѣ самага дѣшества? Какѣ часто печалилась она, когда ты бывалѣ боленѣ?

Лампроклъ. Но я никогда не сказалѣ и не сдѣлалѣ ничега шакого, чего бы ей надобно было стыдидишѣся.

Сократъ. Можешѣ ли ты слушащѣ все шо, что она шебѣ говоришѣ сѣ большею чувствивишельностію, нежели сѣ какою комедіянты на театрѣ говоряшѣ другѣ другу самыя обидныя слова? Они знаютѣ, что они браняшѣ другѣ друга не для шо-
го,

го, чтобы оскорбишь, и грозяшь другу другу не для того, чтобы причинишь какоенибудь несчастіе; и по-тому сносятъ брань и угрозы. А ты знаешь, что мать швоя все эшо говоришь тебѣ не для того, чтобы сдѣлать тебѣ зло, но для того, что она желаетъ тебѣ добра больше, нежели другимъ людямъ. Какъ же можешь ты на нее сердиться? Или ты думаешь, что мать швоя зла тебѣ желаетъ?

Лампроклъ. Нѣтъ, эшова я не думаю.

Сократъ. Какъ же можешь ты называть несносною такую мать, кошорая тебѣ столько добра желаетъ, печется о томъ, чтобы ты былъ здоровъ и ни въ чемъ нужномъ не имѣлъ недостатка, кошорая молился за тебя богамъ? Есть ли не можешь ты перпѣшь такой мащери по долженъ не перпѣшь и никакихъ благодарній. — Скажи мнѣ, сынъ мой! почишаешь ли ты себя обязаннымъ повиноваться комунибудь? Есть ли какойнибудь полководецъ, или гражданской начальникъ, кошорому ты угодишь желаетъ?

Лампроклъ. О! конечно есть.

Сократъ. Желаетъ ли ты угодишь своему сосѣду, для того, чтобы онъ

при случаѣ ссудилъ себя шѣмъ; что тебѣ понадобится, помогъ тебѣ получишь какуюнибудь пользу, и избавилъ тебя отъ какогонибудь несчастія?

Лампроклъ. Какъ эпова не желашь?

Сократъ. Бдучи съ кѣмънибудь въ дорогѣ не почиталъ ли бы ты за должность, искашь пріязни своего поварища? Или бы для тебя было все равно, съ другомъ ли вмѣстѣ ѣхашь, или съ непріятелемъ?

Лампроклъ. Безъ сомнѣнія, мнѣ бы должно было искашь его дружбы?

Сократъ. Когда жъ ты, всѣхъ сихъ людей почиташь долженъ; то какъ же думаешь, что ты не обязанъ почиташь мать свою, которая любитъ тебя больше всякаго друга? — Ты знаешь, что въ гражданскихъ нашихъ законахъ не положено никакаго наказанія за неблагодарность; но кто не оказывашь почтенія своимъ родителемъ, тому не позволяется поручашь никакой важной должности, для того, что шакого человека почитающъ недостойнымъ предпринимашь какіянибудь благородныя дѣла. Еще болѣе, — ты знаешь, что у насъ развѣдывающъ о томъ, кого хошашь вы-
братъ

братъ въ Архоншы (*), украсилъ ли онъ гробницы своихъ родителей? — И шакъ, сынъ мой! проси, чшобъ боги шебя проспшили, еспшли пы презиралъ мать свою; дабы они, признавши шебя неблагодарнымъ, не лишили своихъ благодбянй. Берегись, чшобъ люди, примбшивши, чшо пы не уважаешь своихъ родителей, не презрбли шебя, и чшобъ пы не лишился всбхъ своихъ друзей; ибо когда узнають, чшо пы неблагодаренъ кб родителямъ, шо никшо не будешъ надбяться опъ шебя благодарности и никшо не захочешъ дблать шебъ добро.

XXXVI.

Недовольной своимъ состоянiемъ.
Сказка.

Ома былъ бдной креспьянинъ и препроводилъ жизнь свою въ шягосшной работб; однако будучи прилбженъ, онъ всегда могъ сполько вырабшывать, сколько ему необходимо надобно было на

В в 4

дне-

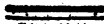
(*) Главные начальники въ древней Афинской республикб.

дневное пропитаніе. Ему наскучило его состояніе. Онъ пошелъ на поле съ досадою и опправляялъ свою работу съ негодованіемъ на судьбу. „Другіе, думалъ онъ, такіе жъ люди какъ я; для чего жъ они меньше меня работающъ, а больше имбюшъ доспашка? Да еще естъ много и шакихъ, которые совсѣмъ не работающъ, или шогда шолько работающъ, когда захопшяшъ, но при шомъ живущъ богато. А я долженъ всякой день работашъ такъ, чшобы пошъ лился съ меня ручьями. „— Онъ посмотрѣлъ на небо и сказалъ: „Господь Богъ чудно раздѣляешъ богатство: лѣнивому даешъ Онъ всегда больше, нежели прилѣжному, злому больше, нежели доброму. Для чего бы и мнѣ не бышь такъ же богату, какъ мой сосѣдъ? „—

Досада на свое состояніе такъ усилилась въ бѣдномъ Томѣ, чшо онъ кинулъ работу и ушелъ домой. Вечеру нѣчего ему было ужинашъ, для шого, чшо въ день онъ ничего не выработалъ. На кою жъ должно ему было жаловашься? На самого себя. Голодъ весьма сильно далъ ему почувствовашъ, чшо онъ виноватъ, и онъ вознамѣрился на другой день опяшъ приняшьяся за работу. Лишь шолько взошло

шло солнце, по онъ побѣжалъ на работу. Поле, на копоромъ онъ работалъ, было подлѣ большой проѣзжей дороги, и онъ видѣлъ много богатыхъ людей, копорые часто проѣзжали мимо его въ хорошихъ каретахъ и верьхами, по въ городъ, по изъ города. Сіе зрѣлище опять возбудило его неудовольствіе, и онъ опять началъ завидовать симъ людямъ, копорыхъ онъ почиталъ щасливѣе себя. Одно желаніе за другимъ шѣснилось въ его сердце; онъ кинулъ бы попрежнему свою работу, естли бѣ желудокъ его не напоминалъ ему о вчерашнемъ вечерѣ. — Вдругъ увидѣлъ онъ великолѣпную карету, копорая подѣхавши къ нему, остановилась. Прекрасная женщина, у копорой добросердечіе написано было на лицѣ, вышла изъ кареты и подошла къ нему. Это была волшебница Евгерета. — „Здравствуй, старичокъ!“, сказала она: „Что ты дѣлаешь? — Ахъ! какъ ты щасливъ, живучи въ такой прекрасной деревнѣ и обрабатывая такую хорошую землю! Я восхищаюсь красою здѣшняго мѣста.“

„Не уже ли, говорилъ Ома, въ самомъ дѣлѣ это вамъ такъ пріятно. Нѣтъ! вы только шушите надо мною.“

Есшьли бы у меня были шакія хорошія лошади и сполько богашспва , какъ у васъ , я никогда бы и не подумалъ о здѣшнемъ мѣспѣ. „

Волшебница. Видно , что шы недо-
воленъ своею жизнію ?

Тота. Какъ мнѣ бышь довольну? — Посмотрите на мои руки , онѣ всѣ вѣ мозоляхъ. Видите ли , какъ пошъ сѣ меня льещя и какъ я загорѣлъ опѣ солнца ? Я работаю цѣлой день безпре-
спанно ; и за эшо сполько что сѣ голоду не умираю. — А когда я посмоцрю на васъ , какое у васъ нѣжное пѣло ! какія бѣлыя руки ! Видно , что вы ни вѣ чемъ не шерпите недоспашка и не знаеще , что шакое нужда.

Волшебница. Однако , другъ мой , не всякой сполько шаспливѣ , какъ сѣ пер-
ваго взгляду кажещя. Можешъ бышь , шопѣ самой , кого шы шаспливымъ по-
чинаещъ , мучишя шакимъ безпокой-
ствомъ , котораго шы не чувщвуещъ.

Тота. Хорошо вамъ шакъ говоритъ ,
когда вы ни вѣ чемъ не знаеще недоспаш-
ка. Вы спали бы говоритъ совсѣмъ ина-
че , есшьли бы побывали на моемъ
мѣспѣ.

Волшебница. Истинное счастье состоит не в богатстве, не в знатности и не в роскошной жизни. Я уверяю тебя, что многие богатые люди желали бы быть на своем месте.

Ома. Нѣтъ; я этому никогда не повѣрю.

Волшебница. А для чего? — У кого много богатства, у того и забот много. Чтобы управлять большим богатством, надобно иметь и большой разум. Богатой человек может быть обманут и лишиться всего своего имущества. Если его предприятия не нравятся другим людям, то все их порочает. Сверх того он всякой день бывает подвержен разным досадам и беспокойствам. — Человеческое счастье состоит только в душевном спокойствии и внутреннем удовольствии. Кто это имеет, тот может быть счастлив и с самым малым достатком.

Ома. И это может быть правда; однако со всеми теми богатыми быть очень хорошо. Подумайте, как приятно иметь всегда полную кошелек денег, и доставать на них все, чего только захочешь.

Волшебница. Я вижу, что ты не можешь опспашь опшъ своего мнѣнія, какое ты о богатствѣ имѣешь, и не переспанешъ жаловаться на свою участь. — Изрядно! поѣдемъ со мною; я дамъ тебѣ свободу выбрашь другое соспоянiе, какое тебѣ угодно.

Ома не вдругъ повѣрилъ споль радоспному для него обѣщанiю. Онъ не зналъ, какъ благодарить волшебницу за шакую милоспъ, и воображая себѣ, какъ онъ будешъ богатымъ и знапнымъ господиномъ, прощался навсегда съ бѣдною своею деревнею. —

Волшебница посадила его съ собою въ карешу, и они скоро прiѣхали къ ея палатамъ, которыхъ великолѣпiе едва не оспѣпило бѣднаго Оому. Вышедши изъ карешы, онъ обширалъ запыленные свои сапоги, чшобы не замарапъ ими половъ и оправлялся такъ, чшо волшебница принуждена была разсмѣяться, смопря на его заботливоспъ. Она приказала ему ипши за собою и привела его въ богашоубранную залу. Ома изумился, увидѣвъ шакую пышноспъ, какой ему прежде и во снѣ не грѣзилось; онъ споялъ какъ окаменелой.

„Теперь выбирай будущую свою участь, сказала волшебница: „вошъ рядъ мѣш-

мѣшковъ, въ кошорыхъ лежатъ разныя
человѣческія соспоянія съ ихъ пягосшями,
Выбери изъ нихъ одинъ, кошорой тебѣ
понравился и будешь по швоимъ силамъ. „

Ома подошелъ къ мѣшкамъ, дрожа
отъ радости. Онъ поднялъ первой мѣ-
шокъ, но нашелъ его слишкомъ тяжелымъ.
— „Нѣтъ!“, сказалъ онъ: „я не хочу
эшова соспоянія. „

Волшебница приказала ему развязашъ
мѣшокъ и посмошрѣшь, какое эшо соспояніе.
Онъ развязалъ мѣшокъ и увидѣлъ въ немъ
надпись: *соспояніе Государя*. — „Я ни-
когда не думалъ, сказалъ онъ, что Госу-
дарямъ надобно носить шакую пягосшь. „

Онъ пошелъ далѣе и поднималъ
еще нѣсколько мѣшковъ, одинъ по-
слѣ другаго, но всѣ были для не-
го слишкомъ тяжелы. Онъ качалъ го-
ловою и отшодилъ отъ нихъ прочь. Ме-
жду прочими увидѣлъ онъ мѣшокъ от-
мѣнно тяжелой, и развязавши его узналъ,
что эшо соспояніе богашаго человѣка.
— „Вижу я, что волшебница говорила
правду, подумалъ онъ. — Наконецъ по-
пался ему мѣшокъ, кошорой былъ легокъ,
какъ перо. Ома просилъ волшебницу,
чтобъ она позволила ему взять эшо со-
спояніе.

„Изрядно!“, сказала волшебница, прозвба швоя должна бышь исполнена. Развяжи мѣшокъ и посмотри, что вѣ немѣ? Пущь эшо соспоянїе будешь швое.

Оома благодарилъ волшебницу и цѣловалъ ея плашье. — „Посмотримъ, Оома, что шебѣ досшалось!“, говорилъ онѣ, развязывая мѣшокъ дрожащими опѣ радосши руками. — Но что жѣ онѣ увидѣлъ вѣ эшомѣ мѣшкѣ? — *Состоянїе бѣднаго*, — *состоянїе та'ова чловѣка, которой ничего не имѣетъ, кромѣ самага необходимаго. Нещастенъ онѣ, естѣли не будешь доволенъ сею участью.*

Волшебница. Что шебѣ сдѣлалось, Оома? Ты споишь, какѣ окаменелой?

Оома. Ахѣ! — гдѣ жѣ мое щасье?

Волшебница. Пойди, неблагодарной! и наущись бышь довольнымѣ. Провидѣнїе безѣ сомнѣнїя надѣлило бы шебя лучшешю участью; естѣли бѣ ты вѣ состоянїи былѣ ея снесши. Ты опышомѣ узналъ, что чѣмѣ выше состоянїе, шѣмѣ больше имѣешь оно шрудностей. Не получилѣ ли бы ты еще больше причинѣ жаловашься на судьбу, естѣли бѣ ты сдѣлался знатнымѣ и богатымѣ чловѣкомѣ. Ненасышному чловѣку никакое состоянїе нравишься не можешь. Никогда не бываешь онѣ

доволенъ, и самъ дѣлаешь жизнь свою мрачною и шягосшною, хошя бы и могъ провести ее спокойно. — Скажи мнѣ, что спали бы о тебѣ говоришь, еспьли бѣ захошѣлъ ты свезши на овцѣ большой возѣ хлѣба? Не назвали ли бы тебя сумасшедшимъ? — Какъ же ты жалуешься на судьбу за то, что она надѣлила тебя состояніемъ по твоимъ силамъ? — Пойди и исправься, работою прилѣжно и шѣмъ покажи, что ты исправился. Пойди и научись довольствоваться своимъ состояніемъ; оно для тебя лучше всякаго другаго, и одно только можешь сдѣлать себя щасливымъ.

XXXVII.

Невинная хитрость.

Персидской Шахъ (*) возвратившись некогда съ охоты ошдалъ лучшаго своего сокола надзирашелю надъ его птицами, и при томъ сказалъ ему: „Береги этого сокола; кто первой скажетъ мнѣ, что онъ умеръ, тому прикажу я отрубить голову.“

Черезъ нѣсколько дней послѣ того соколъ умеръ. Надзирашель пришелъ въ

онъ

(*) Такъ называется Персидской Государь.

опчаяніе, Онѣ необходимо долженъ былъ донести Шаху, что соколъ умеръ, и зналъ, что онѣ непременно лишится жизни, когда первой о помѣ ему скажетъ. Созвавши друзей своихъ, требовалъ онѣ совѣща, какъ ему поступить. Они присовѣщивали упросить придворнаго Шахова шута, чтобѣ онѣ взялъ на себя донести Государю сіе извѣстіе.

Шутѣ согласился на прозьбу пшичьего надзирашеля, и пришедши къ своему Государю спарался показашъ ему знаками все, что онѣ видѣлъ на пшичьемѣ дворѣ, осперегаясь однако упоминашъ о соколѣ; а по помѣ сказалъ: „теперь видѣлъ я прекрасную пшицу, которая лежишъ на богатомѣ коврѣ, съ распушенными крыльями; около ея сидяшъ свои придворные, повѣсивъ головы и въздыхаютъ; а пшичий надзирашель боится, чтобѣ ты не приказалъ его казнить, и плачешъ.

Шахъ, понявши, что онѣ хотѣлъ сказашъ, вскричалъ: „Какъ! Соколъ мой умеръ?“

„Ты самѣ сказалъ обѣ эшомѣ прежде всѣхъ, ошвѣчалъ шутѣ, и мнѣ жаль, что ты прикажешъ ошрубить себѣ голову.“

Шаху понравилась сія выдумка и онѣ простилъ пшичьего надзирашеля.

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

И остави намъ долги наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Матт. гл. 6, ст. 12.

XXXVIII.

Разговоръ.

Добросердѣ, бывая вмѣстѣ съ любимыми ми своими дѣтьми, не пропускаешь случаевъ сообщать имъ что нибудь полезное, и по тому часто вступаешь съ ними въ такіе разговоры, изъ копорыхъ онѣ многому могутъ научаться. Дѣти, а особливо старшія, охотно его слушающъ и часто сами спрашиваютъ о такихъ матеріяхъ, копорыя по ихъ лѣтамъ довольно важны. Нѣкогда читалъ онѣ съ ними сказку о Томѣ, недовольномъ своимъ состояніемъ, копорую помѣстили мы въ послѣднемъ Но нашихъ листовъ. Сіе чтеніе подало поводъ къ досройному

Часть III. Но 39. Г г вни-

вниманія разговору, изъ коего хопимъ мы сообщимъ слѣдующее.

„Много пакихъ людей, говорилъ Добросердъ, копорые пакъ же поступающъ, какъ Оома. Еспъли вы, любезныя дѣши, не хопите бытъ вѣ числѣ пакихъ людей, какъ нынѣ, пакъ и впредь, по надобно вамъ еще вѣ первыхъ лѣпахъ своей жизни привыкашъ бытъ довольными своимъ соспоаніемъ. Будше увѣрены, что Господь Богъ все хорошо учреждаешъ. По Своей премудрости и всевѣденію знаешъ Онъ, что бѣдной, сдѣлавшись богашымъ, былъ бы нещасливъ; Онъ знаешъ, сколько всякой челоуѣкъ снести можешъ.“

„Будучи довольны, бываемъ мы веселы; когда жъ мы веселы, то работаемъ съ охопоу, а по шому и съ хорошимъ успѣхомъ. Такимъ образомъ довольной своимъ соспоаніемъ челоуѣкъ никогда вѣ нужныхъ вещахъ недостатка шерпѣшь не можешъ. Вѣ примѣрѣ эшому разскажу я вамъ обѣ одномъ челоуѣкѣ, копорой конечно понравилшя вамъ лучше бѣднаго Оомы.“

„Ернспъ былъ бѣдной купецъ, копорой шорговалъ мелочными поварами. Онъ не имѣлъ недостатка вѣ необхо-

димомъ прописаніи ; но жена его была не столько довольна такимъ состояніемъ, какъ онъ самъ, и часто говорила ему, чшобъ онъ началъ торговать лучшими шоварами. — „ На это надобны деньги, „ отвѣчалъ ей мужъ ; а намъ гдѣ ихъ „ взять ? Правда, мы могли бы занять „ денегъ у богатыхъ нашихъ пріятелей ; „ но естли бы въ торгу намъ не поща- „ спливилось, то бы нѣчемъ было заплашить „ долгу, и мы сдѣлались бы обманщиками. „ Нѣтъ, останемся лучше съ шѣмъ, что „ у насъ есть, и спанемъ прилѣжно ра- „ боать, а прочее оставимъ все на волю „ Божію. Кто на Бога надѣется, того „ Онъ вѣрно не забудетъ. „ — Онъ про- „ должалъ жить по прежнему, работалъ прилѣжно, продавалъ шовары свои за умѣренную цѣну, однако жъ съ хорошимъ прибыткомъ, и такимъ образомъ нажилъ довольной досташокъ, съ кошорымъ могъ вести спокойную жизнь. — Нѣкогда въ вечеру сидя съ женою своею подъ деревомъ, кошорое самъ онъ посадилъ, говорилъ онъ ей : „ Смощри, какъ Господь Богъ „ насъ благословилъ, какъ работа наша „ удачно идетъ ! Могли ли бы мы съ шо- „ бою сидѣть шакъ спокойно, естли бы „ я послушался швоего совѣща и вошелъ

Г г 2

„ въ

„вѣ долгѣ? Не правду ли говорилъ я, что
 „Богъ не забываетъ того, кто на Него
 „надѣется? Не спанемъ впредь скучашь
 „своею участью, и будемъ всегда доволь-
 „ствоваться нашимъ состояніемъ! „ —
 Съ такими мыслями Эрнстъ всегда былъ
 доволенъ и веселъ; пріятность всегда вид-
 на была у него на лицѣ, и за то всѣ
 знакомые его любили, и всѣ называли его
 добрымъ Эрнстомъ. „

Лизанька. Въ самомъ дѣлѣ эшотъ
 человекъ мнѣ очень нравился. Я по себѣ
 знаю, какъ хорошо быть довольною.

Николай. Но какъ же до эшова дой-
 ти, чтобъ всегда быть довольнымъ?

Добросердѣ. Надобно, другъ мой,
 все въ свѣшѣ прилѣжно разсматривать и
 спараться узнавать. Многіе желаютъ все-
 го, что только имъ въ глаза попадется,
 или на умъ придетъ, не подумавши, чего
 они желаютъ. Съ ними по же бываетъ,
 что съ малыми дѣшми, кошорыя хо-
 пятъ схватишь огонь и обжигаютъ себѣ
 руку.

Волшебница, въ сказкѣ, правду го-
 ворила о богатствѣ. Оно приноситъ мно-
 жество безпокойствъ, и кто желаетъ
 сдѣлаться богатымъ, тотъ конечно же-
 лаетъ эшова не подумавши. Въ какихъ

заботахъ долженъ богатшой человекъ проводить жизнь свою! Онъ располагаясь иногда провести вечеръ въ удовольствіи, но вдругъ получаетъ письмо, въ которомъ уведомляютъ его, что онъ обманутъ своимъ должникомъ, и ожидаемое удовольствие исчезаетъ! Или въ то время, когда онъ думаетъ, что всѣ его обстоятельства хороши, вдругъ узнаетъ онъ, что погонулъ корабль, на которомъ была большая часть его имѣнія. Когда находишь страшная пуча, то онъ начинаетъ дрожать отъ страха, чтобъ все его имѣніе въ одну минушу не погибло. Всѣ предпріянія богатшаго человека бывающъ строго наблюдаемы окружающими его людьми и часто подвержены кривымъ толкамъ и хуль. Напрощивъ того бѣдной человекъ не имѣетъ ничего изъ всего этого опасаться. Онъ можетъ спокойно наслаждаться своею жизнью. — Но кого уже Богъ надѣлилъ богатствомъ, тотъ долженъ употреблять его съ благодарностію къ Подателю, помня при томъ о должностяхъ и заботахъ, соединенныхъ съ его состояніемъ, и о томъ, что сказала волшебница Евергеша: „Чтобы управлять большимъ богатствомъ, надобно имѣть и большой

разумѣ. — Знашность естъ также изрядное преимущество въ свѣтѣ; однако и она связана съ такими жь трудностями и безпокойствами, какъ и богатство.

Николай. Однако представьте себѣ, какъ приятно быть знашнымъ человѣкомъ; всѣ ему кланяющся, всякой спрашивается ему угодишь.

Доброесердѣ. Но какую жь пягость долженъ онъ за это сносить! Всякой день приходящъ къ нему толпы людей съ прозьбами; иной проситъ помощи, другой защиты, претій награжденія; душа его почти всегда наполнена бываетъ желаніями и требованіями другихъ людей, которыхъ онъ часто не въ состояніи бываетъ удовольствовать и по большей части долженъ отпустить отъ себя съ огорченіемъ. Все жь это составляетъ можеть быть только самую легкую часть дѣла его. Долго бы надобно рассказывать о всѣхъ безпокойствахъ, какія соединены съ состояніемъ знашнаго человѣка; да по большей части вы не могли бы того и донять.

Николай. Довольно уже и того, что вы теперь сказали. Послѣ этого участъ знашнаго человѣка кажется мнѣ не столько завидною, какъ прежде.

Добро-

Добросердѣ. Для чего жь прежде казалась она тебѣ такою?

Николай. Для того, что я не зналъ, какъ трудно бышь знашнымъ человекомъ; я смотрѣлъ на одну только наружность.

Добросердѣ. Люди по большей части такъ поступаютъ. Они плѣняются чѣмъ нибудь только по наружности; разсмотрѣвши внутренность вещи, начали бы они думать со всѣмъ иначе.

Неудовольствіе происходитъ отъ многихъ желаній. Чѣмъ меньше мы желаемъ, тѣмъ бываемъ довольнѣе; а чѣмъ больше желаемъ, тѣмъ недовольнѣе бываемъ. Въ желаніяхъ своихъ обыкновенно столько мы несправедливы, что досадуемъ и негодуемъ, когда онѣ не исполняются. Но лучшее средство избѣгать неудовольствія есть то, чтобы стараться сколько возможно лучше пользоваться настоящимъ нашимъ состояніемъ. На примѣръ, Лизанька желаетъ хорошей погоды; но это желаніе не исполняется, идетъ дождь, и она лишается чрезъ то какова нибудь удовольствія, котораго она надѣялась. Должно ли ей на это досадовать? Нѣтъ; она гораздо лучше сдѣлаетъ, еслии будетъ думать: „хотя

и не сдѣлалось по моему желанію ;
однако досадою перемѣнишь эшова не
можно. Можешь быть такая погода
полезна шеперь многимъ тысячамъ лю-
дей и можешь быть они давно уже
молили о ней Бога. Я стану чипашь
хорошую книгу и постараюсь шѣмъ за-
мѣнишь удовольствіе , котораго я ожи-
дала. , Такія мысли скоро прогоняшъ
ея неудовольствіе. — Николаша хочешъ
выучишь свой урокъ ; но онъ на распо-
ложенъ къ тому и урокъ нейдешъ ему
въ голову. Чшо въ такомъ случаѣ дѣ-
лашь ? Досадовашь и сердишься ? — Нѣтъ ;
съ досадою не выучилъ бы онъ никогда
урока. Онъ долженъ разогнашь свое не-
удовольствіе , развеселишься , поискашь
причины , для чего онъ въ шотъ часъ
неспособенъ къ ученью , и впредь спа-
рашься избѣгашь ея. Исполнивши это ,
увидишь онъ , что предпріятіе его сдѣ-
лаешся гораздо легче.

И такъ , любезныя дѣщи , почишай-
те за великое щастіе то , чшобъ быть
всегда довольными. Въ такомъ соспо-
ніи бываемъ мы способны гораздо живѣе
чувшвовашь пріятностей нашей жизни ,
желашь добра другимъ людямъ и взаимно
угождашь другъ другу. Спарайшесь всѣми
силами

вилами приводить себя въ это состояніе, и сколько можно ранѣе начинайте учиться важному искусству удовольствія.

XXXIX.

Басня и повѣсть.

Многіе молодые люди обыкновенно бываютъ подвержены копорой нибудь изъ двухъ погрѣшностей: они либо за все сердятся и дѣлаютъ себя ненавистными чрезмѣрною чувствительностію; либо узнавши, что это дурно, впадаютъ въ другую погрѣшность, желаютъ, чтобъ никто ихъ не хулилъ, и по тому спаряются всѣмъ угодишь. Вотъ басня и повѣсть на оба сіи случаи.

Басня.

Гусыня со своими гусятами завладѣла прудомъ. Гуси обыкновенно бываютъ горды, а по тому и эта гусыня не могла перитъ, чтобъ какое нибудь другое животное подходило близко къ ея пруду. „Прудъ этотъ мой, говорила она: „и я не дамъ его у себя отнять, пока только могу щипаться носомъ и биться крыльями. „ — Ушки, голуби и курицы не смѣли показаться близко ея области, и самая кошка бѣгала отъ сердитой гусыни.

Нѣкогда случилось, что гончая собака уставши педбѣжала къ пруду напишся. Гордая гусыня шотчасъ прилѣтѣла къ ней и начала щипать ее носомъ и бить крыльями. Хотя собакѣ такой пріемъ былъ досаденъ, однако она скрыла свою досаду и сказала шолько ей: „Не глупа ли ты, гусыня? Ты сердишься и дерешься безъ всякой причины. У кого нѣтъ силы, шому и сердишься не прилично.“ — Сказавши это и напившись, побѣжала она за своимъ господиномъ.

Повѣсть.

Нѣкошорой искусной живописецъ захотѣлъ угодить своею работою всему свѣшу. Испоцивши все свое искусство на одну каршину, выставилъ онъ ее на публичномъ мѣстѣ и положилъ подлѣ нее карандашъ и письмо, въ кошоромъ просилъ всякаго замѣчать карандашемъ шѣ мѣста въ каршинѣ, кошорыя ему не понравятся. Толпа людей собралась около каршины. Всякой хотѣлъ показашь себя знашокомъ, и всякой что нибудь замѣшилъ. — Какъ удивился живописецъ, пришедши ввечеру къ своей каршинѣ! Вся она была изчерчена, и не было въ ней ни одного

одного мѣста, которое осталось бы незамѣчено.

На другой день живописецъ захопѣлъ сдѣлать еще опытъ, Онъ выставилъ свою картину, такъ же, какъ и прежде; но въ письмѣ пребодалъ, чшобы всякой замѣшилъ то мѣсто, которое ему больше всего понравится. — Вечеру нащелъ онъ картину такъ же изчерченную, какъ и прежде; что одни хулили, то же самое другіе хвалили и почишали за ошмѣнную красоту.

Живописецъ взялъ свою картину съ собою и впредь никогда уже не надѣялся всѣмъ угождать.

XL.

Пискарь. Басня.

Маленькой пискарь жилъ спокойно и весело въ небольшой чистой рѣчкѣ. Высокія деревья росли около рѣчки и закрывали ее отъ солнечнаго жару, такъ, что вода въ ней всегда была холодна. Пискарь былъ щастливъ своимъ состояніемъ. Но однажды нечаянно увидѣлъ онъ вдали большое озеро. Заходящее солнце пускало свои лучи на озеро, отъ чего волны его казались

зались

зайсь позолочеными и отбрасывали отъ себя великолѣпной блескъ. Пискарь плѣнился симъ зрѣлищемъ. — „Ахъ!“, говорилъ онъ: „какое великолѣпіе! Конечно это озеро блеститъ отъ того, что рыбы въ немъ всѣ имѣютъ золотую чешую. Какъ должно тамъ быть весело! Правда, мнѣ и здѣсь хорошо жить; но какъ можно сравнить это великолѣпное море съ нашею рѣчкою, у которой берега почти срослися. Поплыву вдоль по рѣчкѣ, и посмотрю, не можно ли и мнѣ туда пройти.“

Маленькія рыбы, которыя жили въ рѣчкѣ вмѣстѣ съ пискаремъ, уговаривали его, чтобъ онъ оставилъ свое намѣреніе; но пискарь не послушался ихъ и поплылъ. надежда его не обманула; рѣчка въ самомъ дѣлѣ впадала въ большое озеро, и онъ скоро туда приплылъ. Но лишь только вошелъ онъ въ озеро, то нашелъ тысячу причинъ раскаиваться въ своемъ предпріятіи. Вода въ озерѣ была горька и солонна, такъ, что онъ не могъ ни капли проглотить. Озеро всегда было покрыто лодками, съ которыхъ рыбаки ловили рыбу сѣтями и удами. Сверхъ того плавало тамъ множество большихъ рыбъ,

копорья искали маленькихъ рыбокъ и глотали ихъ безъ пощады. Пискаръ со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ опасностями. Сколь часто воздыхалъ онъ о маленькой пихой рѣчкѣ, о прежней своей спокойной жизни, о прохладной древесной пѣни, о пріятной водѣ и о ласковыхъ рыбахъ, съ копорыми онъ жилъ вмѣстѣ! Онъ хотѣлъ было возвратиться въ старое свое жилище, но зашедши далеко въ озеро не могъ сыскать дороги. Долго плавалъ онъ и искалъ, какъ бы пройти въ маленькую рѣчку; но тщетно. Наконецъ успавши отъ безпрестаннаго плаванья, бѣдной пискаръ достался въ добычу прожорливой щукѣ.

К О Н Е Ц Ъ

третіей части.

Содержаніе третіей части.

№ 27. — I. Дружба. Стр. 3. —
II. О подражаніи родителѣмъ. Стр. 8.

№ 28. — III. О побужденіяхъ ди-
кихъ живошныхъ къ сохраненію жизни.
Стр. 17.

№ 29. — Продолженіе о побужде-
ніяхъ дикихъ живошныхъ къ сохраненію
жизни. Стр. 33. — IV. Примѣръ чesно-
сти и благодарности. Стр. 40. — V.
Меналкъ. Пастушеская повѣсть. Стр. 44.
— VI. Безумной скупецъ. Стр. 47.

№ 30. — VII. Разговоръ. Стр. 49.
— VIII. Лжець. Стр. 57. — IX. Ис-
стинныя радости въ жизни. Стр. 59. —
X. великодушные соперники, или ревность
безъ зависти. Стр. 63.

№ 31. — XI. О обезьянахъ. Изъ
натуральной исторіи. Стр. 65. — XII.
Ликасъ. Пастушеская повѣсть. Стр. 76.
— XIII. Говорящая бумага. Стр. 78.
— Довѣренность къ тому, кто всегда
говоритъ правду. Стр. 79.

№ 32. — XV. Неумѣренность. Спр. 81. — XVI. Легковѣрность. Спр. 86. — XVII. Красота и безобразіе. Спр. 89. — XVIII. Два неравные брата. Спр. 91. — XIX. Канарейка. Спр. 95.

№ 33. — Канарейка. (Продолженіе.) Спр. 97. — XX. Непризнательность. Спр. 103. — XXI. Письмо отъ отца къ сыну. Спр. 108. — XXII. Анекдотъ. Спр. 112.

№ 34. — Окончаніе письма отъ отца къ сыну. Спр. 113. — XXIII. Описаніе большой пещеры въ Дербиширскихъ горахъ. Спр. 116. — XXIV. Искусное притворство. Спр. 127. — XXV. Дубъ и свинья. Басня. Спр. 128.

№ 35. — XXVI. Разговоръ между отцомъ и сыномъ о томъ, для чего въ свѣтѣ одни бѣдны, а другіе богаты. Спр. 129. — XXVII. Угадки. Спр. 138. — XXVIII. Надежной способъ избѣгать ссоры. Спр. 142.

№ 36. — XXIX. Разговоръ одной матери съ ея дочерью. Спр. 145. — XXX. Три сестры. Спр. 152. — XXXI.

При-

Примѣръ братской дружбы. Стр. 157. —
 XXXII. Рѣзвой мальчикъ. Сказка. Стр.
 158. — XXXIII. Воронъ и лисица. Бас-
 ня. Стр. 160.

№ 37. — XXXIV. Другой раз-
 говоръ между матерью и дочерью. Стр.
 161.

№. 38. — XXXV. Сократъ и Лам-
 проклъ. Стр. 177. — XXXVI. Недо-
 вольной своимъ состояніемъ. Сказка. Стр.
 183. — XXXVII. Невинная хитрость.
 Стр. 191.

№ 39. — XXXVIII. Разговоръ. Стр.
 193. — XXXIX. Басня и повѣсть. Стр.
 201. — XL. Пискарь. Басня. Стр. 203.

